

В
М

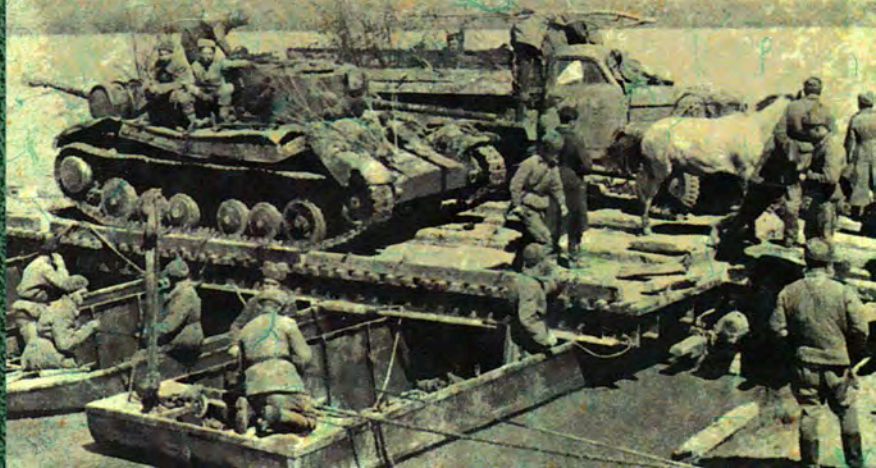
СОРОК ПЯТЫЙ

Маршал Советского Союза И.С. Конев

Военные 1941
Мемуары 1945

Маршал Советского Союза
И.С. Конев

СОРОК ПЯТЫЙ

военные мемуары

И.С. КОНЕВ

СОРОК ПЯТЫЙ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62
К64

*В оформлении обложки использовано фотоизображение
МИА «Россия сегодня»*

Конев, И.С.

К64 Сорок пятый / И.С. Конев. — М. : Вече, 2015. — 352 с.,
ил. — (Военные мемуары).

ISBN 978-5-4444-3321-8

Знак информационной продукции 12+

Воспоминания Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева рассказывают о заключительном этапе Великой Отечественной войны. В 1945 г. войска 1-го Украинского фронта Конева неустремимо стремились на запад, освобождая страны Европы. На страницах книги читатель найдет подробную информацию о всех наступательных операциях, осуществленных войсками знаменитого полководца.

Наряду с описанием боевых действий автор размышляет о военном искусстве, анализирует действия того или иного военачальника, увековечивает вклад Советского Союза в Великую Победу.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62**

ISBN 978-5-4444-3321-8

© Конев И.С., наследники, 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА

Двенадцатого января 1945 года войска 1-го Украинского фронта, которым мне выпала честь командовать, приступили к проведению Висло-Одерской стратегической наступательной операции.

В этой крупнейшей операции бок о бок с нами действовал 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Г.К. Жукова. Но я, вспоминая то время, естественно, буду останавливаться преимущественно на том, что находилось непосредственно в поле моего зрения, то есть на действиях 1-го Украинского фронта.

Я назвал 12 января, день начала операции, но, чтобы рассказать об этой операции действительно с самого начала, придется вернуться на полтора месяца назад — к концу ноября 1944 года.

Тогда меня вызвали в Москву с планом операции, разработанным командованием фронта. Я доложил его в Ставке Верховного Главнокомандования И.В. Сталину в присутствии членов Государственного Комитета Обороны.

Я хорошо помню, как обстоятельно И.В. Сталин изучал этот план. Особенно внимательно он рассматривал на карте Силезский промышленный район. Здесь было огромное скопление предприятий, шахт с мощным оборудованием, расположенным на земле, различного вида промышлен-

ных построек. Все это, вместе взятое, представляло очень большие препятствия для маневренных действий войск при наступлении.

Даже на карте масштабы Силезского района и его мощь выглядели внушительно. Сталин, как я прекрасно понял, подчеркивая это обстоятельство, показал пальцем на карту, обвел этот район и сказал:

— Золото.

Сказано это было так, что, в сущности, не требовало дальнейших комментариев.

Для меня, как командующего фронтом, уже и без того было ясно, что вопрос об освобождении Домбровско-Силезского промышленного района надо решать по-особому.

Надлежало принять все меры к предельно возможному сохранению его промышленного потенциала, тем более что после освобождения эти исконно польские земли должны отойти Польше. И потому по нашему плану удары войск шли в обход этого района, севернее и южнее его. Однако не скрою, когда Сталин так веско, значительно сказал: «Золото», я подумал, что следует ещё более внимательно и глубоко изучить все возможности не только освобождения, но и спасения Домбровско-Силезского промышленного района.

Как тогдашние мои размышления реализовались в ходе операции, я скажу позднее, но, во всяком случае, они наложили определенный отпечаток на боевые действия войск.

План со стороны Ставки возражений не встретил и был целиком одобрен. Не теряя времени, я вернулся на фронт. Началась подготовка к операции.

Прежде всего нам предстояло создать сильную ударную группировку на западном берегу Вислы, на так называе-

мом Сандомирском плацдарме. По замыслу, именно с этого плацдарма мы должны были прорвать хорошо организованную, прочную оборону противника.

К тому времени Сандомирский плацдарм был самым мощным из всех наших плацдармов на Висле; он имел по фронту около семидесяти пяти километров и до шести десяти километров в глубину. Это давало нам возможность разместить там довольно крупные силы. Немцы, разумеется, понимали значение плацдарма и на протяжении длительного времени активно стремились спихнуть нас с него. При этом использовались весьма внушительные танковые силы.

Мы планировали осуществить с этого плацдарма прорыв шириной до сорока километров. Это само по себе говорило о размахе задуманной операции. Большая первоначальная ширина прорыва позволяла сразу же привести в движение крупные силы, не испытывая тех неприятностей на флангах, которые неизменно возникают при прорыве на более узком фронте.

Прорвав оборону немцев, войскам нашего фронта предстояло наступать в общем направлении на Бреслау (Вроцлав), через Радомско и Ченстохов, а частью сил — через Краков.

В этой операции мы должны были взаимодействовать с войсками 1-го Белорусского фронта, наступавшего правее.

Целью взаимодействия было окружение и уничтожение кельце-радомской группировки противника, стоявшей перед стыком обоих фронтов — перед правым флангом 1-го Украинского фронта и левым 1-го Белорусского. Впоследствии предполагалось, перейдя довоенную германопольскую границу, форсировать главными силами нашего фронта реку Одер, а войсками левого крыла овладеть Силезским промышленным районом.

Итак, оперативно-стратегические задачи, стоявшие перед 1-м Украинским фронтом, были большие. Для решения их мы имели значительные силы. К этому времени у нас насчитывалось около одного миллиона двухсот тысяч личного состава, три тысячи шестьсот шестьдесят танков и самоходок, более семнадцати тысяч орудий и минометов, две тысячи пятьсот восемьдесят самолётов. Мощь была большая, и фронт, располагая такой мощью, способен был решить оперативно-стратегическую задачу, которая перед ним стояла.

Чтобы дать представление о масштабах фронта, перечислю войска, входившие в его состав, хотя и рискую обременить читателя достаточно длинным перечнем.

К началу Висло-Одерской операции в состав фронта входило восемь общевойсковых армий: 5-я гвардейская генерал-полковника А.С. Жадова, 21-я генерал-полковника Д.Н. Гусева, 52-я генерал-полковника К.А. Коротеева, 60-я генерал-полковника П.А. Курочкина, 13-я генерал-полковника Н.П. Пухова, 59-я генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова, 3-я гвардейская генерал-полковника В.Н. Гордова, 6-я генерал-лейтенанта В.А. Глуздовского; две танковые армия; 3-я гвардейская генерал-полковника П.С. Рыбалко и 4-я генерал-полковника Д.Д. Лелюшенко; 2-я воздушная армия генерал-полковника С.А. Красовского. Наконец, мы имели 4, 7, 31 и 25-й отдельные танковые механизированные корпуса, 1-й кавалерийский корпус, артиллерийские корпуса прорыва, несколько артиллерийских дивизий прорыва и целый ряд других соединений, которые трудно перечислить здесь. Многие из них я буду упоминать дальше, по ходу развития событий.

Готовя операцию, мы стремились творчески осмыслить опыт, полученный на полях сражений. Нам очень хотелось не повторять ошибок, о которых помнили, и добиться успе-

ха ценой малой крови. Это было очень важно ещё и потому, что в предыдущих операциях, по правде сказать, было немало случаев, когда прорыв обороны противника проходил с большими трудностями и с большими потерями. Главная причина тому — медленные темпы наступательных действий. Словом, все, что было так свежо в нашей памяти, и хорошее и плохое, мы анализировали и учитывали.

Поскольку главный удар наносился с Сандомирского плацдарма, основные подготовительные меры, предпринимавшиеся нами, прежде всего связывались с ним. Плацдарм заранее был заполнен, можно сказать, забит войсками.

Это, конечно, не было и не могло быть тайной для противника. Кому не ясно, что если одна сторона захватила такой большой плацдарм, да ещё на такой крупной реке, как Висла, то отсюда следует ждать нового мощного удара. Уж если захвачен плацдарм, то для того и захвачен, чтобы с него предпринимать дальнейшие наступательные действия. Так что место нашего будущего прорыва для противника не было секретом. И это следовало учитывать.

Мы предвидели жесточайшее сопротивление неприятеля и, чтобы сразу избежать возможности двустороннего фланкирования огнем и нашей ударной группировки, и тех соединений, которые потом будут вводиться для развития успеха, решили прорывать оборону врага на широком фронте.

Дальше предусмотрели такое построение ударной группировки, чтобы сила нашего первоначального удара была максимальной и обеспечила стремительный прорыв обороны уже в первый день. Иначе говоря, мы хотели распахнуть ворота, через которые сразу можно будет ввести танковые армии.

С их помощью тактический успех перерастет в оперативный, который мы будем все больше и больше развивать,

выводя танковые армии на оперативный простор и развертывая прорыв как в глубину, так и в стороны флангов.

Наступление с плацдарма включает в себя и ряд других особенностей, с которыми приходится считаться при планировании крупной операции. Оно требует большой инженерной подготовки: достаточного количества переправ, хороших укрытий для войск; организации противовоздушной обороны, чтобы ударная группировка ещё в исходном положении не оказалась под ударами вражеской авиации.

Все меры боевого обеспечения были в особенности необходимы здесь, на Сандомирском плацдарме: он лежал на главном, берлинском, стратегическом направлении и, образно говоря, являлся револьвером, нацеленным прямо в логово врага, как мы в то время все, от солдата до генерала, называли Берлин.

Немецко-фашистское командование отлично это понимало, внимательно и настороженно следило за плацдармом, принимало меры к тому, чтобы не допустить наших успешных наступательных действий. Это зафиксировано в ряде его документов. В частности, до начала нашего наступления были подтянуты к плацдарму крупные резервы. Часть их — 16-я и 17-я танковые, 10-я и 20-я моторизованные дивизии — была размещена в непосредственной близости от плацдарма, иначе говоря, в тактической зоне обороны противника. Как выяснилось впоследствии, это оказалось просчетом немецко-фашистского командования.

Операция должна была начаться в срок, точно назначенный Ставкой Верховного Главнокомандования, 20 января (на самом деле она началась 12 января, но об этом будет сказано дальше). Метеорологические прогнозы почти исключали возможность применения авиации в первый день, поэтому планировался прорыв без поддержки с воздуха —

силами мощной артиллерийской группировки и большого количества танков. На плацдарме были сосредоточены не только танковые армии, предназначенные для развития прорыва, но и большое количество танков для непосредственной поддержки пехоты и участия в боевых действиях в составе её первых эшелонов.

Разумеется, это не было каким-то открытием: насыщение боевых порядков пехоты танками непосредственной поддержки — дело вполне закономерное и не раз проверенное в ходе войны. Более того, оно предусматривалось ещё нашими довоенными уставами и наставлениями. Но желание и возможности — разные вещи. Были времена, когда нашей пехоте приходилось наступать с помощью одной артиллерии, совсем без танков; бывало и так, что танков не хватало и приходилось в каждом конкретном случае решать, как их использовать — в качестве непосредственной поддержки пехоты или более массированно, в кулаке, для развития прорыва. А теперь вот наступило время, когда мы благодаря упорной, самоотверженной работе нашего тыла, нашего рабочего класса имели достаточное количество танков и для того, чтобы насытить ими боевые порядки пехоты, и для того, чтобы иметь их в качестве мощных кулаков — танковых армий и корпусов, способных развивать прорыв на большую оперативную глубину.

Готовя прорыв, мы делали ставку и на мощный артиллерийский удар. Чтобы тщательно его подготовить, командование фронта, командующие армиями, командиры корпусов и дивизий и соответствующие командующие артиллерией провели тщательнейшую рекогносцировку всего участка прорыва. Мы, командование фронта, командармы, комкоры, комдивы, командиры полков, вместе с артиллеристами и авиаторами буквально ползком обследовали весь передний край, намечая основные объекты атаки.

Не удержусь от того, чтобы не сказать здесь, что, по моему глубокому убеждению, такая рекогносцировка местности, когда порой приходится и ползать по-пластунски, ни в коей мере не вступает в противоречие с оперативным искусством. Некоторые теоретики, склонные возвышать оперативное искусство, считают, что черновая работа на местности — это, так сказать, удел командиров низшего звена, а не операторов. Мне же кажется, что тщательная подготовка на местности и последующее претворение теоретических постулатов на практике превосходно сочетаются. Операция, о которой я веду речь, в этом отношении как раз очень показательна.

После ряда тщательных рекогносцировок Военный совет фронта обстоятельно рассмотрел весь план артиллерийского наступления. В совещании участвовала целая плеяда превосходных артиллеристов — и наших, фронтовых, и из приданных нам частей. В их числе такие маститые генералы, как командиры артиллерийских корпусов прорыва П.М. Корольков и Л.И. Кожухов, люди с очень высокой подготовкой и громаднейшим опытом, а также закаленные во многих наступлениях командиры артиллерийских дивизий прорыва В.Б. Хусид, С.С. Волькенштейн, Д.М. Краснокутский, В.И. Кофанов и другие.

Вспоминая совещание, сам удивляюсь тому, как в течение одного дня мы сумели обсудить такое количество сложнейших вопросов. Впрочем, в ту пору мы не знали семичасового дня, и, по существу, если говорить о рабочих днях в современном понимании, то совещание наше было примерно трехдневным.

Мы стремились так спланировать артиллерийское наступление, чтобы всей мощью огня сплошь подавить всю тактическую зону обороны противника и его ближайшие оперативные резервы практически на глубину восемнад-

цать — двадцать километров. К этому времени у нас были собраны точные разведывательные данные, вся оборона противника заранее сфотографирована, а изменения, происходившие там в последнее время, тотчас же фиксировались. Коротко говоря, на занимаемой немцами территории была намечена зона глубиной в восемнадцать — двадцать километров для подавления противника огнем артиллерии с полной нормой по всем артиллерийским выкладкам.

Есть такой расчет, которым я не хочу затруднять читателей, сколько нужно выпустить снарядов таких-то калибров для надежного подавления такой-то территории. Так вот, мы рассчитали все это в полном соответствии с артиллерийской премудростью, на что немцы потом, разумеется, горько сетовали. Но совещание совещанием, оно как бы дало общий контур планирования. Однако это планирование предстояло ещё донести до самых низов, вплоть до полковых артиллерийских групп. Мы не чурались вникать во все детали, считая, что раз у старших артиллерийских начальников накопился достаточно большой и ценный опыт, так надо, чтобы этот опыт был воспринят в дивизионах и батареях и чтобы он дошел, как говорится, до корня. И при этом дошел не в виде общих указаний, а как опыт конкретный, практический. С этой целью в ходе подготовки к наступлению старшие артиллерийские начальники учили людей на огневых позициях в конкретных условиях, на конкретной местности и не стеснялись этого. Мы не считали, что кто-то кого-то здесь подменяет. Речь шла не о подмене командования (командовать в бою будут те, кому это положено), а о научном — не боюсь употребить это слово в условиях войны — использовании всего накопленного коллективного опыта.

В хорошо организованном артиллерийском наступлении мы видели воплощение мощи нашей армии. Мы по-

лагали, все, что сделаем огнем вместо штыка, — все это будет нашим большим преимуществом и уберечет войска от лишних потерь. Значит, есть прямой смысл не покладая рук, не жалея ни времени, ни труда, работать и работать над подготовкой артиллерийского наступления. В конце концов, если брать моральную сторону дела, такая работа была в условиях войны специфическим выражением заботы о человеке в той максимальной мере, в какой вообще слова «забота о человеке» совместимы со словом «война».

Говоря о подготовке артиллерийского наступления, не могу не упомянуть о положительной роли в этой работе командования артиллерии фронта в лице С.С. Варенцова, и особенно о начальнике штаба артиллерии фронта полковнике Скробове. Начав войну командиром дивизиона, он вырос в отличного плановика, штабного оператора, внушавшего уважение всем, с кем он имел дело, своей распорядительностью, большой штабной культурой, соединенной с солдатской четкостью.

Все разработанные в армиях планы артиллерийского наступления были проверены и утверждены мною. Я всегда вникал со всей возможной для меня обстоятельностью в артиллерийские вопросы. Может быть, тут сказывалась и профессиональная привязанность к артиллерии (когда-то, ещё в старой армии, я был солдатом-артиллеристом), но главное, конечно, был опыт и мирного, и военного времени. Оценивая огромные возможности нашей артиллерии, я стремился всегда, когда это мог, максимально использовать их.

Чтобы читатель представил себе масштабы подготовительной работы, предшествовавшей артиллерийскому наступлению, добавлю, что на всем участке будущего прорыва для каждого командира батареи и командира роты

были изготовлены специальные карты-бланковки с нанесенными на них разведывательными данными о противнике. Карта-бланковка — это копия с карты, но только с целым рядом дополнительных деталей. Теперь на каждую такую бланковку были нанесены все инженерные укрепления противника, вся его система огня, все объекты атаки на данном участке.

В принципе это давало артиллеристам возможность стрелять так, чтобы ни один снаряд не был израсходован по пустому месту. Точно так же командир стрелковой роты имел полное представление об инженерных и огневых препятствиях, которые ему могут встретиться. Карты-бланковки составлялись на всю глубину тактической зоны обороны противника. Это давало возможность и артиллеристам, и пехотинцам видеть все, что было перед ними у противника, примерно на десять километров. Несколько слов об инженерной подготовке плацдарма. Она была проведена с большой затратой сил и средств всех войск фронта. Для характеристики масштаба этой работы, пожалуй, есть смысл привести несколько цифр. На плацдарме было отрыто полторы тысячи километров траншей и ходов сообщения; построено тысяча сто шестьдесят командных и наблюдательных пунктов; подготовлено одиннадцать тысяч артиллерийских и минометных позиций, десять тысяч землянок и разного рода укрытий для войск; проложено заново и приведено в порядок больше двух тысяч километров автомобильных дорог в расчете на то, чтобы к началу наступления на каждую дивизию и каждую танковую бригаду имелось по две дороги. Это позволяло избежать пробок. Кроме того, инженерные войска навели через Вислу тридцать мостов и организовали три паромные переправы большой грузоподъемности. К этому стоит добавить, что для предполагавшегося нами маскировочного маневра ин-

женерные войска изготовили четыреста макетов танков, пятьсот макетов автомашин и тысячу макетов орудий.

Руководивший всем этим начальник инженерных войск фронта генерал Иван Павлович Галицкий показал себя, говоря без всяких преувеличений, истинным мастером своего дела. Работал он с вдохновением и подлинно новаторской смелостью.

Подготовка операции шла по всем направлениям. С командующими армиями и командирами корпусов и дивизий мы провели штабные учения-игры; для уточнения вопросов будущего взаимодействия армий, участвовавших в прорыве, начальник штаба фронта Василий Данилович Соколовский организовал специальные штабные учения со средствами связи; в армиях, корпусах и дивизиях прошли сборы с командирами частей и подразделений; в частях — тактические учения с боевой стрельбой. Были специально подготовлены штурмовые батальоны, оснащенные всем необходимым для прорыва обороны противника: танками, орудиями, минометами. Батальонам были приданы большие группы сапёров.

Штурмовым батальонам с самого начала предстояло задать тон в атаке, соответственно этому подбирались в них и командиры — опытные и решительные офицеры. Надо сказать, что выбрать было из кого. К началу сорок пятого года почти все наши комбаты являлись офицерами военного времени. Многие из них выросли из солдат, сержантов, возвратившихся после ранений на фронт. За плечами у них была не одна боевая операция. Командиров батальонов без серьёзного боевого опыта у нас к тому времени вообще не встречалось.

На мой взгляд, звено комбатов и командиров полков — это основное офицерское звено, решающее успех атаки, атакующие же батальоны — главная её сила. И отбор людей в этом звене (я говорю здесь уже не только о штурмовых

батальонах, а в целом о звене комбатов) мы постарались провести особенно тщательно.

Должен заметить, что, по моим наблюдениям, наши кадровые военные органы работали в условиях войны так, что этому не грех поучиться и в мирное время. Не говорю уже о том, что война сама отбирает кадры. Но к этому вопросу я ещё вернусь.

Готовилась артиллерия, готовилась пехота, готовились танкисты и авиация. Танковые войска занимались огневой подготовкой экипажей, отрабатывали стрельбу с ходу, стремительность действий, подвижность и маневренность в бою.

Вспоминаю учения, организованные командующим 4-й танковой армией генерал-полковником Лелюшенко. Отрабатывались стрельбы танков с ходу и уничтожение неприятельских машин. Стрельба шла не по макетам, а по настоящим, захваченным в боях здесь же, на Сандомирском плацдарме, «тиграм» и даже по так называемым «королевским тиграм».

В этот период немало забот выпало, разумеется, и на долю политработников. Члены Военного совета фронта К.В. Крайнюков и Н.Т. Кальченко, начальник политуправления фронта Ф.В. Ящечкин постоянно находились в войсках и не только участвовали в подготовке, связанной непосредственно с военной стороной операции, но и решали на месте очень широкий комплекс вопросов, относящихся к морально-политической подготовке личного состава.

Мы учитывали, что в ходе операции нам предстоит вступить на территорию противника, принесшего столько горя нашему народу и совершившего столько зверств на советской территории. Поэтому в воспитательной работе появилась своя специфика, пренебрегать которой было бы крайне неразумно.

К кругу вопросов, вставших перед нами, относилось и материально-техническое обеспечение всех войск. Этим много занимался член Военного совета Н.Т. Кальченко вместе с начальником тыла фронта генерал-лейтенантом Н.П. Анисимовым.

К началу операции железные дороги в тылу фронта были восстановлены и работали вполне удовлетворительно, а также проведены большие работы по ремонту техники и автотранспорта. К войскам подвезено необходимое количество боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продовольствия. Запасы снарядов и мин всех калибров составили у нас четыре боевых комплекта. Автобензина имелось больше пяти заправок, авиабензина девять заправок, дизельного топлива четыре с половиной заправки. Всех этих материальных средств, с учетом их пополнения, было достаточно для осуществления крупной операции на большую глубину.

Учитывая трудности переброски грузов через Вислу и планируемый уже в первый день операции большой расход боеприпасов, до половины всех боеприпасов было сосредоточено на Сандомирском плацдарме в полевых складах.

В ходе воспоминаний мне придется рассказывать ещё о нескольких наступательных операциях крупного масштаба. Тогда я не буду излагать во всех подробностях ход и объем подготовки к ним. Здесь же, говоря о первой из таких операций, хочу просто дать представление читателю о размахе и трудоемкости подготовительной работы. Вполне возможно, что кому-нибудь это изложение покажется несколько сухим, но ведь война состоит не из одних сражений и боев. В ней есть и паузы между операциями. Содержание так называемых оперативных пауз (и то, что сделано во время них, и то, что осталось несделанным) во

многом определяет исход боевых действий. Но вернемся к последовательному изложению событий.

Сроки наступления приближались. Нам предстояло пройти от Вислы до Одера на глубину до пятисот километров. Противник заблаговременно подготовил на этом пути семь оборонительных полос. Большая часть их проходила по берегам рек Нида, Пилица, Варта, Одер, которые сами по себе являлись преградами. Три из этих полос обороны занимали войска неприятеля. За спиной врага был Берлин: выбора уже не оставалось. Не устоять — значит подписать себе смертный приговор. Мы понимали это, и твердая решимость, несмотря ни на что, опрокинуть противника сказывалась на тщательности нашей подготовки к наступлению.

Наступило 9 января. До начала операции осталось одиннадцать дней. Все основное сделано, но, конечно, как всегда перед большими событиями, дел ещё невпроворот. 9 января мне позвонил по ВЧ исполнявший обязанности начальника Генерального штаба А.И. Антонов и сообщил, что в связи с тяжелым положением, сложившимся у союзников на западном фронте в Арденнах, они обратились к нам с просьбой по возможности ускорить начало нашего наступления; после этого обращения Ставка Верховного Главнокомандования пересмотрела сроки начала наступательной операции. 1-й Украинский фронт должен начать наступление не 20, а 12 января. Антонов говорил от имени Сталина. Поскольку операция уже была одобрена Ставкой и полностью спланирована, никаких изменений, кроме срока, и никаких вообще иных принципиальных вопросов в этом разговоре не возникло. Я ответил Алексею Иннокентьевичу, что к новому сроку, установленному Ставкой, фронт будет готов к наступлению.

Не хочу задним числом ни преувеличивать, ни преуменьшать трудностей, вставших тотчас же перед нами в связи

с передвижкой срока. В основном мы были готовы к операции, потому-то я так, не колеблясь, и ответил Антонову. Но восемь с лишним суток, которых нас лишили в один миг, надо было восполнить напряженнейшей работой, уложив всю её в оставшиеся двое с половиной суток. Чтобы довести подготовку до конца, от командования всех степеней потребовалась огромная организаторская работа.

В последние месяцы мы получили пополнения, обучавшиеся перед самым наступлением. Была развернута целая программа учений. Теперь эту программу пришлось на её заключительном этапе свертывать, сокращать, что было, разумеется, нелегко. Выяснились и многие другие недоделки, которые устранялись в исключительно короткие сроки.

Словом, те восемь суток, что у нас взяли, по правде говоря, были нам крайне необходимы. Но это необходимое время брали у нас для того, чтобы помочь союзникам, и мы на фронтах (я говорю о своем фронте, но думаю, что такая же картина была и всюду) понимали, что передвижка продиктована соображениями общего стратегического порядка и, значит, на нее надо пойти. Как командующий фронтом я был внутренне согласен с решением, принятым Ставкой.

Помимо всего прочего перенос срока наступления не радовал нас из-за метеорологических прогнозов. На вторую декаду января прогноз был более благоприятным, чем на ближайшие дни. Готовясь начать наступление 12 января, мы уже должны были считаться как с реальностью с тем, что из-за непогоды придется подавлять немецкую оборону одной артиллерией, без авиации.

Вспоминая об этом, не могу удержаться от невольного замечания о том, сколько места в своих планах отводили метеорологии наши союзники и как они ставили в зави-

симось от погоды сроки открытия второго фронта. Вспоминается это, очевидно, по контрасту. Что касается нас, то решение Ставки предполагало: в сложившихся обстоятельствах нам с метеорологией считаться не придется. Хочу тут же заметить, что опыт Великой Отечественной войны вообще дает немало примеров осуществления крупных операций в непогожие дни и недели, в частности в условиях весенней распутицы. В ряде случаев непогода даже помогала нам.

В самом деле, сложная метеорологическая обстановка порождает трудности не только для тебя, но и для противника. Взять хотя бы Уманско-Ботошанскую операцию 2-го Украинского фронта весной 1944 года на Правобережной Украине. На дорогах — сплошная, непролазная грязь. С трудом двигались даже танки. Гусеницы вязли в месиве и наматывали грязь на себя так, что потом она отрывалась буквально пластами. По существу, танки ползли на днище, юзом. На что уж безотказный самолёт У-2, и тому пришлось туго. В начале операции я ещё летал на нем, а потом пересел на танк: как ни медленно, а все-таки он продвигался. Встала вся техника. Снаряды подносили на руках. И тем не менее в таких условиях мы проводили операцию, не снижая темпов наступления. Немцы в этой операции были не просто разгромлены, а бежали с Украины «голые» — без артиллерии, без танков, без автотранспорта. Они уходили от нас на волах, на коровах, пешком, бросив все.

Не знаю даже, как точнее сказать: были мы в ладах или не в ладах с метеорологией. Вернее сказать, мы с ней ладили и проводили свои операции и зимой, и весной, и в ненастье, и в непогоду, и, как правило, с успехом для нашего оружия.

Между прочим, на эту тему есть одно любопытное высказывание Гитлера. Оно содержится в изданных в За-

падной Германии стенографических записях бесед, происходивших в его главной квартире. В декабре 1942 года во время одного из докладов о положении на южном участке восточного фронта и об опасности высадки нашего десанта в Крыму Йодль в ответ на вопрос Гитлера, возможна ли высадка, заявил, что высаживаться в такую погоду вообще нельзя. Однако сам Гитлер засомневался. «А русские могут, они пройдут, — возражал он Йодлю. — При снегопаде и прочих вещах мы не смогли бы высадиться, я согласен. А от русских можно этого ожидать».

Деталь довольно выразительная.

Но возвращаюсь к повествованию о Висло-Одерской операции.

До наступления оставалось уже немного времени. Помимо других приготовлений мы занялись серьёзным маскировочным, дезориентирующим противника мероприятием, решив продемонстрировать сосредоточение крупной танковой группировки на левом крыле фронта. И с этой целью направили туда те макеты танков, самоходных установок и орудий, о которых я упоминал раньше. Все они были сосредоточены в армии генерала Курочкина, на восточном берегу Вислы, откуда немцы могли ждать удара на Краков.

Не буду утверждать, что благодаря этим мероприятиям оперативной маскировки нам удалось обеспечить полную тактическую внезапность на действительном направлении главного удара с Сандомирского плацдарма. Однако некоторую положительную роль наш маскировочный маневр сыграл.

Несмотря на скверные метеорологические условия, разведывательная авиация противника произвела довольно большое количество вылетов в район ложного сосредоточения. В последние двое суток перед наступлением немцы

совершили больше двухсот двадцати артиллерийских налетов, и как раз по районам, где были установлены наши макеты орудий.

В тылу немцы произвели перегруппировку сил 17-й армии; отдельные её соединения были оттянуты на юг. И, забегая вперед, скажу, что уже в ходе наступления гитлеровцы не решились перебросить с юга на север часть сил 17-й армии. Видимо, они все ещё допускали возможность нашего дополнительного удара с того направления.

Наконец пришло и 12 января 1945 года.

С ночи я выехал на плацдарм, на наблюдательный пункт фронта. Это был небольшой фольварк, расположенный на опушке леса, в непосредственной близости к переднему краю. В одной из комнат окно выходило прямо на запад, откуда можно было наблюдать. Кроме того, рядом оказалась небольшая высотка, на которой мы установили систему наблюдения и управления. Туда можно было перебраться в случае обстрела. Но стояла зима, сидеть непрерывно на наблюдательном пункте в траншее не было никакой нужды, тем более что с самого фольварка открывался хороший обзор.

Начало артиллерийского удара было назначено на пять часов утра. Предполагая, что, как это уже не раз бывало за войну, противник с целью сохранения своих сил может перед началом нашего наступления отвести войска в глубину обороны, оставив на время артподготовки на переднем крае только слабое прикрытие, мы решили провести разведку боем силами передовых батальонов.

Разведка боем — дело известное и не новое: она проводилась перед началом наступления во многих других операциях. Однако мы учитывали, что уже сложился известный шаблон, к которому противник привык и против которого нашел «противоядие». Шаблон заключался

в том, что разведку боем проводили обычно за сутки до наступления, а потом собирали и обобщали полученные данные, соответственно им занимали исходное положение и на следующий день начинали наступление.

На этот раз решили поступить иначе: не дать противнику вновь организовать свою оборону после нашей разведки боем. Нанести по неприятелю короткий сильный артиллерийский удар, сразу вслед за этим бросить в разведку боем передовые батальоны и, если обнаружится, что противник остался на месте, не оттянул свои войска, тут же обрушиться всей мощью артиллерии на неприятельские позиции. Таков был план действий. А если бы оказалось, что гитлеровцы отвели свои части, то мы, не тратя снарядов по пустому месту, сразу бы перенесли огонь в глубину, туда, где остановился противник, отведенный с первой или второй позиции.

Помимо естественного желания видеть своими глазами начало наступления я приехал на наблюдательный пункт фронта и для того, чтобы на месте принять необходимые решения в том случае, если действия передовых батальонов покажут, что противник отошел.

Неприятель мог отойти на разную глубину, вплоть до такой, при которой потребовалась бы передвижка части групп артиллерии и, значит, какая-то пауза. Словом, могла возникнуть ситуация, при которой мне, как командующему фронтом, пришлось бы принимать срочные решения, желательны с проверкой на местности, чтобы тут же безошибочно дать соответствующие указания.

Наблюдательный пункт, выдвинутый в непосредственную близость к боевым порядкам и обеспеченный всеми средствами связи и управления, был для этого самым подходящим местом. Мы приехали на наблюдательный пункт вместе с членами Военного совета генералами Крайнюко-

вым и Кальченко и начальником штаба фронта генералом Соколовским.

Ровно в пять утра после короткого, но мощного артиллерийского удара передовые батальоны перешли в атаку и быстро овладели первой траншеей обороны противника. Уже по самым первым донесениям стало ясно, что враг никуда не отошел, что он находится здесь, на месте, в зоне воздействия всех запланированных нами ударов артиллерии.

Артиллерийский удар при всей своей краткости был настолько сильным, что создал у неприятеля впечатление начала общей артиллерийской подготовки. Приняв действия передовых батальонов за общее наступление наших войск, фашисты попытались всеми своими огневыми средствами остановить его.

На это мы и рассчитывали. Передовые батальоны, заняв первую траншею, залегли между первой и второй. Именно в этот момент началась артиллерийская подготовка. Она продолжалась час сорок семь минут. И была такой мощной, что, судя по целому ряду трофейных документов, противнику почудилось, будто длилась она не менее пяти часов.

Начав артиллерийскую подготовку, мы вопреки обыкновению не оттянули назад передовые батальоны, занявшие первую вражескую траншею. Каждая батарея была привязана на местности по координатам от общей геодезической сетки, так что мы действовали с расчетом, как говорят, стараясь попасть комару в глаз. На картах у всех артиллерийских наблюдателей и командиров батарей имелось точное начертание первой траншеи, уже захваченной нами, и положение второй траншеи, где ещё находились немецко-фашистские войска.

От артиллеристов требовалось только одно — точная работа. И они ни разу не ошиблись. Во всяком случае, на

сей раз на всем фронте наступающих войск никто не подал тревожного сигнала: «Прекратите, вы ведете огонь по своим».

А прогнозы метеорологов подтвердились полностью, и даже с лихвой. Не только в темноте, когда началась артиллерийская подготовка, но и потом, когда уже рассвело, видимости фактически не было никакой. С неба хлопьями валил густой снег, словно погода специально позаботилась о том, чтобы создать нам дополнительную маскировку. Когда спустя несколько часов после начала наступления мимо нашего наблюдательного пункта в прорыв входила танковая армия Рыбалко, машины были так замаскированы густым снегом под общий фон местности, что их можно было различить только потому, что они двигались.

Разумеется, такая погода имела свои минусы. Что хорошо для маскировки, то плохо для наблюдения. Но все было заранее так тщательно подготовлено и сориентировано, что ни во время артиллерийской подготовки, ни во время прорыва, ни во время ввода в прорыв танковых армий не возникло никакой путаницы. Все наши планы в этот день выполнялись с особой пунктуальностью, которая, надо сказать, не так-то часто достижима на войне. Именно потому я с особенным удовольствием вспоминаю тот знаменательный день прорыва.

Во время нашей артподготовки вражеские войска, в том числе и часть резервов, располагавшихся в тактической зоне обороны, или, проще говоря, придвинутых слишком близко к фронту, попали под мощный артиллерийский удар и были деморализованы и утратили способность выполнять свои задачи.

Взятые в плен в первые часы прорыва командиры немецко-фашистских частей показали, что их солдаты и офицеры потеряли всякое самообладание. Они само-

вольно (а для немцев это, надо прямо сказать, не характерно) покидали свои позиции. Немецкий солдат, как правило — и это правило подтверждалось на протяжении всей войны, — сидел там, где ему приказано, до тех пор, пока не получал разрешения на отход. Но в этот день, 12 января, огонь был столь беспощадным и уничтожающим, что оставшиеся в живых уже не могли совладать с собой.

Управление и связь в частях и соединениях противника полностью нарушились. Но для нас это не было случайностью: мы и это спланировали, заранее выявив все наблюдательные и командные пункты противника. По ним, по всей системе управления и связи мы били специально и в первые же минуты артиллерийского огня и ударов авиации накрыли их. Наша авиация нанесла удар и по командному пункту немецкой 4-й танковой армии, которая противостояла нам на участке прорыва.

Анализируя эту операцию, военные историки из ФРГ склонны, как, впрочем, и в ряде других случаев, валить ответственность за свои неудачи на одного Гитлера. Они обвиняют его в том, что он приказал разместить резервы, в том числе 24-й танковый корпус, в непосредственной близости к фронту, в результате чего эти резервы якобы сразу же попали под наш мощный огневой удар и понесли крупные потери.

Допускаю, что в данном случае военные историки отчасти правы. Поскольку 4-я танковая армия держала оборону на важном операционном направлении, прикрывавшем дальние подступы к Берлину, не исключено, что Гитлер, исходя из собственных представлений о том, как нужно обеспечивать устойчивость войск, действительно требовал придвинжки резервов вплотную к фронту. Во всяком случае, по моим наблюдениям, сложившимся в ходе войны, такое неграмотное размещение оперативных резервов, как

в этой операции, для немецко-фашистского генералитета не характерно. С точки зрения элементарных требований военного искусства — это чистая профанация.

Однако Гитлер виноват тут частично, а всю остальную долю вины мы берем на себя. Резервы немцев были расположены все-таки не на переднем крае, а в тылу. И не будь наша артподготовка проведена с такой плотностью и на такую глубину, они не понесли бы в первые же часы катастрофических потерь.

Чтобы хоть как-нибудь задержать дальнейшее продвижение наших войск, гитлеровское командование начало поспешно отводить остатки своих разбитых частей на вторую полосу обороны. Отвод происходил под непрерывным огнем нашей артиллерии, и противник нес все новые и новые потери. Вообще говоря, гитлеровское командование поступило правильно, быстро приняв решение на отвод всего, что ещё уцелело. И все же ему мало что удалось спасти из тех войск, которые противостояли нам на участке прорыва в первой полосе обороны.

Часа через два после окончания артиллерийской подготовки, когда пехота вместе с танками сопровождения рванулась вперед, я объехал участок прорыва. Все кругом было буквально перепахано, особенно на направлении главного удара армий Жадова, Коротеева и Пухова. Все завалено, засыпано, перевернуто. Шутка сказать, здесь на один километр фронта, не считая пушек и минометов мелких калибров, по противнику били двести пятьдесят — двести восемьдесят, а кое-где и триста орудий. «Моща!» — как говорят солдаты.

3-я гвардейская армия Гордова (частью сил), 13-я армия Пухова, 52-я Коротеева, 5-я гвардейская Жадова за первый день боев продвинулись на глубину от пятнадцати до двадцати километров и, прорвав главную полосу обо-

роны немцев, расширили прорыв в сторону флангов влево и вправо от сорока до шестидесяти километров.

Это успешное продвижение общевойсковых армий и расширение ими прорыва дало возможность нам уже к середине первого дня ввести в пробитую брешь танковые армии Рыбалко и Лелюшенко. Нельзя было позволить противнику организовать контрудар находившимися у него в резерве двумя танковыми и двумя моторизованными дивизиями. Частично они попали под воздействие нашего дальнего артиллерийского огня, но тем не менее представляли довольно серьёзную силу.

Противник намеревался ударить по первому эшелону наступающих армий ещё до ввода в прорыв наших танковых сил — ударить, смять и воспрепятствовать этому вводу. Но суть нашего плана в том и состояла, чтобы не дать им этого сделать. К тому моменту, когда немецко-фашистские танковые и моторизованные дивизии изготавились для удара, в зоне их расположения появились передовые части наших танковых армий.

Ввод танковых армий в огромные, пробитые для них ворота проходил спокойно, безболезненно и организованно. И противник, сунувшись своими танковыми войсками из района южнее Кельце, напоролся на наши танки.

По поводу того, когда своевременно и когда преждевременно вводить в прорыв танковые соединения, в военно-исторической науке сломано много копий. Разные мнения на этот счет были и во время войны. Было и у меня свое мнение. И в сорок третьем, и в сорок четвертом, и в сорок пятом году в состав фронтов, которыми я командовал, неизменно входили танковые армии, танковые и механизированные корпуса, и на основании опыта у меня выработался определенный подход к этому вопросу.

Я считал, что Ставка под давлением некоторых танковых начальников проявляла ненужные колебания, когда дело касалось ввода танковых армий в прорыв. Объяснялось это боязнью — добавлю, порой чрезмерной — подвергнуть танковые войска большим потерям в борьбе за передний край и за главную полосу обороны противника.

Иногда Ставка прямо вмешивалась и сама назначала сроки ввода танков. Из этого, разумеется, ничего хорошего не получалось, потому что, когда оттуда, сверху, начинают жестко указывать, на какой день и в котором часу ты должен вводить в прорыв танки, это зачастую настолько не совпадает с конкретной обстановкой на фронте, что, как правило, спущенный сверху график грозит обернуться неудачей.

На практике обстановка, складывавшаяся в операциях, бывала крайне разнообразной, и, принимая решение, приходилось учитывать на месте факторы, заранее и издалека учету не поддающиеся. Тут поистине нет и не должно быть места шаблону.

Наиболее интересный ввод в прорыв танковых войск связан в моей памяти с Львовско-Сандомирской операцией в июле 1944 года. Горловина прорыва, пробитого артиллерией и пехотой, составляла тогда всего шесть — восемь километров по фронту. Но я ввел все-таки туда 3-ю танковую армию Рыбалко, и это решение потом целиком оправдалось. Если бы мы не отважились на такую меру, нам долго ещё пришлось бы прогрызать на львовском направлении хорошо подготовленную немцами оборону. Пехота не имела там достаточного количества танков непосредственной поддержки, и наступление приобрело бы очень медленный характер. А когда оборону не прорываешь, а прогрызаешь, трудно рассчитывать на успех. Прогрызание — метод Первой мировой войны, метод, при котором ты не используешь

до конца всех своих возможностей. А эти возможности во второй половине Отечественной войны у нас были. Появились мощные танки, прекрасные самоходные орудия. Иметь такую технику и не использовать всю силу её удара, огня, маневра, а планировать прорывы так, как это делалось в Первую мировую войну, держа танки в бездействии, покуда пехота прогрызет оборону противника насквозь, — всегда мне представлялось ошибочным.

Учитывая наши реальные возможности, я тогда, во Львовской операции, решил ввести в прорыв танковую армию Рыбалко. И это оправдало себя.

Так что же говорить о Висло-Одерской операции, когда перед танками открылись ворота — хоть на тройке въезжай! Тут, как говорили в старину, сам бог велел двинуть их в прорыв немедленно, в первый же день.

В этот день нашего прорыва были взяты в плен несколько командиров немецких частей и штаб-офицеров. Но у меня не оказалось времени, чтобы побеседовать с ними. Поэтому рассказать, как выглядело все происходившее на поле боя, с точки зрения противника, я не могу. Но это в какой-то мере поправимо. С достаточной объективностью о прорыве пишет генерал Курт Типпельскирх в своей книге «История Второй мировой войны». Его свидетельство мне кажется совсем не лишним штрихом в картине происходившего, которую я пытаюсь нарисовать.

Вот что писал Типпельскирх о дне 12 января:

«Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану. Глубокие вкли-

нения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск. Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, приняв в то же время северным крылом охватывающий маневр на Кельце».

На подступах к городу Кельце немцы дрались упорно, и это поначалу замедлило темп продвижения 3-й гвардейской армии Гордова и 13-й армии Пухова. Получив донесение об этом, мы, не теряя времени, повернули находившуюся в движении 4-ю танковую армию Лелюшенко, двинув её в обход Кельце с юго-запада. В результате этого маневра на четвертый день наступления, 15 января, город Кельце был взят, большая часть сопротивлявшихся на подступах к нему немецко-фашистских войск разбита, а остатки их отброшены в леса севернее Кельце. Впоследствии они соединились с остатками других разбитых армий, отступавшими под натиском 1-го Белорусского фронта, в одну довольно большую группировку, состоявшую из нескольких дивизий. Эта группировка осталась у нас глубоко в тылу, за сомкнутыми флангами 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов.

В этом характерная особенность Висло-Одерской операции, да и вообще последнего периода войны. Мы уже не стремились во что бы то ни стало создавать двойной — внешний и внутренний — фронт вокруг каждой такой вражеской группировки. Мы считали, и правильно считали, что если будем в достаточно стремительном темпе развивать наступление, то отрезанные и оставшиеся в нашем тылу пусть довольно серьёзные силы врага нам уже не

страшны. Рано или поздно они будут разгромлены и уничтожены вторыми эшелонами наших войск.

Так в конце концов и произошло даже с такой крупной группировкой, о которой я только что сказал. Она дважды потерпела поражение, пытаясь вырваться из окружения, и потом, полурассеянная, брела лесами позади наших войск, пока не была в конце концов в мелких стычках полностью уничтожена.

Сложнее обстояло дело с оставшимися в нашем тылу подвижными танковыми и механизированными войсками противника. Прибыв в разгар наступления на передовой пункт управления на окраине города Ченстохов, я выслушал взволнованный доклад одного из своих подчиненных о том, что прямо на Ченстохов, прямо на нас, движется из нашего тыла крупная вражеская группировка танковых и механизированных войск.

Положение складывалось не из самых выгодных: впереди — ушедшие уже на запад, за Ченстохов, наши войска, посредине — передовой командный пункт фронта, а сзади — танковый корпус неприятеля. Так это, во всяком случае, выглядело в первоначальном докладе, хотя в нем, как всегда в подобных обстоятельствах, содержалось преувеличение. В действительности на нас шла одна танковая дивизия противника, обросшая некоторыми примкнувшими к ней разрозненными частями. Но шла она, надо сказать, довольно организованно, решительно прорываясь по нашим тылам.

Известие было, конечно, малоприятное, но оно не явилось для меня неожиданностью. Мы предполагали, что при высоких темпах нашего движения вперед такие отдельные блуждающие котлы будут оставаться у нас в тылу. Больше того, они закономерны в современных условиях, когда войска, маневрируя, имеют разрывы между собой, когда

фронт наступающих несплошной и не должен быть сплошным, потому что в условиях современной войны идти локоть к локтю, плечо к плечу нет никакой необходимости. Важно лишь, чтобы внутри наших частей и соединений было налажено взаимодействие, чтобы имелась устойчивая связь и чтобы все они в любую минуту боя были управляемы.

Эти соображения, которые я излагаю здесь в общем виде, уже вошли к тому времени нам в плоть и в кровь, стали привычной реальностью. Поэтому ещё до начала Висло-Одерской операции мы оставили в резерве фронта 7-й гвардейский механизированный корпус, которым командовал опытный военачальник генерал-лейтенант И.П. Корчагин. Этот корпус по ходу наступления двигался от рубежа к рубежу за наступающими войсками, с ним все время поддерживалась связь, и он постоянно оставался в моих руках.

Вот этому-то корпусу и была поставлена задача частью своих сил уничтожить идущую на Ченстохов вражескую механизированную группировку. Разгромом этой группировки руководил начальник штаба корпуса генерал-майор Д.М. Баринев, выполнивший свою задачу быстро и точно. Решительность его действий способствовала тому, что большая часть окруженной группировки неприятеля была взята в плен. Дело обошлось без затяжного боя на истребление.

Пока в тылу войск фронта происходило уничтожение остатков вражеских групп, пытавшихся прорваться или бродивших по лесам, наступление главных сил фронта продолжалось энергичными темпами. Войска быстро преодолели промежуточную полосу обороны противника по реке Нида и с ходу форсировали реки Пилица и Варта. Наступление было столь стремительным, что к рубежам

рек, текших перпендикулярно нашему движению, мы успевали выходить раньше отступавших немецко-фашистских войск. Это обстоятельство первостепенной важности, потому что стоило нам только позволить противнику сесть на заранее подготовленные рубежи (тем более на рубежи с такими естественными препятствиями, как реки) — темпы всей операции снизились бы немедленно.

Такое движение, если можно так выразиться, на параллельных курсах, с обгоном отступающих немецких войск и захватом водных рубежей в глубине вражеской обороны, было также предусмотрено нами. Мы хорошо знали, что впереди много рек с заболоченными торфянистыми долинами, с вязким, топким грунтом, особенно не благоприятным для танковых войск, да ещё в условиях переменчивой польской зимы — сегодня оттепель, завтра чуть-чуть подморозит, потом снежок, потом снова распутица.

Предвидя все это, мы тщательно проследили за тем, чтобы до осуществления прорыва для переправ на плацдарм не использовались никакие подвижные переправочные средства. Все первые эшелоны наших войск, в особенности танковых и механизированных, шли в прорыв с комплектом, даже сверхкомплектom переправочных средств. Это позволяло им с предельной быстротой самим наводить переправы через реки в глубине обороны противника.

Такая подготовка плюс взятый с самого начала темп наступления, плюс решимость и распорядительность командармов, командиров корпусов, дивизий, бригад обеспечили нам возможность стремительного выхода к рекам и переправы до появления войск противника.

В центре и на правом фланге ударной группировки события развивались особенно успешно. На левом крыле фронта тоже назревали крупные дела. 59-я армия Коровникова и 60-я армия Курочкина, используя успех наших войск

на главном направлении, быстро продвигались к Кракову. Район Кракова был заранее укреплен и подготовлен противником к обороне и являлся своеобразной крепостью, запиравшей подступы к Силезскому промышленному району.

Придавая важное оперативное значение освобождению Кракова, мы решили использовать часть второго эшелона фронта для создания новой ударной группировки на краковском направлении. Такая группировка была создана в составе 21-й и 59-й армий. Краков представлял для нас интерес не только как ключ к Силезскому промышленному району, но и как крупный город и вторая древняя столица Польши.

Обстановка для успешного наступления на краковском, а впоследствии Силезском направлении складывалась благоприятно. Войска 5-й гвардейской армии Жадова и 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко, действовавшие на Ченстоховском направлении, уже нависли над Краковским районом с севера, а левее нас 15 января перешел в наступление 4-й Украинский фронт.

Удары 1-го и 4-го Украинских фронтов по обоим флангам 17-й немецкой армии, по существу, создали угрозу её окружения. Под натиском 38-й армии генерала К.С. Москаленко, входившей в состав 4-го Украинского фронта, которым командовал в те дни генерал И.Е. Петров, гитлеровцы начали отходить южнее Кракова на запад, и это позволило войскам нашего левого крыла выйти на подступы к Кракову уже к исходу 17 января.

Но прежде чем говорить о краковском эпизоде Висло-Одерской операции, пожалуй, стоит представить себе в общих чертах всю обстановку, сложившуюся на 1-м Украинском фронте к исходу дня 17 января, то есть по истечении пяти с половиной суток с начала наступления.

К этому времени прорыв вражеской обороны был осуществлен на фронте двести пятьдесят километров и на глубину до ста двадцати — ста сорока километров. Войска фронта разгромили основные, главные силы 4-й танковой армии, 24-го танкового резервного корпуса и нанесли значительное поражение 17-й полевой армии противника, входившей в группу армий «А», которой командовал генерал Гарпе. Создавались выгодные условия и для развития дальнейшего наступления на главном, Бреславском, направлении, и для удара во фланг и тыл краковско-силезской группировки врага.

Используя все, что оказалось под руками, — и остатки отходящих частей, и подбрасываемые из глубины резервы, — гитлеровцы пытались во что бы то ни стало задержать дальнейшее продвижение нашей главной группировки к Одеру. Одновременно они продолжали упорно оборонять Краков и, по всей видимости, несмотря на критическое положение, которое создалось у них севернее, готовились оказать самое ожесточенное сопротивление в Силезском промышленном районе

Да и странно было бы, если бы они не собирались здесь драться. Силезский промышленный район по выпуску продукции занимал у них второе место после Рура, который, кстати сказать, тоже очутился к тому времени под прямой угрозой со стороны наших союзников. Видимо, фашисты рассчитывали, опираясь на сильно укрепленный Краковский крепостной район, остановить нас, а в последующем, при первой возможности, нанеся удар на север, во фланг и тыл нашей главной группировки, наступающей на Бреслау, сорвать все наступление и удержать за собой весь Силезский промышленный район.

Очевидно, здесь будет уместно сказать несколько слов о силе вражеского сопротивления, с которым мы столкну-

лись в этой операции вообще. К началу операции немецко-фашистские дивизии (в особенности стоявшие против Сандомирского плацдарма) были полностью укомплектованы и имели в своем составе до двенадцати тысяч солдат и офицеров каждая. Иначе говоря, пехотная дивизия противника по численности примерно соответствовала двум нашим стрелковым дивизиям. Силы были внушительными, и с самого начала мы ожидали, что фашисты будут драться упорно, тем более что обозначалась перспектива действий наших войск уже непосредственно на территории Третьего рейха.

Закат Третьего рейха ещё далеко не все немцы видели, и тяжелая обстановка пока не вносила почти никаких поправок в характер действий гитлеровского солдата на поле боя: он продолжал драться так же, как дрался раньше, отличаясь, особенно в обороне, стойкостью, порой доходившей до фанатизма. Организация армии оставалась на высоте, дивизии были укомплектованы, вооружены и снабжены всем или почти всем, что им полагалось по штату.

Говорить о моральной сломленности гитлеровской армии пока тоже не приходилось. Можно добавить к этому и такие немаловажные факторы: с одной стороны, геббельсовская пропаганда пугала солдат, уверяя их, что русские не оставят от Германии камня на камне и угонят в Сибирь все немецкое население, а с другой стороны, на тех же солдат обрушились жестокие репрессии, усилившиеся к концу войны.

Заметный подъем духа вызвала в немецкой армии наступательная операция в Арденнах. Судя по показаниям пленных, в то время в среде солдат и офицеров было довольно широко распространено мнение, что, разбив союзников в Арденнах и принудив их к сепаратному соглашению, германское командование бросит после этого силы со всех фронтов против Советского Союза. Слухи об этом

ходили даже тогда, когда немецкая наступательная операция в Арденнах окончательно выдохлась.

Однако вернемся к боям под Краковом.

19 января рано утром я выехал на наблюдательный пункт 59-й армии к генералу Коровникову. Наступавшие войска армии, развернутые из второго эшелона, подтягивались для нанесения удара непосредственно по Кракову с севера и северо-запада. С наблюдательного пункта уже открывался вид на город.

Оценив вместе с командующим армией обстановку на месте, мы решили направить приданный этой армии 4-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Полубоярова в обход Кракова с запада. В сочетании с действиями 60-й армии, выходившей в это время к юго-восточным и южным окраинам Кракова, этот маневр грозил Краковскому гарнизону окружением.

Войска самой 59-й армии уже готовились к штурму. Им была поставлена задача ворваться в город с севера и северо-запада и овладеть мостами через Вислу, лишив противника возможности затянуть сопротивление в самом городе.

Для меня было очень важным добиться стремительности действий всех войск, участвовавших в наступлении на Краков. Только наша стремительность могла спасти Краков от разрушений. А мы хотели взять его неразрушенным. Командование фронта отказалось от ударов артиллерии и авиации по городу. Но зато укрепленные подступы к городу, на которые опиралась вражеская оборона, мы в то утро подвергли сильному артиллерийскому огню.

Спланировав на наблюдательном пункте предстоящий удар, я и Коровников выехали на «виллисах» непосредственно в боевые порядки его войск. Корпус Полубоярова уже входил в город с запада, а на северной окраине вовсю шел бой.

Продвижение было успешным. Гитлеровцы вели по нашим войскам ружейный, автоматный, пулеметный, артиллерийский, а временами и танковый огонь, но, несмотря на шум и треск, все-таки чувствовалось, что этот огонь уже гаснет и, по существу, враг сломлен. Угроза окружения парализовала его решимость цепко держаться за город. Корпус Полубоярова вот-вот мог перерезать последнюю дорогу, идущую на запад. У противника оставалась только одна дорога — на юг, в горы. И он начал поспешно отходить.

В данном случае мы не ставили себе задачи перерезать последний путь отхода гитлеровцев. Если бы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчевывать их оттуда, и мы, несомненно, разрушили бы город. Как ни соблазнительно было создать кольцо окружения, мы, хотя и располагали такой возможностью, не пошли на это. Поставив противника перед реальной угрозой охвата, наши войска вышибали его из города прямым ударом пехоты и танков.

К вечеру войска генерала Коровникова, громя арьергарды противника, прошли весь город насквозь, а части 4-го гвардейского танкового корпуса с северо-запада и части 60-й армии с востока и юго-востока нанесли противнику крупные потери на выходе и после выхода из Кракова. Благодаря умелым действиям войск Коровникова, Курочкина и Полубоярова древнейший и красивейший город Польши был взят целым и невредимым.

Говорят, будто солдатское сердце привыкает за долгую войну к виду разрушений. Но как бы оно ни привыкло, а смириться с руинами не может. И то, что такой город, как Краков, нам удалось освободить целехоньким, было для нас огромной радостью.

Кстати сказать, мин в городе фашисты заложили более чем достаточно — под всеми основными сооружениями,

под многими историческими зданиями. Но взорвать их уже не смогли. Не успели сработать и самовзрывающиеся мины замедленного действия. Первые сутки сапёры, и армейские и фронтовые, трудились буквально не покладая рук.

В тот день, во время боя, я заехал только на северную окраину города, а на следующий день, ровно через сутки, я уже видел расчищенные маршруты с визитными карточками сапёров: «Очищено от мин», «Мин нет», «Разминировано».

Войска продвигались вперед, и 20 января я уже проезжал через Краков вместе с офицерами штаба фронта на новый передовой командный пункт. Мы с интересом разглядывали то, что можно было увидеть из машины, но, к сожалению, останавливаться и осматривать достопримечательности Кракова мы не могли. На учете была каждая минута. Предстояла новая операция — за овладение Силезским бассейном.

Может быть, сейчас это покажется странным, но по-настоящему я осмотрел Краков только спустя десять лет, приехав на празднование десятой годовщины его освобождения. Осмотрел знаменитый Вавель, дворцы и соборы, побывал в Новой Гуте, в этом растущем прекрасном новом промышленном центре Польши.

Кстати сказать, именно оттуда, из того района, где теперь стоит Новая Гута, мы и наступали на Краков. Эти места как раз и были тогда полем боя.

20 января, когда я проезжал на запад, на фронте назревали важные события. Впереди были новые бои, мы уже стояли на пороге гитлеровской Германии.

Чем ближе наши войска подходили к реке Одер, тем решительнее мы убеждались, что противник любой ценой будет удерживать Силезский промышленный район. Немецкие фашисты подтягивали в Силезию остатки разбитых

частей и соединений 4-й и 17-й армий, а также резервные пехотные дивизии.

Уже вечером 19 января, в день взятия Кракова, мы, оценивая перспективы боев в Силезском промышленном районе, поняли, что враг способен сосредоточить здесь крупную группировку войск: до десяти — двенадцати дивизий, не считая многих отдельных и специальных частей.

Перед нами встали три задачи, соединявшиеся в итоге в одну: разбить Силезскую группировку противника без больших жертв с нашей стороны, сделать это в самые короткие сроки и по возможности сохранить неразрушенной промышленность Силезии.

Было принято решение: глубоко обходить Силезский промышленный район танковыми соединениями, а затем во взаимодействии с общевойсковыми армиями, наступающими на Силезию с севера, востока и юга, заставить гитлеровцев под угрозой окружения выйти в открытое поле и там разгромить их.

С этой целью 20 января 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко получила от командования фронта задачу изменить направление своего наступления. Раньше войска Рыбалко были нацелены на Бреслау (Вроцлав), но в связи с обстановкой, сложившейся в Силезии, потребовалось резко повернуть его армию с севера на юг вдоль реки Одер. Для Рыбалко эта задача была не только неожиданной, но и очень сложной: крутой поворот целой танковой армии, уже нацеленной на другое направление и находящейся в движении, — дело весьма непростое.

Одновременно были даны соответствующие распоряжения и общевойсковым армиям. 21-я армия генерал-полковника Д.Н. Гусева, усиленная 31-м танковым корпусом генерала В.Е. Григорьева и 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генерала В.К. Баранова, должна была

наносить удары на Беутен (Бытом), охватывая Силезский промышленный район с севера и северо-запада; 59-я армия И.Т. Коровникова, усиленная 4-м гвардейским танковым корпусом П.П. Полубоярова, должна была продолжать наступление на Катовице; 60-я армия П.А. Курочкина — нанести удар вдоль Вислы, охватывая Силезский промышленный район с юга.

Так выглядел общий план взятия Силезского промышленного района.

Дальнейшие события показали, что предпринятый маневр соответствовал сложившейся обстановке. Когда 3-я гвардейская танковая армия, двигавшаяся к этому времени в глубине вражеской обороны, повернула с севера на юг и пошла вдоль Одера, немецко-фашистские войска, ещё продолжавшие сопротивляться перед фронтом наступавшей на них 5-й гвардейской армии и не ожидавшие такого смелого маневра, боясь окружения, начали поспешно отводить свои силы за Одер.

Воспользовавшись этим, части 5-й гвардейской армии к исходу 22 января прорвались к Одери северо-западнее города Оппельн (Ополе), переправились через Одер и захватили на западном берегу плацдарм — первый на нашем фронте.

Пока Рыбалко осуществлял поворот на юг, войска 21, 59 и 60-й армий, заняв сотни населенных пунктов, вышли на подступы к Силезскому промышленному району и вступили в жестокие бои, угрожавшие стать затяжными.

Вечером 23 января по данным нашей разведки определен состав группировки войск противника, оборонявшей Силезский промышленный район. Она насчитывала девять пехотных дивизий, две танковые, несколько так называемых боевых групп, две отдельные бригады, шесть отдельных полков, двадцать два отдельных батальона,

в том числе несколько учебно-пулеметных и штрафной офицерский. И судя по всему, в ближайшее время можно было ожидать прибытия двух-трех пехотных и одной танковой дивизий.

В дальнейшем читателю не раз придется сталкиваться с термином «боевые группы». Это понятие появилось в немецко-фашистской армии во второй половине войны, когда под воздействием нашего оружия переставали существовать многие дивизии и полки. Тогда-то и появились боевые группы — вынужденная мера в организации войск. Если разбитая в боях часть теряла более половины личного состава и её уже нельзя было считать прежней боевой единицей, она обретала в документации новое наименование — «боевая группа».

В 1945 году возникли сводные боевые группы из остатков нескольких разбитых частей. Их чаще всего называли по имени командиров. Численность таких групп колебалась в зависимости от того, на базе чего они были созданы: полка, бригады, дивизии. Иногда в них насчитывалось пятьсот — семьсот человек, иногда и тысяча — полторы. Как правило, боевые группы дрались очень упорно. Возглавляли их опытные командиры, хорошо знавшие своих подчиненных.

Возникновение таких групп происходило, конечно, не от хорошей жизни, но сбрасывать их со счетов нам не приходилось. В критических обстоятельствах создание их, в общем, было необходимой мерой со стороны немецко-фашистского командования.

Таким образом, вражеская группировка в Силезском промышленном районе, хотя и состояла в основном из жестоко потрепанных в боях войск, все же представляла собой солидную силу.

И тем не менее, совершив поворот на девяносто градусов, 3-я танковая армия Рыбалко уже к 27 января вышла

в заданный ей район, нависнув передовыми частями над Силезской группировкой противника.

Не могу не отдать должного Павлу Семеновичу Рыбалко: обладая большим опытом маневренных действий, он и на этот раз сманеврировал с предельной быстротой и четкостью и, не теряя ни одного часа, пошел с боями на юг. К тому же времени вплотную к Силезскому промышленному району подошли 21-я и 59-я армии. Они находились уже у Беутена (Бытом) и вели бои за овладение Катовице. 60-я армия, наступавшая южнее, овладела Освенцимом.

На второй день после освобождения этого страшного лагеря, ставшего теперь во всем мире символом фашистского варварства, я оказался сравнительно недалеко от него. Первые сведения о том, что представлял собой этот лагерь, мне уже были доложены. Но увидеть лагерь смерти своими глазами я не то чтобы не захотел, а просто сознательно не разрешил себе. Боевые действия были в самом разгаре, и руководство ими требовало такого напряжения, что я считал не вправе отдавать собственным переживаниям душевные силы и время. Там, на войне, я не принадлежал себе.

Я ехал в войска и обдумывал предстоящие решения. Дальнейшее наступление 60-й армии с юга и 3-й гвардейской танковой с севера уже ясно образовывало вокруг противника клещи, которые в перспективе оставалось лишь замкнуть и тем самым окружить в Силезском промышленном районе всю скопившуюся там немецко-фашистскую группировку. Реальные возможности для этого были. Но передо мной, как командующим фронтом, вставала проблема: следует ли это делать? Я понимал, что если мы окружим вражескую группировку, насчитывавшую, без частей усиления, десять — двенадцать дивизий, и будем вести с ней бой, то её сопротивление может затянуться на

очень длительное время. Особенно если принять во внимание район, в котором она будет сопротивляться. А в этом-то и вся соль.

Силезский промышленный район — крупный орешек: ширина его семьдесят и длина сто десять километров. Вся эта территория сплошь застроена главным образом железобетонными сооружениями и массивной кладки жилыми домами. Перед нами был не один город, а фактически целая система сросшихся между собой городов общей площадью в пять-шесть тысяч квадратных километров. Если противник засядет здесь и станет обороняться, то одолеть его будет очень трудно. Неизбежны большие человеческие жертвы, разрушения. Весь район может оказаться в развалинах.

Словом, во что обойдется нам уничтожение окруженного в Силезском промышленном бассейне противника, я отчетливо себе представлял. Однако и отказаться от окружения было не так-то просто. Не скрою, во мне происходила внутренняя борьба. Положение осложнялось ещё и тем, что несколько дней назад, в начале операции, когда мы ещё не успели приблизиться к Силезскому району, не успели до конца прочувствовать, с чем, с какими потерями, с какими разрушениями могут быть связаны длительные бои в этом районе, мной был отдан приказ на окружение.

Я ехал в подходившую с севера армию Рыбалко, и у меня зрела мысль, что мы обязаны взять Силезский промышленный район непременно целым, а значит, должны выпустить гитлеровцев из этой ловушки и добить их потом, в поле. А с другой стороны, именно окружение есть высшая форма оперативного искусства, его венец. Так как же вдруг взять и отказаться от этого? Не легко было мне, военному профессионалу, воспитанному в духе стремления при всех случаях окружать противника, выходить на его

пути сообщения, не выпускать из кольца, громить, — вдруг вместо всего этого пойти вопреки сложившейся доктрине, твердо установившимся взглядам. Взглядам, которые я и сам исповедовал.

Это было нелегкое психологическое состояние, усугублявшееся ещё и тем, что армия Рыбалко, которую после принятия решения не окружать врага мне предстояло ещё раз поворачивать, — эта армия шла сюда с настроением именно окружить противника, сомкнуть кольцо вокруг него, не выпустить его. А мне надо было пойти наперекор всем этим вполне закономерным ожиданиям и переориентировать армию и её командующего на другую, новую задачу.

Я стремился хладнокровно взвесить все плюсы и минусы.

Ну хорошо, мы окружим гитлеровцев в Силезском промышленном бассейне. Их примерно сто тысяч. Половина из них будет уничтожена в боях, а половина взята в плен. Вот, собственно говоря, и все плюсы. Пусть немалые, но все.

А минусы? Замкнув кольцо в результате операции, мы вынуждены будем разрушить весь этот район, нанести огромный ущерб крупнейшему промышленному комплексу, который должен стать достоянием новой Польши.

Кроме того, и наши войска понесут тяжелые потери, потому что драться здесь — значит штурмовать завод за заводом, рудник за рудником, здание за зданием. Даже если имеешь преимущество в технике, в таких боях за город, где берешь дом за домом, приходится платить дорогой ценой, жизнью за жизнь.

А между тем людских потерь у нас за четыре года войны и так достаточно. Перспектива же победоносного окончания войны недалека. И всюду, где это возможно, так хочется сохранить людей, дойти с ними, с живыми, до победы.

На моих плечах лежала в данном случае большая ответственность, и я, не будучи от природы человеком нерешительным, все же, не скрою, долго колебался и все взвешивал, как поступить.

В итоге всех размышлений по дороге к Рыбалко я принял окончательное решение: не окружать врага, оставить ему свободный коридор для выхода из Силезского бассейна и добивать его потом, когда он выйдет в поле. Жизнь впоследствии оправдала это решение.

Для того чтобы осуществить решение, надо было, с одной стороны, ещё раз повернуть на ходу те соединения танковой армии Рыбалко, которые готовы были уже перерезать этот коридор, а с другой — активизировать действия войск, непосредственно наступавших на Силезский промышленный район. Просто оставить коридор для выхода гитлеровцев — этого недостаточно. Требовалось заставить их видеть в этом коридоре единственный путь к спасению. А для этого надо было показать им нашу мощь и нашу решимость вышибить их из Силезского промышленного района, атакуя и тесня в направлении оставленного коридора, на юго-запад.

Командующим 59-й армией Коровникову и 60-й Курочкину указания были отправлены с офицерами моей оперативной группы, а к командующему 21-й армией Гусеву я по дороге к Рыбалко заехал сам. По первоначальному плану его армия, ведя фронтальные бои, в то же время должна была обходить Силезский промышленный район с северо-запада. Теперь Гусеву было отдано приказание — как можно стремительнее атаковать противника с фронта, непрерывно тесня и вышибая его.

Забегая вперед, скажу, что 21-я армия и в этот день и в последующие прекрасно выполняла поставленную перед ней задачу.

А как сложились обстоятельства у Рыбалко? Читателю уже известно, что, принимая свое решение, я с понятной тревогой думал о том, как поймут меня мои подчиненные, и в частности командующий 3-й гвардейской танковой армией. Ведь в течение нескольких дней эта армия осуществляла самый сложный маневр с боями именно для того, чтобы замкнуть кольцо вокруг Силезской группировки противника.

Восстанавливать по памяти диалог двадцатилетней давности дело трудное. Но как раз этот разговор с Рыбалко был одним из тех, что не забываются, и если понадеяться на память, то был он примерно таким.

Он: Товарищ маршал, чтобы выполнить ваш приказ, мне надо вновь поворачивать армию.

Я: Ничего, Павел Семенович, вам не привыкать. Ваша армия только что совершила блестящий поворот. Давайте сделаем ещё один доворот. Кстати, у вас целый корпус ещё не развернут, идет во втором эшелоне. Давайте его сразу и выведем на Ратиборское направление, а два корпуса застопорим, тем более что связь по радио у вас со всеми корпусами, насколько я понимаю, отличная.

Он (поморщившись и ещё, как я почувствовал, внутренне сопротивляясь): Да, это, пожалуй, возможно.

Я: Связь у вас хорошая, я не ошибаюсь? Со всеми есть связь?

Он: Да, связь есть со всеми. Радио работает безотказно.

Я: Так передайте тогда сейчас же приказ этим двум корпусам «Стоп», а тому корпусу «Вперед, на Ратибор».

Радиостанции были здесь же — и на моей машине, и на машине Рыбалко. И он, не теряя времени, пошел отдавать по радио этот приказ.

Кстати сказать, при этом разговоре присутствовал боевой соратник Рыбалко член Военного совета 3-й гвардей-

ской танковой армии С.И. Мельников, человек, имевший обыкновение большую часть своего времени проводить в войсках, в боевых порядках наступающей армии.

Когда вспоминаешь боевое прошлое, то для того, что бы тебя лучше поняли, хочется некоторые моменты передать зрительно, попробовать в меру своих сил восстановить перед глазами читателя ту картину, которую тогда видел сам.

Что представлял собой передовой наблюдательный пункт 3-й танковой армии, на котором происходил весь этот разговор? Это был и не дом и не блиндаж, а просто удобная для обозрения местности высотка, на которую выскочил командующий армией, а вслед за ним и я.

Обзор исключительно широкий. Впереди — поле боя, и мы оба видим его как на ладони, видим движение танковых соединений Рыбалко. Его бригады маневрируют перед нами, как на хорошем плацу, двигаясь под обстрелом противника к Силезскому промышленному району, к городу Глейвиц. Вдали виден и сам промышленный район, дымящиеся трубы заводов. Слева от нас, там, где ведет бой 21-я армия Гусева, слышна непрерывающаяся артиллерийская стрельба и заметно продвижение пехоты. А в тылу из глубины выдвигаются новые танковые массы — тот корпус, который Рыбалко сейчас по радио заворачивает на Ратибор.

Современная война связана с расстояниями. Действия больших войсковых масс чаще всего не умещаются в поле зрения человека, даже если находишься на наблюдательном пункте. Чаще всего они обозримы только по карте. Тем большее удовлетворение я испытывал, когда мог наблюдать стремительное продвижение вперед боевых порядков танковых бригад, смелое, напористое, несмотря на огонь и сопротивление врага. На танках — десантники, мотопехота, причем некоторые из них с гармошками и баянами.

Кстати сказать, многие танки в этой операции были замаскированы тюлем. Танки и тюль — сочетание на первый взгляд странное, но в этом была своя логика.

Стояла зима, на полях ещё лежал снежок, а танкисты накануне как раз захватили склад какой-то текстильной фабрики. Там нашлось много тюля, и маскировка оказалась неплохой.

Так и стоит сейчас перед глазами эта картина со всеми её контрастами: с дымящимися трубами Силезии, с артиллерийской стрельбой, с лязгом гусениц, с тюлем на танках, с играющими, но не слышными гармошками десантников.

Повествуя о дальнейших операциях фронта (Берлинской и Пражской), мне ещё не раз придется возвращаться к имени и боевым делам командующего 3-й гвардейской танковой армией Павла Семеновича Рыбалко. Я хочу рассказать об этом незаурядном человеке несколько подробнее, чем это можно сделать по ходу изложения боевых действий, представить его читателю таким, каким он остался в моей памяти, попробовать дать нечто вроде его портрета, причем, разумеется, это будет портрет военного человека.

На войне я встретился с Рыбалко впервые только в 1944 году. До этого в качестве командующего 3-й танковой армией он уже провел ряд крупных операций по освобождению Украины, форсированию Днепра, освобождению Киева, наступлению на Западной Украине. Я встретился с ним, принимая командование 1-м Украинским фронтом, в мае 1944 года.

Эта первая встреча на войне была далеко не первой в жизни. Я знал Рыбалко с начала двадцатых годов по учебе на Курсах высшего начальствующего состава при Академии имени Фрунзе. Впрочем, тогда она ещё так не называ-

лась. Фрунзе был жив, и именно он послал целую группу старых боевых комиссаров (человек тридцать) учиться на курсы. Я говорю «старых», но тогда этим комиссарам насчитывалось от роду всего лет по двадцать шесть-двадцать семь. В числе их были и мы с Рыбалко.

После окончания курсов Павел Семенович пошел уже не на комиссарскую, а на командную должность, командиром полка. Командовал полком, дивизией, потом был некоторое время военным атташе в Польше. Потом — вновь на командной работе. В ходе войны стал командующим танковой армией. В этой роли я его и встретил почти через двадцать лет после академии.

Павел Семенович был широкообразованным человеком и в общем, и в военном отношении. Он окончил не только Курсы высшего начальствующего состава, но несколько лет спустя и Академию имени Фрунзе, где мы опять учились вместе. И на курсах, и в академии учился он превосходно, был в числе первых. Это характерно для его натуры.

Высокая теоретическая подготовка, разносторонний командирский опыт сделали Рыбалко сложившимся, знающим свое дело и уверенным в себе военачальником. Ему была свойственна исключительная выдержка, сочетавшаяся с энергией и волевым началом, ярко выраженным во всех его действиях.

В дружеских беседах он бывал остроумен, находчив, любил и умел полемизировать. Но главным положительным качеством Рыбалко, я бы сказал, высоким его достоинством было умение сплотить коллектив, который его окружал и которым он командовал.

Рыбалко действовал не методом уступок и поглаживания по головке, задабривания или всепрощения. Напротив, всегда предъявлял к подчиненным (в условиях армии это было необходимо) самые суровые требования, но при этом

умел оставаться справедливым и заботливым. Ему было свойственно далеко не всегда встречающееся качество, которое я особенно ценю в военных людях. Полною мерою взыскивая с подчиненных за любой промах, он потом, когда за тот же промах подчиненного приходилось отвечать ему самому, не давал его избить, смять, уничтожить. Большую часть ответственности он всегда брал на себя.

Очень правильно строил он и свои отношения с Военным советом. В 3-й гвардейской армии Военный совет был хорошим, сплоченным руководящим органом, работал дружно, разумеется, при неоспоримом приоритете командующего. Член Военного совета С.И. Мельников, о котором я уже упоминал, хорошо дополнял П.С. Рыбалко, и это, по справедливости, было их обоюдной заслугой.

Мельников не только занимался вопросами политикоморального состояния и политического воспитания личного состава, но и вникал в целый ряд других армейских дел. Таких, например, как материально-техническое обеспечение, значение которого вообще огромно на войне, а в танковой армии тем более. Постоянно бывая вместе с Рыбалко на передовой, он умел, если это требовалось, воздействовать на подчиненных примером личного мужества. В этом смысле оба эти человека были схожи друг с другом.

Павел Семенович Рыбалко был бесстрашным человеком, однако никак не склонным к показной храбрости. Он умел отличать действительно решающие моменты от кажущихся и точно знал, когда именно и где именно ему нужно быть. А это необыкновенно важно для командующего. Он не суетился, как некоторые другие, не метался из части в часть, но, если обстановка диктовала, невзирая на опасность, появлялся в тех пунктах и в тот момент, когда и где это было нужно. И в этих случаях его ничто не могло остановить.

У нас было немало хороших танковых начальников, но, не преуменьшая их заслуг, я все-таки хочу сказать, что, на мой личный взгляд, Рыбалко наиболее проникательно понимал характер и возможности крупных танковых объединений. Он любил, ценил и хорошо знал технику, хотя и не был смолоду танкистом. Он знал, что можно извлечь из этой техники, что для этой техники достижимо и что недостижимо, и всегда помнил об этом, ставя задачи своим войскам.

Во второй половине Великой Отечественной войны танковые войска были передовым родом оружия, задававшим тон в операциях. И Рыбалко, умело используя силу своих войск, задавал этот тон, определяющий темп всей операции. Разумеется, это было непростым делом, и каждую свою операцию он готовил с ювелирной тщательностью.

Я не раз бывал у него, когда он на ящике с песком, или на рельефном плане, или на карте крупного масштаба предварительно проигрывал со своими командирами боевые действия корпусов, бригад, различные варианты решения одной и той же задачи. Присутствовал и при том, как он в армейском масштабе готовил Львовскую операцию. Присутствовал и при подготовке Висло-Одерской операции.

Тщательная подготовка командного состава была для Рыбалко пусть важнейшей, но все же частью его забот. Столь же скрупулезно занимался он и с инженерно-техническим составом, вникал во все, что было связано с техническим обеспечением танков, с их ремонтом, эвакуацией, восстановлением, понимая, что наибольший эффект в бою он получит только при технически правильном использовании танков.

Не мудрено, что такой генерал-танкист был для нас на войне исключительно дорог. И не случайно 3-я гвардейская

танковая армия являлась передовой армией, подававшей своими действиями пример того, как много можно получить от наших танковых объединений в условиях большой маневренной войны, если правильно и дальновидно управлять ими.

Что касается наших личных отношений с Павлом Семеновичем, то, коротко говоря, мы были с ним друзьями. Поскольку речь идет о войне, скажу точнее — боевыми друзьями.

В чем ценность дружбы на войне между командующим фронтом и его командармом? Прежде всего в доверии. Мы взаимно доверяли друг другу. А доверие — это основа основ в отношениях между командирами.

У меня с Павлом Семеновичем доверие сложилось постепенно, явилось результатом большой совместной работы в нелегкой и сложной обстановке, возникло в отношениях по службе и было с самого начала взаимным.

Именно взаимное доверие имеет особую цену, потому что оно не ограничивается отношениями двух человек, а как бы по цепочке передается вниз, подчиненным. Атмосфера, при которой в войсках складывается ощущение: в нас верят, на нас надеются — на наш полк, на нашу дивизию, на наш корпус, на нашу армию, — это атмосфера, крайне необходимая на войне, влияющая на ход военных действий.

Если угодно, вообще трудно переоценить наличие или отсутствие взаимного доверия в любой инстанции: между командующим фронтом и командармами, между командармом и командирами корпусов и так далее. Война связана с таким количеством непредвиденных обстоятельств, с такой постоянной необходимостью вносить коррективы и искать новые решения, что, как заранее ни планируй, всего не распишешь, не прикажешь и по каждому поводу

заранее всего не укажешь. Вот тут-то и выступает на первый план доверие.

Павел Семенович Рыбалко был человеком, на которого я полагался всецело. Когда речь шла о нем, то я знал, что там, где я как командующий фронтом не все предусмотрел, предусмотрит он.

У меня всегда возникало чувство внутреннего протеста, когда в моем присутствии кто-нибудь из старших начальников ставил задачи своим подчиненным формально, как сухарь, не сознающий, что перед ним сидят живые люди, и не понимающий этих людей. Такой начальник обычно диктует, даже не глядя людям в глаза: «Первый пункт — о противнике... Второй пункт — о наших войсках... Третий — ваша задача... Приказываю вам...» И так далее и тому подобное. Формально все вроде верно, а души нет, контакта со своими подчиненными нет. Я вспомнил о таких начальниках по закону контраста, потому что Рыбалко был как раз полной противоположностью подобным людям. Ставя задачу, отдавая приказ, он, разумеется, формулировал его по всем правилам военной науки, но при этом всегда в нем чувствовался человек. И в других он видел людей, а не просто механических исполнителей.

Как это важно, когда, взваливая на плечи подчиненному порой нелегкую ношу, говоришь с ним при этом не приказным языком, а доверительно, по-человечески. «Товарищ Петров, ваша задача такая-то. Это, мы знаем, нелегкая и ответственная задача. Но я надеюсь, товарищ Петров, что именно вы эту задачу выполните, я знаю вас я с вами не первый день и не первый год воюю. Ну а кроме того, помните, что вы можете всегда в трудную минуту рассчитывать на мою поддержку. Хотя я уверен, что вы справитесь и без этой поддержки. Вы должны к исходу дня выйти туда-то и овладеть тем-то. Справа от вас будет дей-

ствовать Николай Павлович, а слева — Алексей Семенович. Это люди, которые вас не подведут, вы это знаете не хуже меня. Так что жмите всю, без излишнего беспокойства за свои фланги».

Я не пытаюсь восстановить здесь в точности какой-то конкретный разговор, а говорю лишь о стиле обращения к подчиненному, который был характерен для таких военных начальников, как Рыбалко. Повторяю при этом, что этот стиль отнюдь не исключал самой жесткой требовательности.

Таков был Павел Семенович Рыбалко. К его боевым делам я ещё не раз буду возвращаться по ходу своего повествования. Здесь лишь добавлю несколько штрихов к его портрету.

После войны, когда мне в роли главнокомандующего Сухопутными войсками пришлось вновь работать вместе с Рыбалко, командовавшим тогда нашими бронетанковыми войсками, я ещё раз утвердился в своем высоком мнении об этом человеке.

Армия осуществляла переход на мирное положение. На своем новом весьма ответственном посту Рыбалко должен был решать многие задачи, суммировать весь боевой опыт, накопленный бронетанковыми войсками за годы войны, наметить планы развития этих войск в мирное время с перспективой на будущее, правильно разработать всю техническую политику в области танкостроения. И тогда я видел в Рыбалко талантливого, прощупательного и твердого военачальника.

Командующий бронетанковыми войсками Советской Армии — последняя должность Рыбалко. Он умер, находясь на этом посту, умер в расцвете сил, и это была тяжелейшая утрата не только для всех его боевых товарищей, но и для всех наших Вооруженных Сил.

...Решение отказаться от окружения Силезской группировки врага дало свой эффект. Под сильным натиском советских войск с фронта, опасаясь глубокого обхода, гитлеровцы вынуждены были поспешно ретироваться в оставленные нами для этого ворота.

К 29 января весь Силезский промышленный район был очищен от противника и захвачен целым и неразрушенным. Многие предприятия, когда мы ворвались туда, работали на полном ходу и в дальнейшем продолжали работать и выпускать продукцию.

Немецко-фашистские войска понесли серьёзные потери уже в те дни, когда пытались оторваться от нас и выходили из промышленного района в оставленный нами коридор. Но главный урон им был причинен, конечно, после выхода, на открытой местности, массированными ударами танкистов Рыбалко и 60-й армии Курочкина.

Судя по данным, которыми мы располагали, после ряда ударов, нанесенных врагу в открытом поле, от его группировки в Силезии осталось не более двадцати пяти — тридцати тысяч человек, представлявших самые различные разбитые и разрозненные части. Это было все, что удалось им вывести из того предполагаемого котла, от создания которого мы в последний момент отказались.

Кроме того, мы, очевидно, упустили нескольких гитлеровских генералов, которых могли бы взять в плен. Но я не жалел об этом. То, что мы выиграли, не шло ни в какое сравнение с тем, чем мы поступились.

До сих пор я говорил преимущественно о действиях южного крыла фронта. Однако при всей важности операции по овладению Силезским промышленным районом наши действия не ограничивались только этим. От левого фланга фронта, где мы граничили с 4-м Украинским, и до правого, где мы соприкасались с 1-м Белорусским, было

около пятисот километров, и бои шли на всем этом огромном пространстве.

Как я уже упоминал, на центральном участке фронта 5-я гвардейская армия Жадова, используя благоприятную обстановку, созданную поворотом армии Рыбалко, захватила плацдармы, которые впоследствии сыграли очень важную роль при осуществлении новых операций — Нижне-Силезской и Верхне-Силезской.

Правее Жадова 4-я танковая армия Лелюшенко тоже форсировала Одер и вышла в район Штейнау. Правее действовали 13-я армия Пухова и 3-я гвардейская армия Гордова, но там дело шло медленно. Войска вели ожесточенные бои с остатками 24-го танкового и 42-го армейского корпусов, а также с соединениями 9-й полевой армии противника. Все эти силы раньше противостояли войскам 1-го Белорусского фронта, а теперь под их ударами сместились к югу и вышли в район восточнее Лисса, в полосу действий армии Гордова.

Ввиду особой сложности обстановки мне пришлось выехать к Лелюшенко. Его командный пункт был уже на том берегу, за Одером.

Добравшись туда и выслушав доклад командарма, я поставил ему задачу нанести удар на северо-западном направлении, наступая одновременно по обоим берегам Одера, чтобы помочь Гордову. Совместными усилиями эти две армии должны были окружить и уничтожить теснимую 1-м Белорусским фронтом группировку противника, чтобы не позволить ей перейти Одер.

Вспоминаю об этом с горечью, но необходимо признать, что выполнить эту задачу до конца войскам 3-й гвардейской и 4-й танковой армий не удалось. Фашисты сманиврили и прошли севернее намеченного нами удара. Нашим войскам все же удалось сначала окружить, а по-

том уничтожить в районе Лисса около пятнадцати тысяч вражеских солдат, но остальные все же, хотя и с крупными потерями, переправились на западный берег Одера. И если на левом крыле фронта у нас все вышло именно так, как было задумано, то о действиях правого крыла этого сказать нельзя.

Война — это непрерывное накопление и непрерывное обобщение опыта. Обобщенный и осмысленный опыт существенно влияет на последующие действия войск, на дальнейший ход войны. Именно поэтому хотел бы остановиться здесь и коснуться наиболее важных итогов Висло-Одерской операции.

Главная особенность прорыва, с которого началась операция, заключалась в том, что мы обеспечили большую глубину огневого подавления противника, по существу, на полную артиллерийскую дальность. Для тяжелых калибров она составляла двадцать — двадцать два километра.

Первоначальные наши успехи следует отнести также за счет правильного определения ширины участка прорыва. Прорыв на фронте до сорока километров сразу позволил развить удар в оперативную глубину и в стороны флангов.

Операция отличалась высокими темпами продвижения войск. Уже в первый день армии Жадова, Коротеева, Пухова преодолели с боями расстояние в пятнадцать — двадцать километров, а в последующие дни наступали по двадцать пять — тридцать километров в сутки. Танкисты делали за сутки по сорок — пятьдесят километров, а в отдельные дни по шестьдесят — семьдесят километров, на ходу громя подходившие из глубины резервы врага.

Танковые армии в ходе операции показали образцы смелого и быстрого маневра. К ним можно отнести маневр армии Рыбалко с севера на юг, предопределивший участь силезской группировки противника, а также маневр танко-

вой армии Лелюшенко. В самом начале операции 4-я танковая армия, выйдя в район западнее Кельце, обеспечила войскам Гордова и Пухова быстрое взятие города и разгром всей кельце-радомской группировки немцев.

Характерной особенностью операции было также широкое маневрирование не только танковых соединений, но и общевойсковых армий. При этом вошло в норму смелое продвижение войск вперед не сплошным фронтом, а с разрывами.

Успешный захват Силезского промышленного района тоже представлял принципиальный интерес. Но ведь на войне бывают такие положения, когда, казалось бы, наиболее эффективное завершение той или иной операции, с точки зрения оперативного искусства, не совпадает с высшими политико-стратегическими интересами.

При изучении Висло-Одерской операции можно встретить примеры и классических форм окружения противника, и борьбы на окружение, и уничтожения движущихся неприятельских группировок в тылу наших войск. Выбирая те или иные формы оперативного маневра, мы всякий раз исходили из конкретно сложившейся обстановки, а она отличалась большим разнообразием. Ведь маневрировали обе стороны, и на поле боя все время возникали совершенно неожиданные ситуации, требовавшие быстрых и смелых творческих решений.

Эта операция интересна и стремительным форсированием крупных водных преград в условиях малоснежной теплой зимы, когда реки почти не замерзали. Надо сказать, что наши войска хорошо усвоили основное оперативное требование — выходить на реки широким фронтом и форсировать их с ходу раньше, чем по ним займет оборону противник. Как правило, это приводило к хорошим результатам.

Если взять Висло-Одерскую операцию в целом, то за двадцать три дня наступления войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, при активном содействии войск 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов продвинулись на глубину до шестисот километров, расширили прорыв до тысячи километров и с ходу форсировали Одер, захватив на нем ряд плацдармов. Причем 1-й Белорусский фронт, захватив Кюстринский плацдарм, оказался в шестидесяти километрах от Берлина.

В ходе операции войска 1-го Украинского фронта очистили от врага Южную Польшу с её древней столицей Краковом, овладели Силезским промышленным районом и, захватив на западном берегу Одера оперативные плацдармы, создали благоприятные условия для нанесения последующих ударов по врагу как на Берлинском, так и на Дрезденском направлениях.

По нашим подсчетам, за двадцать три дня боевых действий 1-й Украинский фронт нанес поражение двадцати одной пехотной, пяти танковым дивизиям, двадцати семи отдельным пехотным, девяти артиллерийским и минометным бригадам, не говоря уже об очень большом числе различных специальных подразделений и отдельных батальонов.

За время операции было взято сорок три тысячи пленных и уничтожено, по нашим подсчетам, больше ста пятидесяти тысяч солдат и офицеров. Среди захваченных трофеев насчитывалось более пяти тысяч орудий и минометов, более трехсот танков, более двухсот самолётов и очень большое количество всякого иного вооружения и боевой техники.

Все эти успехи стали возможны потому, что солдаты, офицеры, генералы в ходе такой длительной, напряженной, охватившей громадные пространства операции проявили

большое мужество, выдержку, неутомимость и высокое воинское умение. А за всем этим стояла глубокая преданность всего личного состава своей социалистической Родине и столь же глубокая вера в уже приближающуюся окончательную победу над фашизмом.

Операция изобиловала примерами массового героизма и самопожертвования, решимости людей выполнить свой долг до конца, не считаясь ни с чем. И сейчас, спустя много лет после войны, как бывший командующий 1-м Украинским фронтом ещё раз снимаю шапку и склоняю голову перед всеми, кто пролил кровь и отдал свою жизнь в этих боях. А жертв нам пришлось понести немало.

Однако если взять операцию в целом и сравнить понесенные нами потери с достигнутыми успехами, то можно смело сказать, что победа досталась нам меньшей кровью, чем в некоторых других более ранних операциях. Это определялось и нашей возросшей технической мощью, и нашим более зрелым военным мастерством.

Вот что писал впоследствии военный историк Западной Германии, бывший генерал немецко-фашистской армии Ф. Меллентин: «Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи».

Здесь, собственно говоря, можно было бы поставить точку и перейти к другим операциям, если бы не участвовавшие фальсификации в области военной истории, которыми на Западе с каждым годом занимается все более широкий круг лиц.

В некоторых исторических сочинениях, даже в таких, казалось бы, солидных, как книги американского историка Ф. Погью или английского военного историка Д. Фуллера, тщетно искать хотя бы упоминания о том, что советские войска на Восточном фронте начали Висло-Одерскую операцию на восемь дней раньше намеченного срока для того, чтобы оказать содействие союзникам, попавшим в канун нового года в тяжелое положение и, несмотря на некоторое улучшение обстановки, продолжавшим и в начале января оценивать её достаточно нервозно.

Приведу цитату из двух широко известных документов: «На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... Я считаю дело срочным».

Это писал 6 января 1945 года Черчилль Сталину.

«Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас неблагоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января...»

Это писал Сталин Черчиллю на следующий день, 7 января 1945 года.

Итоги этой переписки известны. Не во второй половине января, а меньше чем через пять суток после ответного

письма Сталина, на рассвете 12 января, началась Висло-Одерская операция.

Таким образом, всякое замалчивание непреложных исторических фактов, к которому прибегают некоторые западные военные историки, выглядит, мягко говоря, не-солидным.

Однако часть этих историков идет ещё дальше. Они пытаются доказать, будто бы декабрьское наступление на западном фронте в Арденнах вынудило гитлеровское командование не только бросить в этот район все свои резервы и маршевые пополнения, но и снять значительные силы с восточного фронта и якобы это обстоятельство ослабило силы немецко-фашистских войск на восточном фронте в такой мере, что позволило Советской Армии достичь столь больших успехов во время её январско-февральского наступления 1945 года.

Тенденция, скрывающаяся за этими высказываниями, ясна. Удивляет другое: легкость, с какой прибегают к подобным фальсификациям люди, превосходно знающие, что существуют, никуда не делись и никуда не денутся официальные документы германского генерального штаба, при сличении с которыми от всей этой ложной концепции остаются рожки да ножки.

Разумеется, наступление в Арденнах вынудило германское командование бросить в этот район свои резервы и маршевые пополнения, как вынуждает к этому любое крупное наступление.

Но если обратиться к данным гитлеровского генерального штаба, то мы увидим, что с октября по декабрь сорок четвертого года, то есть в период подготовки и проведения Арденнской наступательной операции, гитлеровское командование перебросило с восточного фронта на западный только пять с половиной дивизий. И одновременно с этим

в тот же период оно усилило свои войска, действовавшие на восточном фронте, двадцатью пятью дивизиями и одиннадцатью бригадами, переброшенными с разных других фронтов и направлений, набранными буквально отовсюду.

Если же взять общие цифры, то на «усиленном» немцами западном фронте к началу Висло-Одерской операции действовало семьдесят пять с половиной дивизий, а на «ослабленном» ими восточном фронте против нас действовало сто семьдесят девять дивизий. Цифры достаточно выразительные.

И наконец, в заключение, для полной ясности ещё раз предоставим слово самим немцам.

«Влияние январского наступления советских армий с рубежа Вислы немедленно сказалось на западном фронте. Мы уже давно с тревогой ожидали переброски своих войск на восток, и теперь она производилась с предельной быстротой».

Это писал участник операции в Арденнах, бывший командующий 5-й немецко-фашистской танковой армией генерал фон Мантейфель.

...Вот так начинался февраль 1945 года. Гитлеровцы «с предельной быстротой» перебрасывали войска с западного фронта на восточный на выручку своим армиям, разбитым в Висло-Одерской операции. А мы готовились к новым операциям и боям.

ОТ ОДЕРА ДО НЕЙСЕ

Нижне-Силезская наступательная операция 1-го Украинского фронта, о которой я расскажу в этой главе, по существу, была продолжением Висло-Одерской операции и непосредственно примыкала к ней по времени.

В первых числах февраля на правом фланге фронта ещё продолжались последние ожесточенные бои, относящиеся к заключительному этапу Висло-Одерской операции. В эти дни войска 3-й гвардейской армии Гордова и соединения 4-й танковой армии Лелюшенко вели бои по уничтожению окруженной группировки немецко-фашистских войск южнее Рюттцена. В этих боях тринадцать тысяч солдат и офицеров противника были уничтожены, а около трех тысяч взяты в плен.

В эти же дни в районе города Бриг, стоявшего на западном берегу Одера и превращенного гитлеровцами, по существу, в крепость, тоже шли ожесточенные бои. 5-я гвардейская армия Жадова и 21-я армия Гусева, захватившие плацдармы на берегу Одера севернее и южнее Брига, соединились, сначала окружив, а потом взяв Бриг и создав на том берегу Одера единый большой плацдарм, необходимый нам для будущего наступления.

Бои в районе Брига закончились 5—6 февраля, а уже 8-го началась Нижне-Силезская операция.

Я привел только два наиболее характерных примера наших действий того периода. Эти примеры можно было бы умножить.

Во многих местах нашего огромного фронта, в особенности на его правом фланге, в эти дни происходила дочистка и доделка недоделанного в ходе Висло-Одерской операции. Расширение и углубление плацдармов, ликвидация и пленение окруженных группировок и групп и другие, если можно так выразиться, текущие дела войны, которые, в значительной своей части не попадая в сводки Информбюро, требовали от нас и сил и жертв.

Нижне-Силезская операция была спланирована нами в самом конце января 1945 года на гребне успеха Висло-Одерской операции как её непосредственное продолжение. Первоначальный план мы направили в Ставку ещё 28 января, и его одобрили там без всяких изменений.

Надо, однако, сразу сказать, что нашим замыслам, положенным в основу этого плана, не суждено было осуществиться. Мы предполагали провести операцию на гораздо большую глубину, чем та, которую удалось достичь на деле.

Главный удар намечалось нанести с двух крупных плацдармов на Одере — севернее и южнее Бреслау. В результате должно было последовать окружение этого сильно укрепленного города, а затем, взяв или оставив его в тылу, мы предполагали развивать наступление основной группировкой прямо на Берлин.

В то же время войскам левого крыла 1-го Украинского фронта предстояло разгромить противника на Дрезденском направлении. При этом мы рассчитывали на содействие своего соседа слева, 4-го Украинского фронта.

Фактически же за шестнадцать суток боев, к 24 февраля, мы выполнили только часть поставленной перед собой

задачи. Окружив гарнизоны Бреслау и Глогау, наши войска продвинулись на главном направлении почти на полтора-ста километров, вышли правым крылом на реку Нейссе, на уровень левого крыла 1-го Белорусского фронта, и здесь закрепились.

Для дальнейшего наступления требовалась пауза. Ведь и без того на нашем фронте одна наступательная операция (Висло-Одерская), по существу без всякой передышки, переросла в другую (Нижне-Силезскую). Мы наступали непрерывно сорок четыре дня (с 12 января по 24 февраля) и прошли с боями от пятисот до семисот километров. В среднем за каждые сутки войска продвигались на шестнадцать километров. За такие итоги краснеть не приходится. Но они не освобождают меня от необходимости объяснить, почему все же Нижне-Силезская операция планировалась нами на одну глубину, а на практике осуществлена на другую, значительно меньшую.

Отбрасывая в сторону ряд менее существенных обстоятельств, я должен назвать здесь три основные причины.

Во-первых, в конце января, планируя эту операцию, мы считали, что наше дальнейшее наступление на запад будет проходить одновременно с продолжающимся наступлением войск 1-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. Однако в действительности получилось иначе.

Как раз в период между утверждением плана нашего наступления и его началом перед 1-м Белорусским фронтом возникла неотложная задача — ликвидировать угрожавшую ему восточно-померанскую группировку немецко-фашистских войск. В связи с этим по указанию Ставки он был вынужден отказаться от дальнейшего наступления на Берлинском направлении и после выхода на Одер закреплиться на достигнутых рубежах, одновременно подготавливая удар в Померании.

Осложнилось положение и у нашего левого соседа, 4-го Украинского фронта, нацеленного на Чехословакию. Он столкнулся с упорнейшим сопротивлением противника и почти не продвигался.

Во-вторых, уже в ходе операции нам пришлось убедиться, что в конце января мы недооценили возможностей противника по восстановлению боеспособности своих частей и соединений, разгромленных нами на Висле и Одере. Он делал это гораздо быстрее и решительнее, чем мы могли предполагать.

И наконец, в-третьих, наступление в задуманных первоначально масштабах очень затруднялось громадной растяжкой наших коммуникаций.

Темп восстановления железных дорог значительно отставал от темпа наступления войск. Уже к началу Нижне-Силезской операции, 8 февраля, ближайшие станции снабжения оказались удаленными от дивизий первого эшелона на пятьсот километров. Это резко ограничивало нас в боеприпасах и горючем. А возраставшее с каждым днем сопротивление противника требовало все большего и большего расхода их, намного превышая нормы, запланированные перед началом наступления.

Первые симптомы того, что операция будет протекать в усложнившейся для нас обстановке, появились ещё до того, как она началась. Но симптомы — это ещё не вся картина. Окончательную ясность мог внести только наш новый решительный удар по противнику.

А с другой стороны, по тем же первым симптомам было совершенно очевидно, что если мы откажемся от нового удара в ближайшее время, то в будущем нам придется иметь дело с вновь стабилизовавшимся фронтом противника на рубеже Одера, двести пятьдесят—триста километров от южных окраин Берлина.

Обстановка настоятельно повелевала использовать все возможности для того, чтобы опрокинуть врага, ещё не успевшего прийти в себя после наших январских ударов, и на его плечах продвинуться дальше на запад.

Какие же конкретно силы противостояли нам к началу 8 февраля 1945 года? Перед 1-м Украинским фронтом противник имел 16 пехотных, 2 легкопехотные, 1 лыжную, 4 танковые, 2 моторизованные дивизии, 7 боевых групп, 1 танковую бригаду и корпусную группу «Бреслау».

Средняя численность каждой из дивизий не превышала к этому времени пяти тысяч человек. Мы располагали также сведениями о срочном выдвижении в полосу наших действий ряда новых соединений и боевых групп. В частности, с западного фронта осуществлялась переброска 21-й танковой и 18-й моторизованной дивизий врага.

Соответственно перегруппировывались и наши войска. За девять дней, с 29 января по 7 февраля, мы создали на плацдарме севернее Бреслау ударную группировку в составе 3-й гвардейской, 13, 52 и 6-й общевойсковых армий, а также 3-й гвардейской и 4-й танковых армий.

На втором плацдарме (южнее Бреслау) сосредоточились 5-я гвардейская и 21-я армии с двумя приданными им танковыми корпусами.

А на левом крыле фронта должна была действовать третья группировка в составе 59-й армии под командованием Коровникова, 60-й армии под командованием Курочкина и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса Баранова. Ей предстояло наносить удар с плацдарма юго-западнее города Оппельн, вдоль северных склонов Судетских гор. Все четыре общевойсковые армии нашей главной ударной группировки имели оперативное построение в один эшелон.

Чтобы с самого начала увеличить их ударную силу и добиться решительного разгрома противника в первые

же дни операции, я приказал обеим танковым армиям сосредоточиться в затылок за общевойсковыми и прорывать вражескую оборону совместно с 1-м эшелоном, а затем, развивая успех, вырваться вперед и увлечь за собой пехоту.

В данной обстановке я считал такое решение вполне оправданным. Без этого наши утомленные долгими боями и в значительной мере обескровленные стрелковые дивизии не решились бы стоящих перед ними задач, хотя в общем-то на участках прорыва нам удалось создать перевес в силах.

В группировке севернее Бреслау мы имели по сравнению с немцами следующее соотношение: по пехоте — 2,3: 1, по артиллерии — 6,6: 1, по танкам — 5,7: 1. Достаточно внушительным оказалось наше превосходство и южнее Бреслау: по пехоте — 1,7: 1, по артиллерии — 3,3: 1, по танкам — 4: 1. Только у нашей вспомогательной группировки, наступавшей на левом крыле фронта, соотношение сил с противником было почти равным.

Наступление началось в шесть часов утра 8 февраля 1945 года после пятидесятиминутного артиллерийского удара.

Для более длительной артиллерийской подготовки мы не располагали боеприпасами. Однако и при этом, несмотря на скверную погоду, помешавшую работе нашей авиации, главная ударная группировка осуществляла прорыв на фронте восемьдесят километров. Пехота вклинилась в оборону противника на десять — пятнадцать километров, а танковые армии за первые сутки продвинулись вперед от тридцати до шестидесяти километров.

Первый успех был налицо. Но чем дальше, тем труднее становилось его развитие. В последующую неделю, до 15 февраля, армии правого крыла фронта сумели пройти с боями лишь шестьдесят — сто километров. Наступление

протекало в условиях весенней распутицы вдоль дорог. Местность была лесистая, местами болотистая. Гитлеровцы, отходя, упорно сопротивлялись.

Сказывалась и физическая усталость наших солдат. Они проявляли поистине удивительные настойчивость и упорство. Тем не менее среднесуточный темп наступления пехоты составлял теперь всего восемь — двенадцать километров. И большего от нее, по совести, требовать было нельзя.

Войска достигли реки Бобер, форсировали её на ряде участков и завязали бои за расширение захваченных плацдармов. А генералу Д.Д. Лелюшенко удалось прорваться к реке Квейс и переправиться через нее главными силами танковой армии.

К сожалению, наша 13-я армия не использовала открывшихся перед ней возможностей и не устремилась вслед за танкистами. Действуя в данном случае недостаточно энергично, что можно, правда, объяснить крайней усталостью личного состава, армия не дошла до Нейсе, и немцам удалось замкнуть прорванный фронт позади армии Лелюшенко. Бои пехоты приняли здесь затяжной характер, а коммуникации танкистов оказались на несколько суток перерезанными.

Это заставило меня выехать в 13-ю и 4-ю танковую армии. К танкистам я в тот день пробраться так и не смог. Связь с Д.Д. Лелюшенко поддерживалась только по радио. Я остался в армии Н.П. Пухова. Мы вместе постарались исправить сложившееся положение. Самое деятельное участие принял в этом и начальник штаба 13-й армии Г.К. Маландин. Он сам побывал в тех дивизиях, которые никак не могли сломить сопротивление врага на промежуточном рубеже, и помог им организовать наступление. В середине следующих суток ударом войск Н.П. Пухова с фронта

и поворотом армии Д.Д. Лелюшенко навстречу этому удару нам удалось наконец ликвидировать попытку противника отрезать наши части, вырвавшиеся к Нейсе.

Это ещё одно свидетельство того, насколько важно на войне взаимодействие. Нередко ведь бывало так: операция в целом идет вроде бы успешно, танкисты энергично двинулись вперед, но общевойсковые соединения продолжают наступление сами по себе, в своих собственных темпах, и в итоге — нежелательные последствия. А в данном случае последствия могли быть очень серьёзными.

Хорошо, что оба командарма — и Пухов и Лелюшенко — не покривили душой, не прятались от неприятностей сверху, не пытались действовать втихомолку. Как ни было им неприятно, они доложили командованию фронта все с абсолютной правдивостью, и это позволило немедленно принять зависящие от нас меры, в том числе широко использовать авиацию.

Погода исправилась, и наши авиаторы нанесли массированные удары по противнику.

А тем временем на крайнем правом фланге фронта 3-я гвардейская армия Гордова, наступая смело и напористо, окружила значительную группировку врага в крепости Глогау. Блокировала крепость лишь небольшой частью сил (что очень важно и правильно), а главные силы двинула на северо-запад и к 15 февраля тоже вышла к устью реки Бобер.

Таким образом, хоть и с неприятными для нас сюрпризами, но правое крыло фронта пробивалось вперед.

А вот положение наших войск в центре меня все больше беспокоило. Упорное сопротивление немцев в районе крепости Бреслау задерживало дальнейшее продвижение на запад 5-й гвардейской и 21-й армий. Да и 6-я армия генерала В.А. Глуздовского, наступавшая непосредственно на Бреслау и действовавшая сначала очень хорошо, осо-

бенно при прорыве обороны противника, распылила свои силы. Половину их командующий направил на прикрытие правого фланга, а оставшихся было явно недостаточно для выполнения главной задачи. В итоге армия застряла.

Положение усугублялось ещё и тем, что наши лево-фланговые 59-я и 60-я армии не сумели прорвать оборону противника, сосредоточившего против них равные силы, и 10-го числа, по моему приказу, перешли к обороне.

Решение это было правильное и единственно возможное. Нет ничего хуже, как делать вид, что продолжаешь наступление там, где оно уже продолжаться не может, фактически остановилось и требует для своего возобновления новых сил и средств. Однако переход к обороне армий левого крыла фронта, конечно же, поставил в трудное положение армии центра (5-ю гвардейскую и 21-ю). При малейшем продвижении вперед они вынуждены были все более и более оттягивать свой левый фланг.

Почувствовав угрозу, нависшую над Бреслау, гитлеровцы принимали все меры к тому, чтобы не допустить окружения города, непрерывно усиливая бреславскую группировку. Сначала сюда направлялись лишь отдельные части и маршевые пополнения. Затем в район Бреслау противник перебросил с других направлений 19-ю и 8-ю танковые и 254-ю пехотную дивизии.

Начались яростные контратаки. В течение только одного дня 19-я танковая и 254-я пехотная дивизии противника двенадцать раз атаковали боевые порядки 6-й армии группами в пятьдесят — шестьдесят танков и штурмовых орудий.

Тяжко приходилось и 5-й гвардейской армии Жадова. Она все явственнее угрожала бреславской группировке обходом с запада, и перед её фронтом противник тоже усилил сопротивление.

В условиях полной распутицы борьба шла вдоль дорог и за населенные пункты. Чтобы брать с боем опорные пункты, фольварки и каменные фермы, нужен был большой расход тяжелых снарядов. А 5-я армия испытывала в них острый недостаток. Я вынужден был передать ей из фронтового резерва 3-ю гвардейскую дивизию тяжелых реактивных установок, которая своими ударами в известной мере могла возместить ослабление огня тяжелой ствольной артиллерии.

Резервы требовались и для правого крыла фронта, которому каждый шаг вперед тоже давался все с большим трудом. Словом, настал такой момент, когда почти все направления, на которых действовали войска фронта, надо было подкреплять.

Следовало внимательно проанализировать обстановку, взвесить все «за» и «против», чтобы безошибочно определить звено, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь. Таким решающим звеном являлся быстрый разгром бреславской группировки.

Для меня было совершенно очевидно, что, пока мы не замкнем кольцо вокруг Бреслау, три наши армии будут прикованы здесь, образовав дугу чуть ли не в двести километров. Успешное же решение этой задачи сразу открывало возможность быстрого выхода 5-й гвардейской и 21-й армий на уровень правого крыла фронта. А если бы ещё удалось не только быстро окружить, но и быстро взять Бреслау, вся 6-я армия могла быть выведена в резерв фронта и в дальнейшем использована в зависимости от обстановки.

Чтобы покончить с Бреслау, севернее его я ещё больше растянул войска 52-й армии Коротеева, приказав им высвободить в районе Лигница один из стрелковых корпусов 6-й армии, который был брошен навстречу войскам

5-й гвардейской армии. Одновременно 5-я гвардейская, уже имевшая в своем оперативном подчинении 4-й гвардейский танковый корпус, усиливалась ещё 31-м танковым корпусом.

А чтобы смыкавшееся вокруг Бреслау кольцо противник никак не мог разомкнуть ни изнутри, ни снаружи, я решил опять повернуть на 180 градусов с запада на восток действовавшую в составе главной ударной группировки 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко; направить два её корпуса, достигшие к тому времени Бунцлау (того самого Бунцлау, где похоронено сердце Кутузова), на помощь войскам 5-й гвардейской и 6-й армий.

Способность Рыбалко к стремительному маневру мне была хорошо известна по ряду предшествовавших операций, и я был уверен, что за Павлом Семеновичем дело не станет.

В течение 13-го числа танковые и механизированные корпуса, приданные 6-й и 5-й гвардейской армиям, наступая навстречу друг другу, соединились западнее Бреслау.

Пехота этих же армий, используя успех танковых войск, продолжала уплотнять кольцо окружения, создавая сплошной фронт. И тут же подоспели корпуса Рыбалко. Совершив стремительный маневр, они вышли западнее Бреслау прямо во фланг 19-й танковой дивизии противника и с ходу нанесли удар. Это был, пожалуй, самый острый момент окружения. Ведь кольцо только-только замкнулось, и, чтобы обеспечить его непробиваемость с внешней стороны, требовалось прежде всего разбить подходившие резервы немецко-фашистских войск.

О моменте встречи двух армий в тылу окруженных в Бреслау гитлеровцев буквально через несколько часов стало известно всему фронту. Все ждали этого и вздохнули с облегчением.

А тем временем внутри кольца все кипело. Окруженные части гарнизона метались из стороны в сторону в поисках выхода. Иногда они дрались с отчаянием, чаще — сдавались в плен.

На дорогах юго-западнее Бреслау сгрудилось огромное количество машин и повозок с людьми, которые, потеряв надежду отыскать здесь хоть какую-нибудь брешь, катились теперь обратно к городу.

Командующий группой немецко-фашистских армий «Центр» генерал-полковник Шернер тоже пытался в эти дни собрать силы к юго-западу от Бреслау и прорвать наш фронт ударом извне. Но было уже поздно. Бреслау мы окружили надежно, и вопрос теперь заключался только в том, когда и ценой каких жертв нам удастся взять его.

Я решил оставить здесь только 6-ю армию; небольшая к тому времени, она не превышала по своей численности гарнизона Бреслау.

Кстати, гарнизон был не таким уж малочисленным; даже после капитуляции 6 мая в нем было взято в плен сорок тысяч солдат и офицеров. Но у меня была твердая уверенность в том, что 6-я армия не выпустит окруженных в Бреслау фашистов и в конце концов разгромит их. С этой задачей она действительно справилась.

5-я гвардейская армия была выведена из боев за Бреслау и повернута на внешний фронт. На нее возлагалась задача не допустить прорыва противника, бросавшего свежие силы на выручку своей окруженной группировке. Наша разведка отметила появление вблизи Бреслау трех новых вражеских дивизий: 8, 19 и 254-й.

Несколько раньше я с одобрением отозвался о командующем 3-й гвардейской армией В.Н. Гордове, который, окружив крепость Глогау, не стал задерживаться для не-

медленного овладения ею, а блокировал её лишь частью сил и смело двинулся дальше.

В ходе Висло-Одерской операции гитлеровцы поспешно укрепляли свою оборону по Одеру, но, не имея времени и возможности создать несколько сплошных глубоко эшелонированных оборонительных рубежей (таких, какие были у них на Висле), они делали главную ставку на опорные пункты, города-крепости с двойным — внутренним и внешним — обводом. Посаженные там гарнизоны ни при каких обстоятельствах не должны были отдавать эти укрепленные пункты. Под угрозой целой системы карательных мер от них требовалось оставаться в окружении и сражаться до последнего солдата. Таков был прямой приказ Гитлера. И это нельзя рассматривать только как проявление фанатизма.

Враг действовал с расчетом, по определенному плану. Он стремился по мере нашего продвижения вглубь Германии рассредоточить силы, связать как можно больше советских войск осадой больших и малых укрепленных опорных пунктов и этим поскорее заставить нас выдохнуться.

В дни Нижне-Силезской операции мы опять столкнулись с той же тактикой противника и, разумеется, ни в коем случае не имели права поддаться на эту удочку. Бои с бреславской группировкой и так заставили нас растянуть фронт и задержали темп наступления.

Решительный удар по Бреслау как раз для того и был предпринят, чтобы поскорее разрубить трудный узел, высвободить силы, обмануть надежды врага.

Теперь, когда Бреслау окружили, гитлеровцам было выгодно делать вид, что они, собрав силы, могут прорваться к городу. Им хотелось бы заставить нас держать вокруг города большое количество войск, практически исклю-

ченных из активно действующих сил. Но этот нехитрый замысел разгадать было нетрудно.

Оставив вокруг Бреслау только малочисленную 6-ю армию, 1-й Украинский фронт продолжал наносить удар за ударом по немецко-фашистским войскам, оставшимся вне кольца окружения, и упорно продвигался на запад, к Нейсе.

Конечно, на долю солдат и офицеров нашей 6-й армии выпала нелегкая задача. Они держали в течение почти трех месяцев оставшийся у нас в тылу гарнизон Бреслау. Последний удар по Бреслау им пришлось наносить 6 мая, уже после падения Берлина и самоубийства Гитлера. Выполняя свою задачу, 6-я армия позволила остальным силам фронта наступать на запад, не оглядываясь и не задерживаясь.

Каковы же окончательные результаты этого наступления? С 8 по 15 февраля войска правого крыла фронта продвинулись на сто десять километров, вышли на реку Бобер и захватили плацдармы на западном берегу; заняли целый ряд административных и промышленных центров Нижней Силезии, а также провинции Бранденбург, Лигниц, Бунцлау, Зорау и десятки других. 4-я вражеская танковая армия оказалась разбитой, и все, что от нее осталось, поспешно ретировалось за реки Бобер и Квейс. В тылу у нас остались два немецких гарнизона, окруженных в Бреслау и Глогау.

Короче говоря, и за эти восемь дней наступления были достигнуты весьма значительные результаты. Но надо прямо сказать, что они дались нам ценой огромнейших физических и моральных усилий всех участников боев, от солдата до генерала. После непрерывных боев, начавшихся ещё 12 января на Висле и с тех пор ни на один день не прекращавшихся, в стрелковых дивизиях оставалось к 15 февраля в среднем по четыре с половиной тысячи человек. Танковые

и механизированные войска потеряли больше половины машин (правда, не только вследствие боев, но и по техническим причинам — выработались моторесурсы).

Темп восстановления железных дорог по-прежнему отставал от темпа наступления войск. Расстояние от передовых позиций до головных складов и фронтовых баз продолжало увеличиваться. Норма боеприпасов и горючего в войсках, попросту говоря, стала «голодной». Автотранспорт работал с перенапряжением, но в условиях распутицы все равно не мог подвезти полностью все, что требовалось наступающему фронту.

Хочу подчеркнуть, что к тому времени наша военная промышленность способна была дать и давала абсолютно все, в чем мы нуждались. Только невероятная растянутасть коммуникаций не позволяла доставить все это в войска в необходимом количестве.

Неблагоприятные метеорологические условия сильно ограничивали боевую работу нашей авиации. Почти все полевые аэродромы раскисли, вышли из строя; бетонированные взлетные полосы остались глубоко в тылу, а находившиеся тогда на вооружении самолёты работали только на предельном радиусе действия, да и то далеко не все.

Входившая в состав фронта 2-я воздушная армия насчитывала в ту пору две тысячи триста восемьдесят боевых машин, а в течение суток производилось в среднем лишь по пятьсот сорок шесть самолёто-вылетов. При ширине фронта пятьсот двадцать километров она выполняла, в сущности, только задачи разведки.

Левее нас 4-й Украинский фронт по-прежнему не имел успеха. 1-й Белорусский фронт вел ожесточенные бои в Померании, а на стыке с нами, по Одеру, временно перешел к обороне. В этих условиях неприятель получил возможность подбросить в полосу нашего наступления довольно

значительные подкрепления. Соотношение сил с каждым днем менялось в пользу противника.

Все это, вместе взятое, уже на восьмой день операции привело командование фронта к заключению, что в ближайшее время мы не сможем достигнуть целей, намеченных первоначальным нашим планом, и что наступление на Берлин пока невозможно.

В Ставку были доложены соображения о дальнейших действиях с учетом изменившейся обстановки.

Хочу привести некоторые пункты нового плана, переданного 16 февраля в Ставку.

Оценивая сложившуюся обстановку, мы указывали: левое крыло фронта сильно отстало; войска оторвались от баз снабжения на сотни километров, и им с большим напряжением подается «голодная» норма боеприпасов и горючего; войска фронта понесли значительные потери в людях — стрелковая дивизия в среднем насчитывала к этому времени четыре тысячи шестьсот человек, а из трех тысяч шестисот сорока восьми единиц танков и самоходок, имевшихся к 12 января, к началу Висло-Одерской операции осталось в строю всего тысяча двести восемьдесят девять; распутица в условиях лесисто-болотистой местности стесняет маневр танковых войск, и они несут потери; аэродромы раскисли, и авиация используется в крайне ограниченных размерах; противник непрерывно усиливается, подбрасывая резервы с других фронтов, и бои принимают все более упорный характер.

Реально оценивая все эти факты, мы докладывали, что на ближайший период считаем возможным выполнение фронтом следующих задач: для главной группировки войск 1-го Украинского фронта — выход на реку Нейсе, овладение плацдармами на её западном берегу и прочное закрепление на этом рубеже; армии левого крыла фронта после их

усиления должны были отбросить противника в Судетские горы; 6-й армии предстояло овладеть Бреслау.

Одновременно предполагалось восстановить и подтянуть к войскам железные дороги и станции снабжения, подвезти и накопить в войсках боеприпасы и горючее, отремонтировать боевую материальную часть и привести в нормальное состояние весь войсковой тыл.

Документ этот был подписан мною, членом Военного совета фронта К.В. Крайнюковым и начальником штаба фронта В.Д. Соколовским.

Для ясности добавлю, что те задачи, которые мы ставили перед собой как неотложные, намечалось решить наличными силами. А наши просьбы о пополнении войск фронта до полной боевой мощи были связаны с перспективой подготовки к Берлинской операции, которая по-прежнему оставалась у нас впереди. Это было совершенно ясно, и вопрос заключался только в том, какой длины пауза отделит нас от нее и какого рубежа мы должны достигнуть до этой паузы.

План наш Ставка одобрила. Об этом мне сообщил по телефону начальник Генерального штаба А.И. Антонов. Да мы и не ожидали иного. Ведь перед тем на протяжении всей операции и Генеральный штаб, и Ставка все время получали от нас обстоятельную, правдивую информацию. Мы оставались в те дни, по существу, единственным фронтом, который продолжал продвигаться на запад и как магнит притягивал к себе резервы противника.

Несмотря на весь свой наступательный порыв, войска находились на пределе усталости, и планировать что-нибудь сверх предусмотренного документом от 16 февраля было бы совершенно нереально. Как ни горько было нам временно отказаться от целей, которые ставились в первоначальном плане, утвержденном Ставкой в конце января,

мы считали своим долгом смотреть правде в глаза и в изменившейся обстановке сосредоточить внимание на тех задачах, которые на данном этапе действительно можно было решить.

План наш ещё передавался по телеграфу в Москву, а на правом крыле фронта 16 февраля возобновились ожесточенные наступательные бои, особенно упорные в районе городов Губен, Христианштадт, Заган, Зорау, где у противника размещался ряд крупных военных заводов, в том числе подземных.

К этому времени 4-я танковая армия достигла восточного берега Нейсе, хотя и на нешироком участке. Вслед за ней к Нейсе прорвались войска 3-й гвардейской и 52-й армий. Это заставило врага начать поспешный отход за реку Нейсе по всей полосе наступления нашей ударной группировки, от устья реки до города Пенцих.

Нами тотчас же были предприняты попытки с ходу преодолеть водную преграду и завоевать плацдармы на её западном берегу, как это предусматривалось планом. Но тут потребовалось от войск такое напряжение, что пришлось в конце концов отказаться от этого во избежание слишком больших и неоправданных потерь. Несколько захваченных нами маленьких плацдармов сами по себе ничего не решали, и я приказал оставить их и прочно закрепиться на восточном берегу Нейсе.

Наша 4-я танковая армия немедленно была выведена в резерв фронта для приведения в порядок и доукомплектования. Вскоре то же самое мы проделали и с 3-й гвардейской танковой армией. Но этому предшествовал один неприятный для нас эпизод, о котором следует рассказать. Он достаточно хорошо характеризует сложность обстановки и готовность противника воспользоваться любым нашим просчетом, чтобы изменить положение в свою пользу.

После успешного маневра и сокрушительного удара во фланг 19-й немецко-фашистской танковой дивизии П.С. Рыбалко возвратил корпуса в первоначальное положение. По пути в район Бунцлау один из них столкнулся с новой танковой дивизией врага, на этот раз с 8-й. Пока корпус вел бои, командарм, имея задачу выйти к Нейсе и захватить Гёрлиц, решил осуществить смелый двойной охват всей гёрлицкой группировки противника двумя корпусами, оставшимися в его распоряжении.

Такое решение, надо признать, было не из лучших решений Павла Семеновича. Дело в том, что ещё до того 6-й гвардейский танковый корпус уже вел напряженные бои на этом же направлении и не имел успеха. Теперь перед ним вновь ставилась, по существу, та же, задача, но выполнять её приходилось меньшими силами, в ослабленном составе, и, конечно, с ещё меньшими основаниями мы рассчитывали на успех.

Другому же корпусу, 7-му, командующий приказал форсировать реку Квейс и овладеть городом Лаубан.

Хорошо, что Рыбалко вскоре понял свою ошибку и начал перегруппировку сил. Однако к этому времени обстановка в районе успела резко измениться к худшему. Передовые части 7-го танкового корпуса были вынуждены прямо на марше вступать в бои с подошедшими танковыми резервами неприятеля. А остальные части этого корпуса, встретив сильное сопротивление на переправах, так и не смогли форсировать Квейс.

За последующие два дня немцы перебросили сюда свою 8-ю танковую, 408-ю пехотную и 10-ю моторизованную дивизии, вышли на тылы и во фланг нашего 7-го и отчасти 6-го гвардейского танковых корпусов и стали обходить армию Рыбалко с востока. Словом, обстановка создавалась очень напряженная. Только совместными ударами всех

трех корпусов при поддержке войск 52-й армии Коротеева Павлу Семеновичу удалось в конце концов разгромить группировку противника, прорвавшуюся северо-восточнее Лаубана, и отбросить её на юг.

Оказавшись в эти дни на передовом командном пункте у генерала К.А. Коротеева, я имел возможность лично оценить сложность ситуации, возникшей у Рыбалко. Кому-то, а уж мне-то было известно, что к тому времени во многих бригадах 3-й гвардейской танковой армии насчитывалось всего по пятнадцать — двадцать танков.

И все же командарм с честью вышел из этого незавидного положения. Надо отдать ему должное: сначала несколько увлекшись, переоценив свои силы и недооценив противника, он в дальнейшем проявил и трезвый расчет, и завидное хладнокровие, а это в конечном счете и позволило ему сорвать достаточно опасный замысел немцев.

В течение двух-трех дней обстановка была настолько сложной, что вызвала беспокойство и у нас, и даже в Ставке.

В тот день, когда немецко-фашистские части начали выходить на тылы 3-й танковой армии, Сталин позвонил мне и выразил тревогу: «Что у вас там происходит в третьей танковой армии? Где она у вас там находится?»

Я ответил, что армия Рыбалко ведет очень напряженные бои в районе Лаубана, но, считаю, ничего особенного с ней не произошло. Армия воюет в сложной обстановке, но это для танковых войск дело привычное.

Звонок Сталина застал меня на командном пункте 52-й армии, недалеко от Лаубана. Я заверил Верховного Главнокомандующего, что, если обстановка усложнится, мы примем все необходимые меры на месте.

Кризис миновал только к 22-му числу, когда пытавшаяся окружить наших танкистов вражеская группировка

была разбита и отброшена на юг. Но ещё и на следующий день здесь, на Гёрлицком и Лаубанском направлениях, продолжались встречные столкновения наших и немецко-фашистских войск. Они протекали с переменным успехом. Некоторые населенные пункты, высоты и рубежи по нескольку раз переходили из рук в руки.

В те дни это был самый активный участок фронта, хотя в итоге всех ожесточенных боев существенных изменений в положении сторон не произошло.

Подведем некоторые итоги.

Нижне-Силезская операция длилась семнадцать суток, с 8 по 24 февраля 1945 года. Далеко не все в ней сложилось так, как первоначально мыслилось. Противник, понесший тяжелые поражения, сумел в короткий срок закрепиться на Одерском рубеже, привести в порядок свои разбитые войска, подтянуть резервы, организовать управление.

Ни в коем случае нам не следует умалять степень организованности, проявленной гитлеровским командованием в тот критический для него момент. Хотя нужно иметь в виду и другое: сотнями показаний пленных было подтверждено, с какой поистине беспредельной жестокостью, чисто по-фашистски, наводился этот порядок.

Однако крах Третьего рейха надвигался неумолимо. Несмотря на все усиливавшееся сопротивление фашистов и усталость наших войск, несмотря на наши неимоверно растянутые коммуникации, несмотря на то, что за все время операции было только четыре лётных дня и почти вся тяжесть поддержки пехоты пала на артиллерию, которая вдобавок ещё испытывала недостаток в боеприпасах, — несмотря на все это, войска фронта правым крылом прорвали вражескую оборону на Одере, преодолели промежуточные оборонительные рубежи по рекам Бобер, Квейс и вышли на Нейсе.

Именно выход на Нейсе на уровень позиций 1-го Белорусского фронта был главным итогом февральского наступления, который имел большое оперативно-стратегическое значение: войска двух крупнейших фронтов заняли наиболее выгодные рубежи для завершающего удара на Берлинском направлении. Одновременно южным крылом фронт наш угрожающе навис над верхне-силезской группировкой противника, и мы уже прикидывали, как окружить и разгромить ее.

Излагая ход Нижне-Силезской операции, я показал, как в ходе боев мы вынуждены были отказаться от далеко идущих замыслов наступления на Берлин и довольствоваться весьма скромными результатами.

Однако все на свете относительно. По сравнению с нашим гигантским рывком от Вислы до Одера следующий рывок — от Одера до Нейсе — кажется куда более скромным.

Но нельзя забывать при этом по крайней мере двух вещей: во-первых, второй рывок без единого дня передышки совершили те же самые войска, которые только что прошли от Вислы до Одера; во-вторых, за семнадцать дней Нижне-Силезской операции эти войска, находясь на пределе своих физических возможностей, все-таки приблизились ещё на сто — сто пятьдесят километров к Берлину.

Существует мнение (я знаю об этом): может быть, вообще не следовало проводить Нижне-Силезскую операцию, может, целесообразнее было остановиться на Одере, накопить силы и, прорвав оборону немцев, одним махом преодолеть все расстояние, отделявшее 1-й Украинский фронт от Берлина.

Думая об этом, я, в свою очередь, задаю вопрос: а как бы выглядела тогда последняя, завершающая операция войны, Берлинская, если бы мы заранее, ценой огромного напря-

жения и нечеловеческих усилий не выдвинулись бы вперед от Одера к Нейсе? Она далась бы нам с большим трудом, и намного, в конечном счете, отодвинулись бы впоследствии сроки падения Берлина и освобождения Праги.

Высказывалось и такое суждение: уже тогда, в феврале, начать прямое наступление на Берлин. Но итоги и уроки Нижне-Силезской операции начисто опровергают это поверхностное мнение.

Вспоминая эту трудную операцию, я хочу добавить лишь одно — в моей душе навсегда сохранилось чувство глубочайшей благодарности, уважения и преклонения перед солдатами и офицерами, которые, казалось бы, сделав все, что в силах человеческих, при наступлении от Вислы до Одера, все-таки на следующий день с неослабевающим мужеством вступили в новые ожесточенные семнадцатидневные бои, приведшие их на подступы к фашистскому Берлину.

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ПАУЗА

С 24 февраля — дня окончания Нижне-Силезской операции — и до 16 апреля — дня начала Берлинской операции — на 1-м Украинском фронте наступила так называемая пауза. Войска получали пополнение и новую материальную часть, приводился в порядок тыл, восстанавливались железные дороги и аэродромы, подвозились боеприпасы и все необходимое для будущих крупнейших завершающих операций войны.

В масштабах всего фронта полтора месяца между Нижне-Силезской и Берлинской операциями действительно можно считать паузой. Но такое определение очень мало соответствует тому, что происходило в течение этих полутора месяцев на нашем южном крыле.

Я уже говорил, что наступление южного (или левого) крыла фронта, предпринятое в феврале с недостаточными силами, не увенчалось успехом и уже на третий день было приостановлено. Но в результате продвижения центра и правого крыла фронта к Нейсе наш левый фланг оказался ещё больше оттянутым назад и проходил по предгорьям Судетских гор.

Если посмотреть на фронтовую рабочую карту тех дней, возникает любопытная картина: мы нависали с севера над группировкой противника в районе Оппельн — Ратибор, но и он угрожал нам серьёзными неприятностями, так

как имел возможность нанести отсюда фланговый удар в северо-западном направлении с целью деблокирования Бреслау и в случае успеха мог даже попробовать восстановить свою прежнюю линию обороны по Одру.

Мы были уверены, что не позволим врагу превратить эту возможность в действительность.

Однако считались и с тем, что столь выгодное фланговое положение создавало у противника соблазн для удара в направлении Бреслау. А нам это не нравилось.

Но это, пожалуй, не главное. Значительно больше нас беспокоило, что после потери Силезского промышленного района немцы держали против южного крыла нашего фронта довольно внушительную группировку своих войск и в последнее время заметно усиливали ее. Это являлось верным признаком того, что они ещё не оставили мысль отбить у нас «второй Рур».

Такие же опасения возникли и у Сталина. Находясь на Крымской конференции и, очевидно, получая какие-то дополнительные сведения от союзников, он неоднократно звонил мне и настойчиво обращал мое внимание на то, что гитлеровцы собираются нанести нам удар на юге, на Ратиборском направлении, намереваясь вернуть себе Силезский промышленный район. Об этом же предупреждал меня и А.И. Антонов.

Сталин интересовался, кто стоит у меня на левом фланге, какие армии, под чьим командованием (в разговорах с нами он обычно оперировал не номерами армий, а фамилиями командармов).

«Смотрите, — говорил мне Сталин в одном из таких телефонных разговоров, — немцы не примирились с потерей Силезии и могут её у вас отобрать». Я выразил твердую уверенность, что врагу не удастся отбить у нас Силезию, и доложил, как мы усиливаем свое южное крыло, готовясь

провести здесь частную операцию и отбросить противника из района Ратибора.

Сталин предложил представить подробный план действий.

Так возникла Верхне-Силезская наступательная операция. Хотя размах её был сравнительно небольшим, по срокам же она приурочивалась к операциям других фронтов, решавших свои задачи в районе Кенигсберга, в Восточной Померании, Карпатах, Австрии и Венгрии. Отводилось на нее всего полмесяца, между 15 и 31 марта. Целью являлся разгром оппельско-ратиборской группировки немцев и выравнивание фронта, чтобы в будущем мы имели более благоприятные условия для перехода в наступление на главном стратегическом направлении — берлинском. К началу марта перед 1-м Украинским фронтом продолжали действовать войска группы армий «Центр» под командованием генерал-полковника Шернера (я ещё вернусь к нему, когда буду рассказывать о Пражской операции).

По данным нашей разведки, против нас гитлеровцы держали сорок три дивизии. Кроме того, в резерве группы армий «Центр» было ещё семь дивизий и шестьдесят маршевых батальонов. На обращенном в нашу сторону Оппельнском выступе враг имел наиболее плотное оперативное построение: на каждую дивизию приходилось примерно по восемь километров фронта, а всего, по нашим расчетам, он мог сосредоточить здесь до двадцати пяти дивизий. Противник продолжал усиливать Оппельнское направление. В частности, мы не исключали возможности подхода сюда 6-й танковой армии СС (правда, впоследствии оказалось, что немецко-фашистское верховное командование перебрало эту армию со своего западного фронта в Венгрию).

В течение февраля враг несколько раз прорывал наши силы на южном крыле. В ряде пунктов он пытался пере-

ходить к активным действиям, и все это время непрерывно продолжал улучшать свои оборонительные рубежи.

За пять недель немцам удалось кроме укреплений полевого типа и инженерных заграждений на переднем крае создать у себя в тылу довольно прочные узлы сопротивления, подготовить к длительной обороне большинство населенных пунктов и даже отдельные дома. Густая сеть построек позволяла врагу практически перекрывать артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем все, или почти все, разделявшее их пространство. В промежутках между отдельными пунктами были вырыты траншеи, оборудованы запасные огневые позиции. По данным нашей авиаразведки, оборона немцев простиралась здесь в глубину на двадцать — двадцать пять километров.

В этой операции нам предстояло расправиться с очень плотной и заблаговременно подготовленной к обороне группировкой.

Планируя Верхне-Силезскую операцию, мы рассчитывали прежде всего на окружение той части немецко-фашистских войск, которые располагались на самом Опельнском выступе и непосредственно в Опельне. Кстати сказать, этот город ещё со времени прошлых боев остался на линии фронта — половина у нас, половина у противника.

Для достижения намеченной цели нами были созданы две ударные группировки, Северная и Южная. В Северную входил один корпус 5-й гвардейской армии, вся 21-я армия, 4-й гвардейский танковый корпус и 4-я гвардейская танковая армия. Южная, или Ратиборская, группировка состояла из 59-й и 60-й армий, которым из резерва фронта были приданы 93-й стрелковый, 7-й гвардейский механизированный, 31-й танковый корпуса и 152-я отдельная танковая бригада. Помимо всего этого обе группировки получили достаточное артиллерийское усиление.

Сроки подготовки операции были довольно сжатые, но мы сумели организовать все надлежащим образом. Особенное внимание было уделено инженерному обеспечению операции. Мин перед нами оказалось вдоволь. Немцы навалили их всюду, где только можно. В сочетании с весенней распутицей и пересеченной местностью минные заграждения представляли серьёзное препятствие для наступления. А потому и общевойсковые, и танковые соединения были заранее насыщены сапёрами, располагавшими соответствующим инженерным имуществом.

Прорыв обороны противника проходил в трудных условиях, в несколько замедленном темпе. Наша Северная группировка в течение первого дня операции прорвала фронт на участке восемь километров и продвинулась вглубь тоже на восемь километров. Теперь нам казалось это недостаточным. Прошли те времена, когда прорыв за день на глубину восемь километров считался крупным достижением. В Висло-Одерской операции, например, мы уже в первый день прорвали оборону противника на глубину пятнадцать — двадцать километров и вскоре вышли с танками на оперативный простор. После этого, естественно, восьмикилометровое расстояние, преодоленное армиями Гусева и Лелюшенко в самом начале Верхне-Силезской операции, нас уже не устраивало.

В действительности же здесь была своя специфика, и такой подход к оценке действий войск являлся не вполне справедливым. Нашим войскам стоило большого труда пройти эти восемь километров через плотные боевые порядки противника по сильно укреплённой местности, с густой сетью населенных пунктов. Это была хорошая, боевая, заслуживавшая одобрения работа.

Конечно я, как командующий фронтом, был недоволен тем, что пройдено меньше, чем предполагалось, однако

в душе понимал; при таких относительно незначительных темпах продвижения люди отдали все, что было в их силах. Не хотелось даже упрекать Дмитрия Николаевича Гусева, одного из опытнейших и образованнейших командармов, допустившего в начале операции невольный просчет.

Рано утром, когда передовые батальоны 21-й армии начали атаку и, быстро преодолев первую траншею, на ряде участков уже ворвались во вторую, Гусеву показалось, что можно сократить наполовину интенсивность артиллерийского огня. У него создалось впечатление: и при минимальном артиллерийском сопровождении гитлеровцы будут сбиты с занимаемых ими позиций. Командарм решил сэкономить боеприпасы, с которыми у нас все ещё было туго. Он рассчитывал использовать их с большей эффективностью на последующих этапах наступления.

Справедливости ради надо сказать, что для такого решения у командарма были основания. В первый период решение казалось правильным не только ему, но и мне.

Ведь войска 21-й армии довольно легко овладевали вражескими позициями. Но прошло некоторое время, и наступление начало замедляться. Выяснилось, что наша артиллерия подавила далеко не все огневые точки противника, в особенности противотанковые. Многие из них вообще оказались для нас неожиданностью: закопанные танки, самоходки и противотанковые орудия, спрятанные в населенных пунктах. Их было трудно зафиксировать с воздуха, а наземная войсковая разведка за короткий срок подготовки к операции не сумела выявить во всех подробностях систему вражеского огня.

А тут ещё эта попытка сэкономить боеприпасы! За нее мы заплатились не только утратой темпа наступления, но и излишними потерями материальной части 4-й гвар-

дейской танковой армии, взаимодействовавшей с армией Гусева.

Подобные невольные, поначалу отнюдь не очевидные, просчеты на войне случаются время от времени даже с очень опытными военачальниками, обладающими тонким пониманием обстановки и большим боевым опытом. А Дмитрия Николаевича Гусева я всегда считал именно таким военачальником. И коль скоро здесь зашла речь о частной его ошибке, мне хочется хотя бы коротко охарактеризовать в целом личность и деятельность этого незаурядного советского генерала.

Гусев прибыл к нам с Ленинградского фронта. Там он успешно воевал в роли начальника штаба фронта и командовал 21-й армией. У нас, на 1-м Украинском фронте, он начал свою боевую деятельность с Висло-Одерской операции. Его армия очистила от врага всю северную часть Силезского промышленного района. Гусев действовал при этом образцово, очень организованно, умело, приняв близко к сердцу требование сохранить Силезский промышленный район от разрушения.

С такой же основательностью и упорством Гусев действовал и во время Верхне-Силезской операции. Опираясь на свой хорошо подготовленный и сработавшийся штаб, он отлично организовал управление боевыми действиями армии сверху донизу.

По своему характеру это был человек и активный, и неторопливый одновременно, отличался рассудительностью и твердостью, умел трезво взвешивать обстановку в целом, но и не выпускал из поля зрения те особенные, неповторимые частности, которые существенны для той или иной операции или боя. Очень ценил мнение ближайших своих соратников, в особенности члена Военного совета армии Василия Павловича Мжаванадзе.

Я не раз навещался в 21-ю армию, и мне всегда было приятно наблюдать дружную, сплоченную работу Военного совета этой армии.

Добрые отношения установились у Дмитрия Николаевича с командирами корпусов и дивизий. Вместе с ними он прошел длинную боевую дорогу, в каждом был уверен и всегда мог рассчитывать на безусловное выполнение не только буквы, но и духа любого своего приказа.

Нелишне добавить, что этот дружный, сплоченный коллектив, прибыв к нам на фронт, попал в совершенно непривычную для него обстановку. Она отличалась от обстановки Ленинградского фронта неизмеримо большим оперативным простором, широтой и глубиной операции, маневренностью. Но командарм 21, а вместе с ним и подчиненные ему войска очень быстро освоились со всем этим и оказались на высоте положения.

С самого начала нашего знакомства Дмитрий Николаевич пробудил во мне глубокие симпатии. Я и по сей день храню о нем самую светлую память.

Но возвращаясь к рассказу о первом дне Верхне-Силезской операции.

Наши танкисты понесли тогда серьёзные потери не только на северном участке прорыва, но и на южном. Действовавшие вместе с 59-й и 60-й армиями 7-й мехкорпус и 31-й танковый корпус, продвинувшись на десять километров, потеряли: один — четверть, а другой — треть своих танков. Причина была та же, что и на севере, — недостаточная разведка, а в результате — недостаточно мощная обработка артиллерией противотанковой обороны противника. Потери в танках в первый день превзошли наши ожидания, хотя мы и предполагали, что они будут значительными.

Замысел операции сводился к тому, чтобы обе наши группировки, окружавшие немцев, как можно быстрее

соединились и загнали в котел пять немецко-фашистских дивизий, сидевших на Оппельском выступе.

Делая ставку на стремительность соединения обеих группировок, я принял решение пустить танковые войска одновременно с наступающей пехотой.

Не являлось ли это тоже своего рода просчетом? Убежден, что нет. Если бы мы в данном случае пустили вперед одну пехоту, темпы наступления оказались бы ещё более медленными, а наши и без того уже сильно поредевшие стрелковые дивизии понесли бы гораздо большие потери. Не говоря даже о чисто моральной ответственности командующего за излишние людские жертвы, я не имел тогда права идти на риск и по чисто деловым соображениям — в предвидении такой крупной и ответственной операции, как Берлинская.

Да и вообще мне представляется, что в сорок пятом году было недопустимо, в принципе, бросать в наступление пехоту без танков. Это явилось бы шагом назад. К этому времени мы уже привыкли, что современное наступление организуется при самом тесном взаимодействии всех родов войск, причем танкам отводилась на поле боя ведущая роль.

Командующему нередко приходится, даже предвидя трудности, неизбежно идти навстречу им. Ум работает не над тем, как уклониться от этих трудностей, а над тем, как наилучшим образом преодолеть их, не подчиниться им, а подчинить их себе. Иначе на войне нельзя.

То, что наши танкисты понесли значительные потери в первый день Верхне-Силезской операции, было горько, но неизбежно. Это диктовалось острой необходимостью. В сложившихся условиях без танков мы бы вообще не продвинулись ни на шаг.

Анализируя причины, повлекшие тогда за собой повышенную уязвимость наших танковых соединений, не сле-

дует забывать, что именно в Верхней Силезии нам впервые за всю войну довелось встретиться с густым насыщением обороны противника фаустпатронами, методы борьбы с которыми были ещё недостаточно отработаны.

Положение ухудшалось весенней распутицей. Она вынуждала танкистов воевать вдоль дорог и за дороги, прорываться сквозь населенные пункты. А именно там из-за домов и укрытий легче всего было действовать фаустниками.

Так или иначе, хотя и с большими трудностями, в первый день операции прорыв осуществился. Учитывая, что нам ни в коем случае нельзя затягивать дело с окружением оппельнской группировки, я потребовал от командармов не прекращать наступление и ночью.

В ночь на 16 марта были введены в бой вторые эшелоны полков и дивизий. Надо сказать, что мы заранее предвидели такую возможность и подготовили для ночных действий в каждой дивизии по одному усиленному батальону.

Думаю, что ночные действия в этой операции заслуживают особого внимания. В данном случае мы опять-таки сумели заранее разделить реальное от нереального: не задавались целью успешно вести ночной бой всем составом любой дивизии, а отбирали для этого и сводили в специальные батальоны людей, наиболее к тому приспособленных. Эти батальоны, воевавшие только ночью, а с наступлением утра отводившиеся на отдых, сыграли весьма положительную роль. В ночных боях действия их поддерживались главным образом артиллерией прямой наводки. Выделенные для этого орудия ещё засветло выдвигались вперед до самого последнего предела.

В ходе Верхне-Силезской операции ночи вообще были насквозь рабочими. За ночь ремонтники спешили вытащить застрявшие в страшной грязи на разбитых дорогах по-

врежденные танки. Дороги тоже ремонтировались ночью. Под покровом ночи мы продолжали наступление и одновременно устранили у себя в тылу все, что могло помешать дневному наступлению.

15—16 марта противник начал подбрасывать резервы из глубины. Наиболее ожесточенным контратакам подверглась 5-я гвардейская армия, которая отнюдь не решала судьбу окружения оппельнской группировки противника, а только прикрывала наш главный удар с севера. Но гитлеровцы, очевидно, не до конца сумели разобраться в обстановке и упорно били по её левому флангу.

Частично это можно объяснить ещё и тем, что здесь было кратчайшее расстояние от нашего переднего края до Бреслау, и неприятель заблаговременно подготовил группировку для возможного удара по Бреслау.

Мы предугадывали такое развитие событий. Гитлеровские генералы любили контратаковать прорывающиеся войска под основание, под самый корень. А потому на этом направлении у нас специально были поставлены корпуса, отличавшиеся особой стойкостью, — стрелковый Г.В. Бакланова и танковый П.П. Полубоярова. Эти части прошли суровое испытание ещё на Сандомирском плацдарме, и мастерства в отражении контратак им, как говорится, можно было не занимать.

Немцы упорно и безуспешно били по этим двум корпусам, что абсолютно не сказывалось на действиях нашей основной ударной группировки, продолжавшей тем временем все глубже окружать Оппельнский выступ. Днем 18 марта в районе Нойштадта армия Д.Н. Гусева встретилась с армией И.Т. Коровникова. Завершив окружение противника, они вместе с танкистами Д.Д. Лелюшенко тотчас же повернули частью сил на запад и уже к ночи отделили оппельнскую группировку фашистов от их главных

сил двадцатикилометровой полосой. В котле оказались 20-я пехотная дивизия СС, 168-я и 344-я пехотные дивизии, часть сил 18-й моторизованной дивизии СС и несколько отдельных полков и батальонов.

Теперь перед нами стояла задача как можно скорее покончить с окруженной группировкой.

19 марта в шестнадцать часов сорок пять минут, будучи на наблюдательном пункте у Гусева, я подписал очень короткий приказ, рассчитанный на каждого солдата. Пожалуй, есть смысл воспроизвести его полностью:

«Комбатам, комполкам, комдивам 225, 285, 229 и 120-й дивизий 21-й армии. Окруженный противник пытается прорваться в направлении Штейнау. Враг деморализован, прорывается отдельными группами, без техники. Приказываю.

1. До ночи выходящие группы противника уничтожить, пленить. Всем сержантам и офицерам дерзко и смело атаковать врага. Не опозорить войска 21-й армии, 4-й гвардейской танковой и не выпустить врага из окружения.

2. Приказ довести до всех рядовых, сержантов, офицеров всех родов войск».

Почему я отдал такой приказ? Он был подсказан боевой практикой уже минувших операций и отгремевших боев. Я хорошо знал, что такое борьба с противником, угодившим в котел, и по опыту Корсунь-Шевченковского окружения, и по опыту Бродского, и по ряду менее значительных окружений в период Висло-Одерской операции.

Чтобы в кратчайшие сроки и окончательно разгромить окруженную группировку, необходимо каждому воину действительно знать свой маневр в полном смысле этого слова. Доведение любого окружения до его победного финала зависит не только от творческих способностей и воли командиров, но и толкового, инициативного исполнения

командирского замысла всем личным составом роты, батальона, полка, дивизии.

В боях с окруженными войсками особенно много неожиданностей. Противник находится на грани гибели или плена; он настойчиво и изворотливо ищет выхода. И если части, осуществившие окружение, недостаточно подготовлены и плохо информированы, они могут допустить такие оплошности, которые повлекут за собой большую беду — прорыв. Тут каждый должен хорошо ориентироваться в обстановке, быть готовым к любым случайностям и неожиданностям, действовать дерзко и решительно.

Приказ, который я привел, отдавался как раз в тот момент, когда гитлеровцы предприняли первый мощный контрудар с внешней стороны окружения силами только что появившейся здесь танковой дивизии «Герман Геринг». Однако наш 10-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Е.Е. Белова держался стойко и отбил этот натиск.

На следующий день, 20 марта, немцы нанесли новый контрудар с внешней стороны кольца. На этот раз в нем участвовали уже не только части танковой дивизии «Герман Геринг», но и 10-й армейский корпус, 20-я танковая и 45-я пехотная дивизии. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Контратакующего противника организованно встретили три наших корпуса: 118-й стрелковый (21-я армия), 6-й механизированный (4-я гвардейская танковая армия) и 4-й гвардейский танковый (5-я гвардейская армия).

А пока отбивались эти контрудары с внешней стороны кольца, главные силы 21-й армии к вечеру 20 марта, по существу, уже покончили с окруженной группировкой.

По нашим данным, фашисты потеряли только убитыми около тридцати тысяч солдат и офицеров, пятнадцать тысяч человек мы взяли в плен. Не буду перечислять трофеев — их было немало. Достаточно сказать, что в этом райо-

не нам достались семьдесят пять неприятельских складов с боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

Все эти дни я находился в районе боевых действий. Вместе со мной был начальник оперативного управления фронта генерал В.И. Костылев, а также небольшая, но очень работоспособная группа штабных офицеров. Они хорошо помогали мне координировать усилия войск, выполняющих сложные задачи по окружению и ликвидации противника.

Много потрудился в эти дни и член Военного совета фронта генерал-лейтенант К.В. Крайнюков. Он следовал с войсками 59-й армии и поддерживал со мною связь через командный пункт И.Т. Коровникова.

Я вообще считал и считаю, что в решающие моменты, в особенности при частых и резких изменениях в обстановке, командующий фронтом (а равно и армией) непременно должен быть поближе к войскам и на месте принимать необходимые решения. Выезды в войска, иногда короткие, иногда более длительные, смотря по необходимости, никогда не связывались в моем сознании с такими высокими категориями, как личная отвага, а тем более подвиг. Они представляются мне просто-напросто неотъемлемым элементом руководства современными маневренными действиями войск.

...Вслед за уничтожением оппельнской группировки встало на очередь взятие Ратибора — последнего оставшегося в руках у противника крупного опорного пункта и промышленного центра Верхней Силезии. Эта задача была возложена на 60-ю армию генерала П.А. Курочкина. Для решения её армии было придано четыре танковых и механизированных корпуса и сначала одна, а потом две артиллерийские дивизии прорыва.

Я уже говорил о ведении артиллерийского огня прямой наводкой в ночных боях. Но такой огонь мы вели не только ночью, но и днем. Причем на прямую наводку ставились

орудия всех калибров, вплоть до 203-миллиметровых. Последними мы расшибали то, чего не брали другие калибры — метровые каменные стены немецких опорных пунктов. А чтобы не расходовать лишнего количества тяжелых снарядов, артиллеристы стали практиковать так называемую спаренную стрельбу орудиями мелкого и крупного калибра. Мелкими калибрами велась пристрелка, а по пристрелянным целям уже наверняка били тяжелые системы. Так было при окружении и уничтожении оппельнской группировки. То же самое повторилось и в боях за Ратибор.

К 22 марта погода наконец исправилась, и армии, наступавшей на Ратибор и Рыбник, была обеспечена не только артиллерийская, но и мощная авиационная поддержка.

Однако немцы дрались упорно. В первый день наши войска продвинулись всего на восемь километров. В дальнейшем противник ещё более усилил сопротивление, введя в бой переброшенные с других направлений 8-ю и 17-ю танковые дивизии. Наши атакующие части продвигались медленно, шаг за шагом.

Такие темпы наступления нас никак не устраивали, и я на помощь 60-й армии ввел два корпуса 4-й гвардейской танковой. Танкисты должны были нанести дополнительный удар с севера.

Немцы, в свою очередь, перебросили сюда новые танковые соединения. Мы продолжали продвигаться, но по-прежнему крайне медленно. Изо дня в день шли упорные бои за овладение небольшими населенными пунктами, узлами дорог, высотами и высотками. Войска несли небольшие потери. Это, естественно, вызывало чувство неудовлетворенности. Операция протекала явно не в том духе, не в том темпе, не на том уровне, на которые мы вправе были рассчитывать, исходя из собственного опыта, из своего совсем недавнего боевого прошлого.

Но вот 24 марта, после некоторой паузы, левее нас, в полосе 4-го Украинского фронта, возобновила наступление 38-я армия под командованием боевого командарма К.С. Москаленко. Своими решительными действиями она изменила обстановку на левом фланге 60-й армии. Для противника создалась угроза окружения в районе Рыбника и Ратибора. А у нас возникли благоприятные предпосылки для штурма этих городов. 60-я армия взяла Рыбник и одним корпусом переправилась на левый берег Одера южнее Ратибора.

Два дня подряд, 29 и 30 марта, наша авиация наносила непрерывные массированные удары по немецким позициям вокруг Ратибора. Чтобы поскорее овладеть им при минимальных потерях в людях и танках, я приказал сосредоточить здесь ещё одну, только что прибывшую в наше распоряжение, 25-ю артиллерийскую дивизию прорыва и большую часть сил 17-й артиллерийской дивизии прорыва.

После мощной часовой артиллерийской подготовки 15-й и 106-й стрелковые корпуса 60-й армии вместе с танками 4-й гвардейской танковой армии начали решительный штурм Ратибора. Противник не выдержал натиска наших войск и стал отходить в юго-западном направлении.

Ратибор был взят, последний крупный пункт, который мы намечали захватить в Верхне-Силезской операции, дальнейшее наше наступление на этом приостановилось.

Верхне-Силезская операция левого крыла 1-го Украинского фронта, продолжавшаяся шестнадцать суток, была завершена. Она положила конец стремлениям немцев вернуть Силезский промышленный район и прорваться к Бреслау. С 31 марта на 1-м Украинском фронте наступила уже не так называемая, а действительная пауза. В тот день мы ещё не знали, что она продлится всего пятнадцать суток...

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и я. Сталин принял нас, как обычно, в Кремле, в своем большом кабинете с длинным столом и портретами Суворова и Кутузова на стене. Кроме И.В. Сталина присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерального штаба А.И. Антонов и начальник Главного оперативного управления С.М. Штеменко.

Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:

— Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

— Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочел вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Красной Армии. Основная группировка создается под командованием фельдмаршала Монтгомери. Направление главного удара планируется севернее Рура, по кратчайшему пути, который отделяет от Берлина основную группировку английских войск. В телеграмме перечислялся целый ряд предварительных меро-

приятий, которые проводились союзным командованием: создание группировки, стягивание войск. Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше советских войск рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идёт вовсю.

После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников.

— Вон какой вы, — слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: — А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, и вам, по-видимому, придется производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на Берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния.

Выслушав нас, Сталин сказал:

— Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на фронты с уже утвержденными планами на руках. — Верховный Главнокомандующий предупредил,

что Берлин надо взять в кратчайший срок, поэтому время на подготовку операции весьма ограничено.

Мы работали немногим более суток. Все основные соображения, связанные с предстоящей операцией, у Жукова как у командующего 1-м Белорусским фронтом были уже готовы. У меня тоже ко времени вызова в Ставку сложилось представление о том, как перегруппировать войска 1-го Украинского фронта с южного на Берлинское направление и спланировать операцию.

Работали мы в Генштабе над своими планами каждый отдельно, но некоторые возникавшие и требовавшие согласования вопросы обсуждали вместе с руководящими работниками Генштаба. Речь шла, разумеется, не о деталях, а о вещах сугубо принципиальных: об основных направлениях, о планировании операции во времени и о сроке её начала. Срок начала операции нас особенно беспокоил.

Вопрос Сталина, кто будет брать Берлин, телеграмма о том, что у союзников полным ходом идет подготовка к Берлинской операции, подсказывали: сроки готовности к операции надо максимально приблизить. Главная группировка 1-го Белорусского фронта была уже в основном готова и нацелена на противника, а у меня дело пока обстояло сложнее. После только что закончившейся Верхне-Силезской операции значительная часть наших сил все ещё была стянута к левому флангу фронта. Требовались срочные и усиленные переброски.

2 апреля утром мы явились в Ставку с готовыми для доклада планами. Начальник Генерального штаба А.И. Антонов доложил общий план Берлинской операции.

После этого был рассмотрен план 1-го Белорусского фронта. Никаких существенных замечаний Сталин не высказал. Потом я доложил план операции 1-го Украинского фронта; по нему тоже не было особых замечаний.

Очень внимательно обсудили и сроки начала операции. Я, со своей стороны, предлагал срок максимально жесткий для нашего фронта, с учетом того, что нам предстояло совершать большие перегруппировки.

Сталин согласился с этим сроком. Выдвигая свои предложения, я просил Ставку выделить 1-му Украинскому фронту дополнительные резервы для развития операции в глубину. Сталин ответил утвердительно и сказал:

— В связи с тем, что в Прибалтике и Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии за счет прибалтийских фронтов: двадцать восьмую и тридцать первую.

Тут же прикинули, смогут ли армии прийти в распоряжение 1-го Украинского фронта к тому сроку, на который мы установили начало операции. Выходило, что прибыть к этому сроку они не смогут: железные дороги не успеют перевезти.

Тогда я выдвинул предложение начать операцию до подхода этих двух армий имеющимися во фронте наличными силами. Это предложение было принято, и окончательным сроком, согласованным между командующими и утвержденным Ставкой, было установлено 16 апреля.

После утверждения планов зачитали проекты директив Ставки обоим фронтам; проекты были выработаны с нашим участием.

Попутно скажу о практике составления планов и директив, которая сложилась в Ставке. Как правило, командующий фронтом не только докладывал свой план, свои соображения по карте, но и до этого сам со своим штабом готовил и проект директив Ставки.

Исходя из общего стратегического замысла Верховного Главнокомандования, командование фронта полностью

планировало операцию во всех аспектах, связанных с её проведением, особо выделяя при этом вопросы, которые выходили за пределы компетенции фронта и были связаны с необходимой помощью фронту со стороны Ставки Верховного Главнокомандования.

Одновременно готовился и проект директив, в своем первоначальном виде отражавший взгляды самого фронта на проведение предстоящей операции и предполагавший, что фронтом будет получена от Верховного Главнокомандования соответствующая помощь. Количество и характер исправлений и дополнений, вносимых в такой проект директив, зависели от того, как проходило в Ставке обсуждение предложений фронта и насколько близки они были к окончательному решению.

Этот выработавшийся в ходе войны метод планирования, как тогда, так и сейчас, представляется мне разумным и плодотворным.

В директивах фронтам было сформулировано: овладение Берлином возлагается на 1-й Белорусский фронт; 1-й Украинский фронт должен был осуществить разгром противника в районе Котбуса и южнее Берлина. Предполагалось, что, наступая в западном и северо-западном направлениях, не позднее десятого — двенадцатого дня операции мы овладеем рубежом Беелитц — Виттенберг, то есть рядом пунктов южнее и юго-западнее Берлина, и выйдем на Эльбу.

Фронт должен был наносить главный удар силами пяти общевойсковых и двух танковых армий.

На правом крыле фронта, на главном направлении, планировалось создать на участке прорыва плотность не менее двухсот пятидесяти стволов на один километр, для чего фронт усиливался семью артиллерийскими дивизиями прорыва.

В центре силами двух армий нам предстояло нанести удар на Дрезден, также с выходом к Эльбе.

На левом крыле фронт должен был занимать оборону. Левофланговая 60-я армия Курочкина передавалась в состав 4-го Украинского фронта, действовавшего, если можно так выразиться, на чехословацком направлении.

Кроме этих основных, принципиальных решений — о направлении удара, о составе группировок, о плотности артиллерии, — в Ставке больше ничего не обсуждалось. Все, что связано с материально-техническим обеспечением операции, решалось в обычном порядке, без специального обсуждения. К тому же фронт имел все необходимое в достаточном количестве.

В целом задача 1-го Украинского фронта сводилась к следующему: наступая южнее Берлина и содействуя его взятию, рассечь фронт немецко-фашистских войск надвое и соединиться с американцами.

В ходе Берлинской операции дело сложилось так, что армии 1-го Украинского фронта не только содействовали взятию Берлина, но вместе с войсками 1-го Белорусского фронта непосредственно активно участвовали в его штурме.

Возникает вопрос: рисовалась ли в перспективе такая возможность во время утверждения плана Берлинской операции в Ставке, и если рисовалась, то кому и в какой мере?

Мои размышления того времени сводились к следующему.

По первоначальному проекту Берлин должен был брать 1-й Белорусский фронт. Однако правое крыло 1-го Украинского фронта, на котором сосредоточивалась главная ударная группировка, проходило в непосредственной близости от Берлина, южнее его. Кто мог тогда сказать, как будет разворачиваться операция, с какими неожиданностями

ми мы столкнемся на разных направлениях и какие новые решения или коррективы к прежним решениям придется принимать по ходу дела?

Во всяком случае, я уже допускал такое стечение обстоятельств, когда при успешном продвижении войск правого крыла нашего фронта мы можем оказаться в выгодном положении для маневра и удара по Берлину с юга.

Высказывать эти соображения я считал преждевременным, хотя у меня сложилось впечатление, что и Сталин, тоже не говоря об этом заранее, допускал в перспективе такой вариант.

Это впечатление усилилось, когда, утверждая состав группировок и направление ударов, Сталин стал отмечать карандашом по карте разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. В проекте директив эта линия шла через Люббен и далее, несколько южнее Берлина. Ведя эту линию карандашом, Сталин вдруг оборвал её на городе Люббен, находившемся примерно в шестидесяти километрах к юго-востоку от Берлина. Оборвал и дальше не повел. Он ничего не сказал при этом, но, я думаю, и маршал Жуков тоже увидел в этом определенный смысл. Разграничительная линия была оборвана примерно там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов.

Для меня, во всяком случае, остановка разграничительной линии на Люббене означала, что стремительность прорыва, быстрота и маневренность действий на правом крыле нашего фронта могут впоследствии создать обстановку, при которой окажется выгодным наш удар с юга на Берлин.

Был ли в этом обрыве разграничительной линии на Люббене негласный призыв к соревнованию фронтов?

Допускаю такую возможность. Во всяком случае, не исключаю ее. Это тем более можно допустить, если мысленно вернуться назад, к тому времени, и представить себе, чем тогда был для нас Берлин и какое страстное желание испытывали все, от солдата до генерала, увидеть этот город своими глазами, овладеть им силой своего оружия.

Разумеется, это было и моим страстным желанием. Не боюсь в этом признаться и сейчас. Было бы странно изображать себя в последние месяцы войны человеком, лишенным страстей. Напротив, все мы были тогда переполнены ими.

На определении разграничительной линии, собственно говоря, и закончилось планирование операции. Директивы Ставки были утверждены.

Кстати сказать, впоследствии в печати и в некоторых художественных фильмах, поставленных ещё при жизни Сталина, была допущена историческая неточность. В эти дни в Ставку вызвали только нас с Жуковым, а маршал К.К. Рокоссовский, командовавший 2-м Белорусским фронтом, был в Ставке позднее — 6 апреля.

2-й Белорусский фронт участвовал в разгроме берлинской группировки на северном приморском направлении, тем самым активно способствуя захвату Берлина. Однако утверждение части плана Берлинской операции, относившейся к действиям 2-го Белорусского фронта, состоялось на несколько дней позже, уже в наше с Жуковым отсутствие.

...Я вылетел из Москвы на следующее утро после утверждения директив Ставки. Оставшиеся после совещания день и ночь ушли на то, чтобы завершить ряд неотложных дел, связанных с предстоящим наступлением и прежде всего касавшихся авиации, танков, боеприпасов, горючего и многого другого. Кроме того, я был занят ещё

некоторыми проблемами, связанными с предстоящей переброской к нам 31-й и 28-й армий. Внимания к этому требовали и сами масштабы переброски, и большие расстояния передислоцирования.

И маршал Жуков и я — оба спешили и вылетели на фронт из Москвы, с Центрального аэродрома, с двухминутным интервалом. Теперь нам обоим предстояло, каждому на своем фронте, проводить ту часть Берлинской операции, которая была утверждена директивами Ставки.

Погода для полета была неблагоприятная. Над землей висели низкие апрельские туманы. Видимости никакой. Летели всю дорогу слепым полетом. К концу дня, когда уже, казалось, не оставалось надежды добраться засветло, летчик всё-таки пробился сквозь туман и посадил самолёт в районе Бреслау, недалеко от командного пункта фронта.

Когда перед тобой ставится ответственнейшая и трудная задача и ты принимаешься размышлять над тем, как лучше решить ее, конечно, очень важно прежде всего трезво оценить, какие препятствия и трудности встретятся при этом.

Думал об этом и я, вернувшись на фронт. Думал об этом так же, как, наверно, думали и все другие — каждый на своем месте. Напряженно работал штаб фронта.

Цель Берлинской операции заключалась в уничтожении группировки немцев, действовавшей на Берлинском стратегическом направлении. Советским войскам предстояло разгромить группу армий «Висла», основные силы группы армий «Центр», затем взять Берлин и, выйдя на Эльбу, соединиться с союзниками.

Выполнение этих задач, по нашим представлениям, лишило бы Германию возможности дальнейшего организованного сопротивления. Таким образом, конечный

результат операции связывался с победоносным завершением войны в Европе.

Готовясь к проведению этой крупнейшей стратегической операции, следовало учитывать ряд особенностей, и прежде всего вероятную силу сопротивления врага. Гитлеровское командование сосредоточило против советских войск для обороны имперской столицы и подступов к ней крупные силы, подготовило глубоко эшелонированную оборону с целой системой укреплений и всякого рода препятствий и на Одерском рубеже, и на рубеже Шпрее, и на всех подступах к Берлину — с востока, юго-востока, юга и севера.

К тому же характер местности вокруг Берлина создавал немало дополнительных препятствий — леса, болота, множество рек, озер и каналов.

Нельзя было не считаться и с тем обстоятельством, что гитлеровское командование и немецко-фашистское правительство упорно вели политику на раскол антигитлеровской коалиции, а в последнее время прибегали к прямым поискам сепаратных соглашений с нашими союзниками, надеясь в результате этого перебросить свои войска с западного фронта на восточный, против нас.

Как теперь известно из истории, попытки Гитлера и его окружения добиться сепаратных соглашений с нашими союзниками не увенчались успехом. Мы и тогда, в период войны, не хотели верить, что наши союзники могут пойти на какой бы то ни было сговор с немецко-фашистским командованием. Однако в атмосфере того времени, насыщенной не только фактами, но и слухами, мы не вправе были абсолютно исключить и такую возможность.

Это обстоятельство придавало Берлинской операции, я бы сказал, особую остроту. И уж, во всяком случае, нам приходилось считаться с тем, что, встав наконец перед не-

обходимостью испытать до дна горечь военного поражения, фашистские руководители предпочтут сдать Берлин американцам и англичанам, перед ними будут открывать путь, а с нами будут жестоко, до последнего солдата, сражаться.

Планируя предстоящую операцию, мы трезво учитывали эту перспективу. Кстати говоря, потом она на наших глазах превратилась в реальную действительность. Об этом свидетельствовали, например, действия 12-й немецкой армии генерала Венка, которая была просто-напросто снята с участка фронта, занятого ею на западе против союзников, и переброшена против нас для деблокирования Берлина.

Давая показания на Нюрнбергском процессе, фельдмаршал Кейтель был откровенным на этот счет. Он заявил, что уже с сорок четвертого года гитлеровское командование вело войну на затяжку, ибо считало, что события в конце концов сработают в его пользу. Оно рассчитывало на возникновение таких неожиданных ситуаций, которые при военном союзе нескольких государств с разными социальными системами рано или поздно вызовут трения и разногласия в их коалиции. А ими с выгодой можно воспользоваться.

Тогда, в начале апреля сорок пятого года, карты немецко-фашистского командования ещё не были раскрыты. Однако для нас было очевидным, что фашисты сделают все, чтобы заставить советские войска как можно дольше застрять под Берлином.

Политические расчеты гитлеровцев опирались в какой-то мере на чисто военные соображения и надежды. Гитлеровское командование проделало огромнейшую работу по укреплению подступов к Берлину и считало, что наша армия долго не сможет преодолеть все мощные инженерные барьеры, сочетавшиеся с естественными препятствиями и хорошо организованной обороной.

Подступы к Берлину действительно трудные. Взять хотя бы те же Зееловские высоты. Это крайне тяжелый рубеж, даже если мысленно отбросить все то, что понаделала там немецкая военная инженерия. Да и сам Берлин — огромнейший, капитально построенный город, где почти каждый дом, по существу, готовый опорный пункт с кирпичной кладкой стен в метр-полтора. Словом, немецко-фашистским войскам, оборонявшим Берлин, ещё хотелось верить в то, что они нас остановят под Берлином так, как мы их остановили под Москвой. И эту веру всячески подогревала геббельсовская пропаганда.

Итак, мы понимали, что немцы для защиты Берлина ничего не пожалеют и ни перед чем не остановятся, будут оказывать сильнейшее сопротивление. Советское командование сознавало, что Берлинская операция окажется крайне напряженной для нас.

Нам предстояло сломать оборону противника, стоявшего перед 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, северо-восточнее и юго-восточнее Берлина, то есть войска 9-й полевой, а также 3-й и 4-й танковых армий немцев. По ходу операции имелось в виду отрезать 4-ю танковую от 9-й армии, рассечь вражеский фронт на две части так, чтобы лишить неприятеля возможности маневрировать и подавать резервы с юга на север — к Берлину и от него.

Гитлеровцы рассчитывали на затяжку действий. Мы, напротив, стремились к предельной скорости. Продолжительность операции планировалась всего двенадцать — пятнадцать дней, чтобы не дать противнику возможности получить передышку, затянуть операцию или уйти из-под наших ударов.

Так рисовалось будущее, к которому нам предстояло готовиться. А на подготовку оставалось всего двенадцать

суток, в течение которых надо было провести большую и сложную перегруппировку войск.

Читатели, очевидно, заметили, что я стремлюсь свести к минимуму цитирование документов, но, в данном случае, говоря о такой операции, как Берлинская, необходимо сослаться на некоторые документы, чтобы пояснить, как и когда родились соответствующие дополнения к планам 1-го Украинского фронта и какую роль это потом, по ходу операции, сыграло в овладении Берлином.

Вот что говорилось в директиве Ставки Верховного Главнокомандования, подписанной Сталиным и Антоновым 3 апреля 1945 года, 1-му Украинскому фронту.

«Ставка Верховного Главного Командования приказывает:

1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе Котбус и южнее Берлина.

Не позднее 10—12 дня операции овладеть рубежом Беелитц — Виттенберг и далее по реке Эльба до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых армий и двух танковых армий нанести из района Трибель в общем направлении на Шпремберг — Бельциг. На участок прорыва привлечь шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее 250 стволов от 76 миллиметров и выше на один километр фронта прорыва.

3. Для обеспечения главной группировки фронта с юга силами 2-й армии Войска Польского и частью сил пятьдесят второй армии нанести вспомогательный удар из района Кольфурт в общем направлении Бауцен — Дрезден.

4. Танковые армии и общевойсковые армии второго эшелона ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара.

5. На левом крыле фронта перейти к жесткой обороне, обратив особое внимание на Бреславльское направление.

6. Установить 15.IV.45 следующую разграничительную линию с Первым Белорусским фронтом: до Унруштадт — прежняя и далее — озеро Эннсдорфер-Зее, Гросс-Гастрозе, Люббен...

7. Начало операции согласно полученных Вами лично указаний».

То есть 16 апреля 1945 года.

Для сопоставления директивы Ставки 1-му Украинскому фронту с директивой, полученной 1-м Белорусским фронтом, приведу первый пункт из последней.

«Подготовить и провести наступательную операцию с целью овладеть столицей Германии городом Берлин. Не позднее 12—15 дня операции выйти на реку Эльба».

Таким образом, из текста обеих директив следовало, что непосредственный захват немецко-фашистской столицы был возложен на стоявший перед Берлином 1-й Белорусский фронт. Но то, что разграничительная линия между фронтами была сознательно остановлена на городе Люббен и дальше не проводилась, означало — я уже говорил об этом, — что по ходу операции, если того потребует обстановка, в Ставке молчаливо предполагается возможность проявления инициативы фронтов в интересах успеха операции.

Оценивая перспективы предстоящей операции, я считал, что после успешного и стремительного прорыва 1-й Украинский фронт будет иметь более благоприятные условия для широкого маневрирования, чем 1-й Белорусский фронт, наступавший прямо на Берлин.

Когда мы, на основе и в развитие директивы Ставки, более детально планировали предстоящую операцию уже на фронте, то я счел необходимым с самого начала заложить в наш план идею возможности такого маневра. Повторяя в плане первый пункт директивы Ставки: «Не позднее 10—12 дня операции овладеть рубежом Беелитц — Виттенберг и далее по реке Эльба до Дрездена», — я добавил после этого: «Иметь в виду частью сил правого крыла фронта содействовать войскам Первого Белорусского фронта в овладении городом Берлин».

В последующем это дополнение целиком подтвердилось ходом боевых действий, и нам пришлось повернуть на Берлин не часть сил, а несколько армий — 3-ю и 4-ю гвардейские танковые, 28-ю, а также отдельные части 3-й гвардейской и 13-й армий.

В плане фронта задача содействия 1-му Белорусскому фронту в овладении Берлином была поставлена в общей форме. В приказе же, отданном 3-й гвардейской танковой армии, она получила конкретизацию:

«На 5-й день операции овладеть районом Треббин — Цаухвитц, Трёйенбрицен, Луккенвальде... Иметь в виду усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга».

Таким образом, уже перед началом операции один танковый корпус и стрелковая дивизия были специально предназначены для атаки Берлина с юга...

Обрыв разграничительной линии у Люббена как бы намекал, наталкивал на инициативный характер действий вблизи Берлина. Да и как могло быть иначе. Наступая, по существу, вдоль южной окраины Берлина, заведомо оставлять его у себя нетронутым справа на фланге, да ещё в обстановке, когда неизвестно наперед, как все сложится в дальнейшем, казалось странным и непонятным. Решение

же быть готовым к такому удару представлялось ясным, понятным и само собой разумеющимся.

Это нашло отражение в плане операции, по которому армия Рыбалко вводилась в прорыв на правом фланге, на участке 3-й гвардейской армии Гордова. Лелюшенко же должен был войти в прорыв в центре, на участке 5-й гвардейской армии Жадова. Это много южнее Берлина, но если посмотреть по карте, то и 4-я гвардейская танковая армия, которой предстояло овладеть районом Нимец, Виттенберг, Арнсдорф, Денневит, поворачивала на северо-запад, что соответствовало общему замыслу удара главной группировки фронта, имевшей после прорыва тенденцию к повороту на северо-запад.

Так что, в сущности, когда впоследствии перед нами встал вопрос о необходимости поворота танковых армий на Берлин, то практически нам пришлось делать не поворот, а лишь «доворот».

Времени на подготовку операции у нас было в обрез, так что всем нам — и в штабе фронта, и в нижестоящих штабах — работы хватало. Как говорят в народе, некогда было шапку и рукавицы искать.

Мы сознательно пошли на то, что операция должна начаться ещё до полного сосредоточения всех сил, предназначенных для участия в ней. Я имею в виду 28-ю и 31-ю армии, части которых ещё только прибывали в распоряжение нашего фронта, когда на передовой уже шла артиллерийская подготовка.

Прогнозы погоды были более или менее благоприятные, что позволило планировать широкое использование авиации. 2-я воздушная армия генерала С.А. Красовского должна была прикрывать с воздуха сосредоточение войск наших ударных группировок, в особенности танковых армий; массированными ударами содействовать

войскам в форсировании реки Нейсе и прорыве обороны противника на всю тактическую глубину; помочь танковым армиям в быстрейшем преодолении реки Шпрее. (Я очень тревожился, что эта река окажется серьёзной преградой особенно для танковых войск.) Далее, авиация не должна была допустить подхода резервов противника к полю боя со стороны Берлина и Дрездена. А в последние дни — сопровождать действиями истребительной, штурмовой, а в случае необходимости и бомбардировочной авиации танковые армии на всей глубине их продвижения.

И наконец, авиаторам поручено было ещё одно особое дело. В день прорыва мы решили поставить дымы не только перед теми участками фронта, на которых собирались форсировать Нейсе, но и почти по всей линии фронта, чтобы ввести противника в заблуждение. Постановка этих дымов должна была ослепить и наблюдательные пункты, и районы ближайших огневых позиций противника.

Мне пришлось столкнуться с встречающимися в западной печати неверными высказываниями о том, что в первый день Берлинской операции на обоих фронтах — 1-м Белорусском и 1-м Украинском — атака была проведена по единому плану. Это не соответствует действительности. Координация действий обоих фронтов осуществлялась Ставкой, а фронты, как обычно, взаимно обменивались информацией и оперативно-разведывательными сводками. Естественно, что в первый день операции каждый из фронтов избрал собственный метод атаки, исходя из своей оценки обстановки. На 1-м Белорусском фронте было решено проводить мощную артиллерийскую подготовку ночью и атаку при свете прожекторов.

На 1-м Украинском был избран совершенно другой метод. Мы запланировали более длительную, чем у соседа,

артиллерийскую подготовку, рассчитанную на обеспечение форсирования реки Нейсе и прорыва главной полосы обороны противника на противоположном западном берегу. Чтобы форсирование проходило более скрытно, нам совсем невыгодно было освещать полосу прорыва. Напротив, куда выгоднее было удлинить ночь. Всего артиллерийская подготовка должна была длиться два часа тридцать пять минут, из них час сорок давалось на обеспечение форсирования и ещё сорок пять минут — на подготовку атаки уже на западном берегу Нейсе.

За это время мы рассчитывали подавить у немцев всю систему управления и наблюдения, их артиллерийские и минометные позиции. Авиация же, действуя на ещё большую глубину, должна была довершить разгром противника, концентрируя удары по его резервам.

В ночь перед началом наступления я приехал из-под Бреслау в 13-ю армию на наблюдательный пункт генерала Пухова. Наблюдательный пункт — небольшой блиндаж и щель — был расположен на опушке старого соснового бора, ниже его, прямо перед нами, крутой обрыв к реке, за обрывом — Нейсе и тот берег, тоже обозримый на довольно далекое расстояние. В стереотрубу было превосходно видно все, что происходило впереди.

Правда, за удобства такого рода на войне приходится платить. Наблюдение с данного пункта было особенно эффективным, так как он находился близко к противнику, а это, в свою очередь, никак не страховало от ружейного и пулеметного огня с той стороны реки. Но в общем все обошлось благополучно, если не считать одной пули, скользящей по штативу стереотрубы.

Впрочем, этой подробности я тогда в горячке не заметил и прочитал о ней лишь недавно в воспоминаниях покойного Николая Павловича Пухова «Годы испытаний».

К концу первого периода артиллерийской подготовки были поставлены дымы. В полосе, доступной обозрению, дымовая завеса оказалась очень удачной — мощная, хорошей плотности и по высоте как раз такая, как нужно.

Мастерски это сделали летчики-штурмовики! Стремительно пройдя на бреющем, они не «пронесли» ее, а поставили точно на рубеже Нейсе. А надо сказать, что ширина фронта, на котором ставилась дымовая завеса, равнялась ни много ни мало тремстам девяноста километрам. Такой фронт установки завесы в известной мере дезориентировал противника относительно пунктов наших переправ через Нейсе.

Мощная артиллерийская подготовка — и дымы создали для неприятеля большие затруднения в управлении войсками, расстроили их систему огня и ослабили устойчивость обороны. Уже к середине дня из показаний пленных выяснилось, что и отдельные солдаты, и мелкие подразделения немцев довольно своеобразно использовали нашу дымовую завесу: они просто покидали свои позиции и уходили в тыл.

Нашей артиллерийской подготовке дымы не мешали. Огонь велся на основе полной топографической привязки к местности, все основные цели были заранее засечены.

В дальнейшем во время переправы дымы возобновлялись ещё несколько раз. Стоял штиль, скорость ветра — всего полметра в секунду, и дымы медленно ползли в глубину неприятельской обороны, затягивая всю долину реки Нейсе, что нам и требовалось.

С наблюдательного пункта была хорошо видна вся эта картина. На той стороне Нейсе, прямо против нас, стоял молодой, но уже довольно высокий и густой сосновый лес; во многих местах он горел. Мы не были сознательными виновниками этих пожаров, поскольку они для нас являлись

только препятствием. Очевидно, лес загорелся частью от артиллерийских разрывов, частью от ударов авиации.

Некоторые пожары могли произойти и от самой дымовой атаки. Весь лес заволокло тройным дымом — от разрывов, от дымовой завесы и от пожаров. Это скрывало наше продвижение вперед, но и создавало трудности. Воевать в лесу вообще нелегко, а тем более в горящем. Но, как впоследствии показали события, артиллерийская подготовка была проведена настолько эффективно, что нам удалось быстро взломать главную полосу обороны немцев на западном берегу Нейсе и, прорвав ее, пойти вглубь.

Передовые батальоны начали форсировать Нейсе в шесть часов пятьдесят пять минут, после сорокаминутного артиллерийского удара и под прикрытием дымов.

Переправа первого эшелона главных сил была закончена быстро — в течение одного часа. Немедленно после захвата плацдармов на западном берегу Нейсе на всем участке прорыва началась наводка мостов. Передовые батальоны переправлялись на лодках, таща за собой штурмовые мостики. Как только конец такого штурмового мостика закреплялся на противоположном берегу, пехотинцы бегом устремлялись по нему.

Наплавные легкие понтонные мосты были наведены за пятьдесят минут. Мосты для тридцатитонных грузов — через два часа, а для шестидесятитонных — через четыре-пять часов. Последние могли пропустить танки всех типов. Часть полевой артиллерии перетаскивали вброд на канатах одновременно с переправой передовых батальонов.

Через какие-нибудь десять — пятнадцать минут после того, как первые солдаты достигли западного берега Нейсе, туда были перетянуты и первые 85-миллиметровые орудия для стрельбы прямой наводкой по немецким танкам. Это

сразу создало ощущение устойчивости на первых маленьких плацдармах.

Кроме мостов переправа осуществлялась на паромках, перебрасывавших на тот берег первые группы танков для непосредственной поддержки пехоты.

Успеху форсирования Нейсе мы были обязаны энергичной и самоотверженной работе инженерных войск. Велик был их героический труд. Только на главном направлении удара они оборудовали сто тридцать три переправы. В полосе наступления 3-й гвардейской и 13-й армий действовало двадцать мостов, девять паромов, двенадцать пунктов десантных переправ и семнадцать штурмовых мостиков.

Имея в виду, что танковым армиям придется потом, войдя в прорыв, преодолеть ещё ряд рек, я до наступления категорически запретил использовать какие бы то ни было переправочные средства танковых армий при форсировании Нейсе. По нашему плану танковые армии должны были форсировать Нейсе на специально подготовленных для них переправочных средствах, собственные же средства в полном и даже усиленном комплекте использовать при подходе к следующему рубежу — к реке Шпрее. Форсирование Нейсе целиком легло на плечи инженерных войск фронта.

Расчет с самого начала строился на быстрое и глубокое продвижение танковых армий. И эта, если можно так выразиться, дальноточность их удара обеспечивалась все-сторонне.

Прорыв фронта как на главном направлении, так и на дрезденском прошел успешно. В результате ожесточенных боев, форсировав Нейсе, части 3, 5-й гвардейских и 13-й армий прорвали оборону противника на фронте в двадцать девять километров и продвинулись вперед на глубину до тринадцати километров.

Успешно наступала в первый день и наша вспомогательная ударная группировка на Дрезденском направлении — 2-я армия Войска Польского и 52-я армия. Форсировав Нейсе и отбив несколько жестоких контратак противника, они продвинулись на запад на глубину шесть — десять километров.

Войска главной группировки уже в первый день подошли ко второй полосе вражеской обороны и завязали бои за овладение ею. Однако развитие прорыва в этом тяжелом лесистом районе шло с затруднениями. Немецко-фашистские войска почти сразу же начали предпринимать настойчивые, а в некоторых случаях яростные контратаки. Уже в первый день против нас были двинуты не только тактические, но и оперативные резервы противника.

По всему чувствовалось, что именно на этом главном, Нейсенском, рубеже обороны немцы намерены дать нам решающее сражение и попытаться столкнуть нас обратно за Нейсе.

Уже 16 апреля враг, стремясь удержаться и восстановить положение, ввел на главном направлении нашего прорыва несколько танковых дивизий, противотанковую истребительную бригаду и целый ряд других частей.

Мы заранее знали, какое значение придает гитлеровское командование Нейсенскому оборонительному рубежу, и предполагали возможность ожесточенных, в том числе и танковых, контратак в первый же день прорыва. Поэтому вместе со стрелковыми дивизиями переправили через Нейсе и передовые бригады танковых армий. Оставаясь в подчинении у командования соответствующих танковых корпусов и армий, они на первом этапе прорыва воевали вместе с пехотой, придавая ей дополнительную устойчивость во время танковых контратак противника. В то же время это были передовые отряды армий, призванные под-

готовить условия для последующего ввода и развертывания главных танковых сил.

Чтобы у читателя создалось правильное представление о сложившейся обстановке в районе нашего прорыва на второй день наступления, 17 апреля, следует понять сложный характер действий большой массы войск, в том числе танковых, маневрирующих и прорывающихся все дальше и дальше вглубь обороны противника.

Первая полоса немецкого оборонительного рубежа тянулась вдоль реки Нейсе. Она была прорвана утром и днем 16 апреля. В то же время на обоих флангах прорыва ещё продолжались ожесточенные бои. Мы стремились расширить прорыв, немцы контратаковали и бросали навстречу нам свои резервы. К исходу дня наши корпуса первого эшелона ударной группировки уже вели бои на второй оборонительной полосе врага, находившейся примерно на полпути между реками Нейсе и Шпрее.

17 апреля на участке 13-й армии Пухова и на правом фланге 5-й гвардейской армии Жадова была прорвана и вторая полоса обороны немцев. Наши войска устремились вперед, к третьей полосе, к реке Шпрее.

В середине дня бои шли уже в глубине вражеской обороны на всех трех полосах и в промежутках между ними. На первой полосе мы продолжали расширять прорыв. На второй происходили бои за целый ряд ещё не взятых участков. Там, где она была уже прорвана, войска стремительно продвигались вперед, отражая контратаки немцев, стремившихся во что бы то ни стало задержать нас. В то же время передовые части 13-й и 5-й гвардейской армий вместе с танковыми частями, отразив неприятельские контратаки, уже вырвались вперед, к Шпрее.

Нельзя представлять себе эти боевые действия как фронтальные, когда успех одерживается последовательно,

от рубежа к рубежу. В условиях стремительного маневра войска наступали далеко не всюду плечом к плечу, а порой с большими разрывами. Поэтому между первой и второй полосами вражеской обороны, между второй и третьей происходили ожесточенные бои и с отступавшими, и с пытавшимися контратаковать нас немецкими частями. Сложность и запутанность этой обстановки усугублялась тем, что бои проходили в лесистой местности, где продолжали бушевать пожары.

3-я и 4-я танковые гвардейские армии, передовые бригады которых прошли Нейсе ещё утром 16-го, вечером того же дня начали переправляться через реку главными силами, за ночь закончили переправу и 17-го утром, войдя в прорыв в полном составе, смело рванулись вперед, к Шпрее.

Характеризуя неповторимые особенности этой операции, я хочу отметить, что форсирование Нейсе, захват плацдармов на её западном берегу, прорыв первой полосы обороны противника, наступление на вторую полосу и прорыв ее, дальнейшее движение к Шпрее, форсирование её и прорыв третьей полосы немецкой обороны — все это осуществлялось как единый и непрерывный процесс.

Мне, во всяком случае, впервые за время Великой Отечественной войны пришлось без всяких пауз форсировать реку и сразу вслед за этим прорывать оборону противника с хорошо развитой системой огня, инженерных сооружений, укреплений и минных полей; затем прорывать вторую полосу обороны и третью — опять-таки с форсированием реки. Думаю, что этот единый сплошной процесс развития операции заслуживает внимания с точки зрения оперативного искусства.

Боевой подъем в войсках был исключительно высок. Солдатам и офицерам пришлось переносить невероятные трудности. Но силы людей буквально удваивало сознание,

что в результате этого, последнего, огромного физического и морального напряжения мы можем добиться наконец полной победы над врагом. У людей было твердое убеждение, что на этот раз мы поставим точку.

Пора сказать и о противнике. В период прорыва перед нами оборонялась 4-я танковая армия врага. В результате ударов и на основном, и на вспомогательном направлениях она была разорвана на три изолированные части. Одна её группировка оказалась отрезанной на нашем правом фланге, в районе Котбуса (мы потом так и называли её котбусской группировкой). Вторая, в центре, продолжала воевать против нас в лесном массиве района Мускау, а третья тоже была отрезана на левом фланге в районе Гёрлица. Эту группировку мы впоследствии называли гёрлицкой.

Таким образом, вся стройная система обороны противника, предусматривавшая соответствующий порядок ввода резервов, была нарушена. И это было очень важно. Именно такое нарушение целостности вражеской группировки, системы управления ею и есть важное условие успешного развития операции на большую глубину.

Пока что я ещё рассказываю о втором дне наступления — о 17 апреля, — к исходу которого передовые части наших танковых армий подошли к реке Шпрее, а вечером некоторые подразделения 3-й гвардейской вброд переправились через нее. Главные же силы танковых армий преодолели реку в ночь на 18 апреля. Но для того чтобы уже не возвращаться к характеристике действий противника и некоторых итогов этих действий, печальных для него, рассмотрим их в масштабе не двух, а трех первых дней.

В ходе трехдневных боев были разгромлены четыре немецко-фашистские дивизии, стоявшие в обороне на первом рубеже вдоль Нейсе, — 342-я и 545-я пехотные,

615-я особого назначения и моторизованная «Бранденбург». От них, фактически, мало что осталось.

Пытаясь остановить наше наступление, гитлеровское командование с 16 по 18 апреля на второй и третьей полосах обороны ввело в бой из своих резервов шесть танковых, моторизованную и пять пехотных дивизий. Эти данные опровергают мнение некоторых авторов о слабости группировки противника, действующей против войск 1-го Украинского фронта.

Бои были жестокие. Фашисты бросали в контратаки по шестьдесят — семьдесят танков, направляли против нас все, что у них было под руками. И это не удивительно. Мы наносили удар по самому их слабому месту, и они если и не предвидели катастрофы в полном объеме, то, во всяком случае, предчувствовали грозящие им неприятности.

Самые ожесточенные бои, в том числе и танковые, развернулись на второй полосе немецкой обороны и — сразу же после её прорыва — за ней. В этих лесистых местах не было условий для таких массированных действий танковых войск обеих сторон, какие мы видели, например, во время Курской битвы. Но общее насыщение танками и с той и с другой стороны было очень высокое. Средний темп наступления войск фронта в период прорыва всех трех полос Нейсенского оборонительного рубежа оказался несколько ниже запланированного. Но что значит — планировать на войне? Планируем мы одни, а выполняем свои планы, если можно так выразиться, вместе с противником, то есть с учетом его противодействия. Чем дольше идет сражение, тем больше в первоначальные планы вносятся коррективы. Они связаны не только с преодолением всякого рода трудностей и препятствий, в том числе и таких, которые невозможно учесть заранее, но и с поведением противника, и прежде всего с тем, когда, как и в каких масштабах

он вводит оперативные резервы, с которыми надо драться и которые надо разгромить, прежде чем пойти дальше.

Конечно, в ходе сражения хочется выполнить первоначальные планы, в том числе и выдержать запланированный темп наступления. Но при всем том нервном напряжении, в котором я находился в разгар операции, некоторая замедленность темпов нашего наступления не вызывала у меня ощущения неблагополучия или начинающей складываться неудачи. Почему?

Во-первых, потому, что на протяжении трёх первых дней операции вся тридцатикилометровая глубина неприятельской обороны была прорвана силами нашей пехоты и танков первого эшелона общевойсковых армий при поддержке частей первых эшелонов танковых армий. Корпуса вторых эшелонов общевойсковых армий и вторые эшелоны танковых армий Рыбалко и Лелюшенко пока не были введены в бой. В руках командования ещё оставалось несколько свежих стрелковых и механизированных корпусов, то есть огромная сила. Именно это и обеспечило нам успех в дальнейшем, дало возможность, введя свежие силы, свободно маневрировать в оперативной глубине.

Во-вторых, я отдавал себе отчет в том, что резервы врага не безграничны. Получая донесения о появлении новых и новых вражеских пехотных и танковых частей, я все яснее видел, что немцы делают главную ставку именно на них. Но, вводя в бой по частям одну дивизию за другой, они постепенно исчерпывают свои силы в боях с войсками нашего первого эшелона. Громя резервы неприятеля уже на первых двух рубежах, мы получали возможность двинуть вперед свои вторые эшелоны, когда оперативные резервы противника будут перемолоты и разбиты.

Так оно и вышло. Пытаясь во что бы то ни стало удержать нас на второй полосе обороны, немцы потом уже не распола-

гали достаточными силами для третьей полосы обороны, на Шпрее. К концу второго дня третья полоса обороны немцев была проткнута нами с ходу, а на третий день — прорвана на довольно широком фронте, и река Шпрее была форсирована на плечах отходивших разбитых частей противника. Все двенадцать дивизий, которые неприятель двинул против нас из своего резерва, были частью отброшены за Шпрее, а частью оттеснены на правый фланг нашего прорыва — к Котбусу, и на левый фланг — к Шпрембергу.

Надо отметить роль нашей авиации, оказавшей наземным войскам большую помощь в овладении рубежом Шпрее. На второй и третий день наступления погода улучшилась, и авиация работала вовсю, нанося бомбовые удары по основным узлам сопротивления на реке Шпрее и по укрепленным районам на флангах нашего прорыва — по Котбусу и Шпрембергу. Авиация разыскивала в лесах и успешно громила с воздуха танковые группировки противника. За первые три дня наступления было совершено семь тысяч пятьсот семнадцать вылетов, сбито в воздушных боях сто пятьдесят пять немецких самолётов. Урон для гитлеровцев тем более чувствительный, что с авиацией к этому времени у них было уже не густо.

Анализируя впоследствии ход событий в первые дни нашего наступления, я не раз размышлял над тем, почему немцы так поспешно, уже на второй полосе Нейсенского рубежа обороны, ввели в дело свои оперативные резервы, вплоть до некоторых соединений из резервов главного командования. Думаю, что на них психологически действовало то, что Берлин был уже совсем близко. Пространство, где ещё можно было попытаться задержать нас, все сокращалось и сокращалось.

Кроме того, генералы догадывались, чем может закончиться наш успешный прорыв юго-восточнее Берлина.

Их должен был пугать выход такой крупной группировки войск, в том числе танковых армий, на оперативный простор с возможностью маневра на Берлин.

Как бы мы там ни дымили, хотя дыма в начале операции было предостаточно, все же вражеская авиационная разведка не могла не засечь скопления наших танков.

Эта опасность, а также приказ Гитлера во что бы то ни стало удерживать Нейсенский рубеж и толкнули немцев на использование основных оперативных резервов уже на второй полосе обороны. По существу, противник облегчил нам решение дальнейших задач.

Гитлеровские генералы были к этому времени в состоянии психологического надлома, хотя, как мне кажется, с большим трудом улавливали, что кризис налицо и обстановка, по существу, создавалась безнадежная. К тому же их тяжелое положение усугублялось тем, что Гитлер по-прежнему объяснял все неудачи на фронте предательством. В том числе и предательством тех генералов, которые были разгромлены войсками 1-го Украинского фронта на Нейсенском рубеже. Когда ему доложили, что советские войска прорвались в районе Котбуса, это сообщение потрясло его, но он продолжал твердить, что это результат предательства. Хочу отметить, что его генералы на Нейсенском рубеже служили ему до конца верой и правдой и, начиная уже понимать надвигающуюся катастрофу, всё-таки стремились если не предотвратить ее, то хотя бы отодвинуть.

17 апреля я дал приказание, как только позволит обстановка, подготовить передовой наблюдательный пункт недалеко от Шпрее, в районе предполагаемой переправы 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко, и выехал в том же направлении.

К середине дня без особых осложнений добрался до Шпрее. То, что я увидел в пути, не было чем-то особенным

для привычного к войне человека. Конечно, и на войне встретится такое, что хочешь забыть и не забудешь.

Вспомнил, какая страшная картина представилась мне зимним утром 1944 года после завершения Корсунь-Шевченковской операции. Такого большого количества трупов на сравнительно небольшом участке мне не пришлось видеть на войне ни до, ни после этого. Немцы предприняли там безнадежную попытку прорваться ночью из котла, и стоило это им страшных потерь. Кровопролитие не входило в наши планы: я отдал приказ пленить окруженную группировку. Но в связи с тем, что командовавший ею генерал Штеммерман, в свою очередь, отдал приказ пробиться во что бы то ни стало, мы вынуждены были противопоставить силе силу. Немцы шли ночью напролом в густых боевых колоннах. Мы остановили их огнем и танками, которые давили на этом страшном зимнем поле напирющую и, я бы добавил, плохо управляемую в ночных условиях толпу. И танкисты тут неповинны: танк, как известно, плохо видит ночью. Все это происходило в кромешной темноте, в буран. Под утро буран прекратился, и я проехал через поле боя на санях, потому что ни на чем другом передвигаться было невозможно. Несмотря на нашу победу, зрелище было такое тяжёлое, что не хочется вспоминать его во всех подробностях.

По пути же к Шпрее людские потери не сразу бросались в глаза: в лесу не так видно. Гораздо чаще попадалась сгоревшая, разбитая, подбитая, застрявшая в реках и на болотах техника. Все это свидетельствовало о недавнем крупном сражении, в котором и с той и с другой стороны участвовало большое количество танковых и механизированных войск.

Сражение напоминало о себе и непрерывными звуками боя — и впереди, куда я ехал, и слева, и справа, по обеим

сторонам пробитого нами коридора. Ехать вперед можно было беспрепятственно: сапёры, шедшие вместе с передовыми частями, уже расчистили проходы в минных полях и разминировали многочисленные лесные завалы.

Кстати замечу, что личному составу каждой части было разрешено двигаться вперед только по определенному, проложенному для нее маршруту. И войска проявляли разумную дисциплинированность.

Великое дело — опыт войны. Те солдаты, что начали воевать в сорок первом — сорок втором годах под Москвой, в степях Украины, под Сталинградом, теперь подходили к Берлину. Они были достойны славы чудо-богатырей Суворова и даже, пожалуй, превосходили их. Конечно, они не провели на солдатской службе столько лет, сколько это полагалось в суворовские времена, но если учесть, что это были солдаты Красной Армии, верные сыны своего социалистического Отечества, учесть весь их опыт боев за эти три-четыре года, знать все, что они видели и пережили, сосчитать все тяготы и невзгоды, перенесенные ими, то с такими солдатами можно было не только брать Берлин — с ними можно было штурмовать небо.

Вспоминая войну и сравнивая различные её этапы, мы, как мне кажется, подчас недооцениваем дистанцию, пройденную в овладении воинским искусством за период военных лет. На четвертый год войны считалось само собой разумеющимся выполнение таких боевых задач, которые, если их мысленно перенести в первый период войны, считались бы невероятно трудными, стоящими на грани невыполнимого. А обращаясь к началу войны и оценивая соотношение сил, мы в какой-то мере недоучитываем такой важный в тот период для немцев фактор, как их втянутость в войну, их наступательный порыв, сложившийся в результате непрерывных двухлетних побед на полях Европы.

Теперь, в апреле сорок пятого года, мы отбросили эту сильнейшую армию мира почти до Берлина. И все, что предстояло ещё совершить, уже не составляло непреодолимой трудности для нашей армии, зрелой и полной наступательного порыва, решимости раз и навсегда покончить с фашизмом, освободить народы Европы от гитлеровского ига.

Я спешил вперед, к Шпрее, куда выходила 3-я гвардейская танковая армия. Своими глазами хотел увидеть, как начнется переправа. От быстроты переправы танковых армий, а вслед за ними и общевойсковых зависела не только стремительность нашего дальнейшего маневра, но и дальнейшее сопротивление немцев. Чем меньше успеем мы, тем больше успеют они, и наоборот.

Переправу через Шпрее я ни на минуту не выпускал из своего поля зрения. В случае необходимости я собирался использовать и те меры воздействия, и те средства помощи, которыми располагал как командующий фронтом, чтобы войска не задержались на Шпрее ни одного лишнего часа.

Подъехав к реке, я по донесениям разведчиков, да и по непосредственным наблюдениям понял, что дело складывается в общем неплохо. Но поскольку нам пришлось пробиваться сюда с непрерывными боями, предупредить противника не удалось. Гитлеровцы успели посадить по берегу Шпрее кое-какие части и вели огонь, однако чувствовалось, что огонь этот разрознен и недостаточно организован: плотной мощной системы огня перед нами не было. Точнее говоря, пока не было. Подарить немцам время на её организацию было бы с нашей стороны непростительной ошибкой.

Я вызвал к себе Рыбалко, и мы вместе с ним вслед за передовым отрядом подъехали к самой реке. Мне показалось, чуть ниже того места, где мы очутились, по всем приметам, был раньше брод. Рыбалко был того же мнения.

Желание во что бы то ни стало выиграть время продиктовало нам решение: не ждать наводки мостов, попробовать форсировать реку прямо на танках, тем более что они защищены от автоматного и пулеметного огня, который вели немцы с западного берега. Выбрали в передовом отряде лучший экипаж, самый смелый и технически подготовленный, и приказали ему: «Прямо с ходу — вброд — на ту сторону!»

Ширина реки в этом месте была метров сорок — шестьдесят. Танк на наших глазах рванулся на ту сторону и проскочил реку. Оказалось, что здесь её глубина не превышала метра.

Лиха беда начало. Танки пошли на ту сторону один за другим. Огонь врага был подавлен, фашисты отброшены со своих позиций, и через два-три часа (раньше, чем навели первые мосты) несколько передовых танковых бригад были уже на той стороне Шпрее.

К этому времени один из корпусов Рыбалко нашел правее другой брод и тоже переправился через реку полным ходом. 4-я гвардейская танковая армия Лелюшенко, вышедшая к Шпрее южнее и столкнувшаяся там с сильным сопротивлением немцев, повернула сюда и стала форсировать реку, найдя ещё один дополнительный брод.

Мне доложили, что передовой командный пункт уже оборудован в баронском доме, немного позади того места, где мы стояли с Рыбалко и Лелюшенко, наблюдая за переправой. Этот дом был хорошо виден. По нему откуда-то из глубины била неприятельская артиллерия, но очень неточно. Очевидно, немцы запеленговали работу уже развернутой там радиостанции, а может быть, просто вели стрельбу по приметному, отдельно стоявшему в лесу строению.

Я не спешил на передовой командный пункт. Меня привлекало к берегу не только радостное зрелище быстрой

и успешной переправы: уже начал ходить паром, заканчивалась наводка моста. Удерживала на берегу и необходимость поговорить с командующими танковыми армиями, которым после переправы предстоял решительный и глубокий маневр по тылам противника.

Мысленно я видел конец этого маневра на южных и юго-западных окраинах Берлина. Так подсказывала складывавшаяся обстановка. Конечно, отдавать приказ о последующем повороте танковых армий в глубине вражеской обороны на Берлин было преждевременно — для этого ещё не созрели условия, да и падо было получить разрешение Ставки. Но я хотел, чтобы оба командующих танковыми армиями почувствовали мое настроение, ощутили мою уверенность в том, что перед ними в дальнейшем откроется именно такая перспектива.

Мы стояли на берегу Шпрее и обсуждали обстановку. Командармов беспокоили горящие впереди леса. Пожары для танков очень неприятны. Они ограничивают видимость и без того в боевых условиях небольшую, к тому же движение через зону пожаров грозит опасностью подрыва в любой момент. Чего только не навьючено на броне у входящих в глубокий прорыв танков — штурмовые средства для переправ, а у более предусмотрительных — даже дополнительный запас горючего в канистрах или специальных бочках.

Но основным поводом для тревоги были, конечно, не пожары. Главная проблема, остроту которой понимали и командармы и я, состояла в том, что надо было идти вперед, а совсем близко, на флангах, ещё продолжались жаркие бои. Танкисты входили в глубокий прорыв на фронте 13-й армии. Справа же 3-я гвардейская армия Гордова и слева 5-я гвардейская армия Жадова отражали непрерывные ожесточенные контратаки немцев на флангах.

Об этом в основном мы и вели разговор. Независимо от того, будут танки повернуты на северо-запад, на Берлин, или не будут, я так или иначе благословлял их на смелый отрыв от общевойсковых армий на большую оперативную глубину.

Разумеется, у танкистов могли возникнуть вопросы: позвольте, вот вы вводите нас в эту горловину, заставляете идти не оборачиваясь, отрываться, а на обоих флангах коридора идут жестокие бои. Не выйдет ли противник на наши тылы, не перережет ли наши коммуникации?

Надо отдать им должное, оба командарма этих вопросов впрямую мне не задавали. Но командование фронта считало своим долгом сказать, что они могут не беспокоиться. Потому я и оказался со своим передовым наблюдательным пунктом здесь, в самой середине пробитого коридора, чтобы держать и справа и слева угрожаемые фланги нашего прорыва, что называется, на своих плечах. Я даже хлопнул себя по плечам, так сказать, продемонстрировал в натуре, как я буду своим присутствием в центре прорыва распиравать в обе стороны фланги: беспокоиться, мол, не о чем, можете действовать смело, стремительно, на предельную глубину!

Хочу повторить то, что уже говорил раньше о взаимном доверии. И Рыбалко и Лелюшенко, с которыми я провел ряд крупных операций, верили мне как командующему фронтом, а я верил им. Они знали, что я не бросаю слов на ветер, когда говорю, что тылы их армий будут обеспечены, что я сам нахожусь, и буду находиться здесь и приму все меры к тому, чтобы данное мною слово не разошлось с делом.

Вскоре после войны П.С. Рыбалко в своих воспоминаниях «Удар с юга» писал: «Мы шли вперед в то время, как позади нас оставались ещё недобитые немецко-фашистские дивизии. Мы не боялись за наши коммуникации, так как

знали, что высшим командованием приняты все меры для ликвидации этих недобитков. Фланги и тыл в продолжение всей операции были надежно прикрыты». Этими словами П.С. Рыбалко справедливо отдал должное своим соратникам по Берлинской операции, командующим 5, 13 и 3-й общевойсковыми армиями.

Разговор происходил 17 апреля, на второй день наступления. А уже завтра, 18-го, танкисты, в свою очередь, доказали, что их слово тоже не расходится с делом.

К концу 18 апреля танковая армия Рыбалко прошла за Шпрее вперед ещё на тридцать километров, а армия Лелюшенко, встретившая в тот день не столь сильное сопротивление противника, продвинулась на сорок пять километров. И то, что оба командарма, несмотря на всю остроту обстановки, были спокойны за свои тылы, могу сказать по собственному опыту, играло немалую роль в скорости продвижения армий.

Целиком переправилась 18-го числа на ту сторону Шпрее и 13-я армия Пухова. К ней справа примкнули части Гордова, а слева — части Жадова. Попытки противника оказать нам организованное сопротивление на рубеже Шпрее окончательно провалились.

Однако в районе Котбуса, на левом фланге армии Гордова, и в районе Шпремберга, на правом фланге армии Жадова, по-прежнему шли ожесточенные бои. Именно это сильное давление противника на северном и южном флангах нашего ещё сравнительно узкого коридора больше всего и беспокоило меня, заставляло принимать самые решительные меры для разрядки положения.

А сейчас возвращаюсь к событиям, происходившим 17-го числа.

На переправе я пробыл примерно до шести часов вечера. Последний разговор с Рыбалко и Лелюшенко перед их от-

ездом закончился как бы сжатым выводом из всего того, что мы обсуждали: смелее вперед, в оперативную глубину, не оглядывайтесь назад, не ведите с гитлеровцами боёв за их опорные пункты, ни в коем случае не берите их в лоб, обходите, маневрируйте, берегите боевую технику, всё время помните, что вам нужно подойти с запасом неизрасходованных сил к выполнению конечной задачи. Какая это задача, прямо опять-таки не было сказано, но они отлично понимали, что им, очевидно, придётся драться за Берлин.

Уезжая, я оставил обоих в хорошем настроении. Неплохое настроение было и у меня.

Добравшись до замка, я связался по телефону со всеми, с кем ещё надо было поговорить. Управление войсками фронта с самого начала операции осуществлялось бесперебойно, все виды связи работали устойчиво. И тут следует отдать должное генералу Булычеву, начальнику войск связи фронта, показавшему себя в этой операции с самой положительной стороны. Командармы, командиры корпусов, командиры дивизий вместе со своими оперативными группами, как правило, в эти дни управляли войсками с наблюдательных пунктов, вынесенных в боевые порядки войск, и перебоев в связи не испытывали.

Я поговорил со штабом фронта, выслушал доклады нескольких командующих армиями, ещё раз переговорил с танкистами (они сообщили, что успешно продвигаются на запад от Шпрее) и, представив картину всего происходящего, позвонил по ВЧ в Ставку. Доложил И.В. Сталину о ходе наступления фронта, о переправе через Шпрее, о том, что танковые армии начали отрываться от общевойсковых и выдвигаться глубоко вперед в северо-западном направлении.

Какая-то дежурная немецкая батарея продолжала откуда-то издалека все с той же методичностью и с той же

неточностью, что и весь день до этого, стрелять по замку, а я сидел в нем и говорил с Москвой. Слышимость была превосходная.

Надо сказать, что эта связь — ВЧ, — как говорится, нам была богом послана. Она так выручала нас, была настолько устойчива в самых сложных условиях, что надо воздать должное и нашей технике, и нашим связистам, специально обеспечивавшим эту связь и в любой обстановке буквально по пятам сопровождавшим тех, кому было положено пользоваться ею.

Когда я уже заканчивал доклад, Сталин вдруг прервал меня и сказал:

— А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Сказав это, Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

— Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?

Выслушав вопрос Сталина, я доложил свое мнение:

— Товарищ Сталин, это займет много времени и внесет большое замешательство. Перебрасывать в осуществленный нами прорыв танковые войска с 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин.

Сказав это, я уточнил направление, куда будут повернуты танковые армии, и назвал как ориентир Цоссен — городок в двадцати пяти километрах южнее Берлина, известный нам как место пребывания ставки немецко-фашистского генерального штаба.

— Вы по какой карте докладываете? — спросил Сталин.

— По двухсоттысячной.

После короткой паузы, во время которой он, очевидно, искал на карте Цоссен, Сталин ответил:

— Очень хорошо. Вы знаете, что в Цоссене ставка гитлеровского генерального штаба?

— Да, знаю.

— Очень хорошо, — повторил он. — Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

На этом разговор закончился.

В сложившейся обстановке я считал принятое решение единственно правильным.

В условиях, когда 1-й Белорусский фронт, наступая на Берлин с востока, с трудом пробивал глубоко эшелонированную, тщательно подготовленную оборону противника, было бы странным отказаться от столь многообещающего маневра, как удар по Берлину танковыми армиями с юга, через уже осуществленный нами прорыв.

Выдвинутая Сталиным идея ввода танковых армий одного фронта через прорыв, осуществленный другим фронтом, была громоздка, выполнение её затруднительно. Не только из-за потери времени и той сумятицы, которая неизбежно возникла бы в этих обстоятельствах. Танковые армии могли понадобиться — и впоследствии понадобились — самому 1-му Белорусскому фронту после взлома вражеской обороны на другом направлении. Танковые же армии нашего фронта, войдя в прорыв, по существу, уже были готовы к удару на Берлин. Их оставалось только повернуть, или, как я уже говорил, «довернуть» в нужном направлении. Теперь, когда они фактически уже выходили на оперативный простор, такой «доворот» не составлял большого труда, тем более что командование танковых армий было готово к выполнению именно такой задачи.

Еще до начала операции я считал: удар 1-го Белорусского фронта на Берлин будет происходить в очень трудной обстановке и стоить больших усилий. Прорывать оборону противника надо было прямо перед Берлином, в непосредственной близости от него. Этого гитлеровцы больше всего ждали, к этому они больше всего готовились, перед возможностью этого больше всего трепетали и делали со своей стороны все, чтобы этого не случилось.

Наш прорыв происходил сравнительно далеко, к юго-востоку от Берлина. Здесь неприятель держал группировку тоже сильную, но все-таки не такую, как перед Кюстринским плацдармом. Маневр, который мы осуществили танковыми армиями после прорыва обороны, был для противника только одним из возможных вариантов.

Опасность нашего удара по Берлину с юга стала возрастать для немецко-фашистских войск в полном объеме после того, как, осуществив неожиданный для них по стремительности прорыв, мы сразу ввели в него танковые армии.

Это, как я уже говорил, произвело в ставке Гитлера тяжелое впечатление. Но на перегруппировку войск, а тем более на строительство каких-то дополнительных рубежей, которые задержали бы нас между Нейсенским рубежом и внешним обводом Берлина, у врага оставалось слишком мало времени.

И практически получилось так: когда мы, прорвав их оборону с востока на запад, вслед за этим круто повернули на север к Берлину, то перед нашими войсками в целом ряде случаев уже не было новых оборонительных полос. А те, что встречались, были расположены фронтом на восток, и наши части спокойно шли на север мимо них и между ними, но лишь до внешнего обвода, опоясывающего весь Берлин.

Как только Сталин положил трубку, я сразу же позвонил по ВЧ командармам обеих танковых армий и дал им указания, связанные с поворотом армий на Берлин. В более развернутом виде они вошли потом в директиву фронта, которая примерно три часа спустя была отправлена в Ставку и в войска.

Танкистам нельзя было терять времени, пока составлялась, отправлялась и получалась директива; им надо было действовать всю ночь, не теряя ни минуты и не дожидаясь оформления полученных от меня указаний.

После разговора с танковыми начальниками я лично написал эту директиву. Так как она была для войск 1-го Украинского фронта поворотным пунктом в ходе Берлинской операции, я приведу её полностью, в том виде, в каком она была дана в ночь на 18 апреля 1945 года:

«Во исполнение приказа Верховного Главнокомандования приказываю:

1. Командарму 3-й гвардейской танковой армии: в течение ночи с 17 на 18.IV.45 форсировать реку Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южная окраина Берлина. Задача армии в ночь с 20 на 21.IV.45 ворваться в город Берлин с юга.

2. Командарму 4-й танковой. В течение ночи с 17 на 18.IV.45 форсировать реку Шпрее севернее Шпремберг и развивать стремительное наступление в общем направлении Дрепкау, Калау, Дане, Луккенвальде. Задача армии к исходу 20.IV.45 овладеть районом Беелитц, Трёйенбрицен, Луккенвальде. В ночь на 21.IV.45 овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина. При повороте армии на Потсдам район Трёйенбрицен обеспечить 5-м мехкорпусом. Вести разведку в направлении: Зенфтенберг, Финстервальде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперед. Города и крупные населенные пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. Требую твердо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях.

Пункт 3-й приказа довести до сознания командиров корпусов, бригад.

4. Отданных распоряжениях исполнении донести.

Командующий Первым Украинским фронтом Конев.

Член Военного совета фронта Крайнюков.

Начальник штаба Первого Украинского фронта Петров.
№ директивы 00215, 17.IV, подано 18.IV в 2 часа 47 минут».

В ночь на 18 апреля осуществился поворот 3-й и 4-й гвардейских танковых армий 1-го Украинского фронта на Берлин, приведший впоследствии в результате совместных действий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов к окружению всей берлинской группировки гитлеровцев и падению Берлина. Поворот танковых армий 1-го Украинского фронта на Берлин с юга был в моих глазах естественным и закономерным маневром, рассчитанным на то, чтобы громить противника в самом невыгодном для него положении, и в значительной мере неожиданным.

Я верил в успех этого маневра.

18 апреля Рыбалко и Лелюшенко, оторвавшись от Шпрее, продвигались всё дальше к Берлину. 13-я армия Пухова, наступавшая в центре нашей ударной группировки, за этот день переправилась через Шпрее, а справа и слева от нее армии Гордова и Жадова вели ожесточенные бои на обоих флангах нашего прорыва.

Прежде чем говорить о дальнейшем ходе операции, мне хочется именно здесь, после рассказа о маневре танковых

армий, заглянуть в прошлое и проследить, как протекало в ходе войны развитие наших танковых войск и каковы были тенденции и реальные возможности этого развития.

В ходе войны нам, по существу, пришлось создавать свои танковые войска почти заново. Перед войной у нас были механизированные корпуса трехдивизионного состава. По замыслу, они должны были представлять мощную силу (полный штат более семисот танков в каждом корпусе). Но практически в начале войны корпуса оказались в самом невыгодном положении. Новые, современные танки у нас ещё только запускались в производство. Незадолго до войны первые серии этих машин были направлены на частичное укомплектование нескольких механизированных корпусов. Однако освоить их не успели, а старая матчасть — главным образом устарелые легкие танки — находилась в состоянии и физического и морального износа. К тому же несколько механизированных корпусов в ту пору ещё формировались и вообще не были укомплектованы боевой техникой и вооружением.

Ход событий в самом начале войны достаточно известен. В первых сражениях с превосходящими силами противника наши механизированные корпуса потеряли почти всю технику и, что было ещё тяжелее, понесли большой урон в командных кадрах.

Ни для переформирования, ни для развертывания новых корпусов у нас не оказалось необходимых сил и средств, кадров и техники. Достаточно сказать, что в конце сентября 1941 года, перед началом наступления немецко-фашистских войск на Москву, на всем Западном фронте мы располагали лишь сорока пятью современными танками. Весьма характерный факт, проливающий свет на многое, что пришлось нам тогда пережить на фронте.

Летом и осенью 1941 года в условиях жестокой нехватки танков мы, естественно, не занимались воссозданием механизированных корпусов, а формировали отдельные полки, танковые батальоны и постепенно нащупали наиболее правильную организационную форму — танковую бригаду.

Потом, когда у нас появились первые материальные возможности и начали восстанавливаться кадры танкистов, мы на основе танковых бригад стали создавать корпуса трехбригадного состава. В бригаду входило шестьдесят — семьдесят танков, артиллерийский дивизион, мотобатальон. Это сравнительно небольшое и гибкое соединение представлялось нам в то время наиболее целесообразным: позволяло эффективно применять танки на поле боя, четко управлять ими, а также организовывать техническое обеспечение, восстановление и ремонт техники.

Затем, накопив кадры и технику, мы в сорок втором году стали создавать танковые и механизированные корпуса и армии. Танковые армии, как правило, трех-, а в отдельных случаях двухкорпусного состава.

Война есть война, и, разумеется, количество танков в танковой армии или корпусе меняется — и в разные периоды войны, и в разных операциях, да и в ходе самих операций.

Но чтобы читатель мог представить реальное соотношение сил — наших и противника, — он должен иметь в виду вот что: когда говорится, например, что в таком-то сражении, на таком-то участке нашей танковой армии противостоял немецкий танковый корпус, то это совсем не означает трехкратного превосходства наших сил, исходя из схемы «три корпуса против одного». В период своего расцвета, скажем, к 1943 году, полнокровный немецкий танковый корпус из трех дивизий имел около шестисот — семисот

танков, то есть примерно столько же, сколько имела в своем составе наша танковая армия.

Скажу уж, кстати, поскольку заговорил об этом, что соответствующие поправки при сравнении корпуса с корпусом, дивизии с дивизией следует вносить, когда мы ведем речь и о пехоте. Численный состав немецко-фашистской пехотной дивизии на протяжении значительного периода войны соответствовал составу примерно двух наших стрелковых дивизий.

Конечно, в ходе войны это соотношение менялось. После каждого очередного разгрома гитлеровцы с большим трудом восстанавливали свои части. Но ещё в 1944 году, и даже на пороге 1945-го, это соотношение все ещё сохранялось примерно в той же пропорции.

Несколько слов о технике. Подавляющее большинство танков, с которыми мы начинали войну — Т-26, БТ-5, БТ-7, — были быстроходны, но слабо вооружены, с легкой броней; они легко горели и вообще были ненадежны на поле боя. Немецкие средние танки во многом превосходили их по своим боевым качествам. Наши «тридцатьчетверки» даже с 76-миллиметровым орудием, которое они имели вначале, были гораздо лучше тогдашних немецких танков. Но беда в том, что «тридцатьчетверок» перед началом немецко-фашистского наступления на Москву у нас на всем Западном фронте было, как я уже сказал, всего сорок пять штук.

К 1943 году наши танковые соединения уже имели на вооружении не устаревшие БТ, а «тридцатьчетверки», которые показали себя такой грозной силой, что противник вынужден был противопоставить нашим танкам новые типы боевых машин. Так появились «тигры», «фердинанды», «пантеры», а впоследствии и так называемые «королевские тигры».

Новые вражеские танки и самоходки были хорошо вооружены, имели 88-миллиметровую пушку с высокой

начальной скоростью и мощным зарядом. Артиллерийская мощь сочеталась у них с сильной броневой защитой. Уже в первых боях с ними нашим танкам, в том числе и «тридцатьчетверкам», пришлось туго. Для сопровождения и обеспечения их мы стали выдвигать вперед, в боевые порядки пехоты, а также в боевые порядки танковых частей, 122-миллиметровые пушки и 152-миллиметровые пушки-гаубицы; они были способны пробить прочную лобовую броню «тигров» и «фердинандов».

С особым интересом я обычно наблюдал за действиями нашей 122-миллиметровой пушки. Она превосходно расстреливала немецкие танки, тем более что «тигры» и «фердинанды» не обладали высокой маневренностью. Опыт борьбы этих орудий против новых немецких танков подсказал необходимость создания новых мощных танков и самоходок типа СУ-100, ИС и ИСУ, соответственно вооруженных 100- и 122-миллиметровыми пушками и 152-миллиметровой пушкой-гаубицей.

Именно этот наш тяжелый танк и тяжелая самоходка стали впоследствии владычествовать на поле боя. Они были грозой для всех немецких танков и самоходных орудий, в том числе и для появившихся у немцев в 1944 году «королевских тигров».

«Королевские тигры» были ещё более мощными и ещё менее маневренными машинами, чем простые «тигры» с 100-миллиметровым орудием. На Сандомирском плацдарме мы захватили их целый батальон, машин пятнадцать — двадцать, целыми и невредимыми.

Как я уже упоминал, готовясь к Висло-Одерской операции, танковая армия Лелюшенко практиковалась на этих «королевских тиграх», проводила на них, так сказать, всю предоперационную научно-исследовательскую работу.

Говоря же о нашей боевой технике, хочу ещё раз упомянуть добрым словом самый замечательный наш танк Т-34. «Тридцатьчетверка» прошла всю войну, от начала до конца, и не было лучшей боевой машины ни в одной армии. Ни один танк не мог идти с ним в сравнение — ни американский, ни английский, ни немецкий. Его отличали высокая маневренность, компактность конструкции, небольшие габариты, приземистость, которая повышала его неуязвимость и вместе с тем помогала вписываться в местность, маскироваться. К этому следует добавить высокую проходимость, хороший двигатель, неплохую броню. Правда, сначала у Т-34 была недостаточно сильная пушка. Когда же вместо нее поставили новое превосходное 85-миллиметровое орудие, то этот танк поражал все вражеские машины, за исключением «королевского тигра».

До самого конца войны Т-34 оставался непревзойденным. Как мы были благодарны за него нашим уральским и сибирским рабочим, техникам, инженерам! Хочется вспомнить славные имена создателей наших боевых машин: конструктора тяжелых танков Котина и замечательного конструктора «тридцатьчетверок» Морозова...

Но вернемся к Берлинской операции.

Для большей наглядности и ясности изложения событий, которые развертывались в последующие дни, пожалуй, есть смысл прибегнуть к календарю, и сейчас, задним числом, составить своего рода дневник всех этих событий последовательно, по числам.

19 апреля

Армии Рыбалко и Лелюшенко продолжали наступление на Берлин. Рыбалко за этот день продвинулся с боями на тридцать — тридцать пять километров. Лелюшенко

наступал ещё стремительнее и к вечеру продвинулся на пятьдесят километров.

13-я армия Пухова, обеспечив введ в прорыв Лелюшенко и Рыбалко, вслед за ними успешно продвигалась на запад. В центре прорыва её войска глубоко вклинились в расположение немцев. Но на обоих флангах армии по-прежнему висели крупные группировки противника: справа — в районе Котбуса и слева — в районе Шпремберга. Поэтому армии пришлось вести бои одновременно и фронтом на запад, и фронтом на север, и фронтом на юг. Вдобавок были получены данные о том, что в тылу 13-й армии обнаружено передвижение не разгромленных в первые дни группировок противника.

С утра Николай Павлович Пухов выразил мне по этому поводу свое беспокойство.

В середине дня я приехал к нему на наблюдательный пункт. Нарочно проехал как раз по центру его полосы наступления и ни на какие группы противника — ни на крупные, ни на мелкие — не наткнулся. Слухи оказались преувеличенными, и при встрече с Николаем Павловичем мне пришлось намекнуть ему на то, чтобы он поменьше им верил. Начал с того, что отдал должное действиям его армии, которая превосходно выполнила задачу первых трех дней и обеспечила успешное развитие маневра танковых армий; затем пожелал Пухову, чтобы смелое продвижение вперед не вызывало у него беспокойства.

— Помните, что впереди вас уже танковые армии, — сказал я ему. — Вам теперь остается действовать в соответствии с тем стремительным темпом наступления, который они взяли, и обеспечивать их фланги и тыл. А о том, чтобы обеспечить ваши фланги и ваш тыл, позаботимся в свою очередь мы.

Левее Пухова войска 5-й гвардейской армии Жадова с приданным 4-м гвардейским танковым корпусом По-

лубоярова продолжали бои за расширение плацдарма на западном берегу Шпрес и переправляли туда свои главные силы.

В течение 19 апреля войска 5-й гвардейской армии закончили прорыв третьей полосы вражеской обороны на рубеже Шпрее и вместе с частями Пухова к исходу дня окружили шпрембергскую группировку противника.

Но наибольшее мое внимание в этот день, признаюсь, приковывали события на правом фланге — в 3-й гвардейской армии Гордова. Частью сил своего левого фланга, примыкавшего к армии Пухова, она настойчиво продвигалась на запад и северо-запад. В центре же и на правом фланге у Гордова дела складывались не то чтобы неблагоприятно, но трудно. Немецко-фашистские войска беспрестанно атаковали его в районе Форста, а, кроме того, на правом фланге «висела» сильнейшая котбусская группировка.

В итоге он все время шел вперед левым флангом и отставал правым, все больше разворачивался фронтом на север, из-за чего у противника мог возникнуть соблазн ударить под основание прорыва. А силы у противника для этого были. В район Котбуса гитлеровцы стянули несколько танковых дивизий именно с этой целью: попытаться ударом под корень сорвать наступление нашего фронта.

Но хотя положение у Гордова было напряженное, все возможности, чтобы оно не превратилось в критическое, были тоже налицо. Во втором эшелоне у него ещё оставалось два свежих корпуса — стрелковый и танковый. Располагая такими силами, он мог в случае острой необходимости отразить контрудар врага на правом фланге нашего прорыва.

Однако 19 апреля такая необходимость не возникла. Когда в середине дня немцы попытались, наступая из района Котбуса, ликвидировать занятые частями армии Гордова

плацдармы на Шпрее, он справился с их наступлением, не вводя в бой корпуса второго эшелона. На то направление, где вражеские контратаки были особенно жестокими, пришлось перебросить 1-ю гвардейскую артиллерийскую дивизию прорыва под командованием генерал-майора Хусида.

Эта дивизия всегда отличалась высокой маневренностью и боевой стойкостью. И на этот раз она под огнем врага вброд форсировала Шпрее, заняла позиции на западном берегу реки и, не имея никакого специального пехотного прикрытия, лишь примыкая на фланге к стрелковым частям армии Гордова, с блестящим успехом отразила мощным огнем все контратаки противника.

А тем временем Рыбалко и Лелюшенко шли и шли вперед — к Берлину. И в стремительности их действий немалую роль играло то, что они были спокойны за свои тылы.

Если по военной привычке кратко подвести итог за 19 апреля, то можно сказать так: в этот день наши танковые армии и 13-я армия развивали прорыв в оперативную глубину, а 3-я и 5-я гвардейские армии расширяли прорыв в сторону флангов и деятельно готовились к решительной ликвидации угрозы, возникшей на севере и на юге, в районе Котбуса и Шпремберга.

20 апреля

Преодолевая все заранее подготовленные противником рубежи, прорываясь сквозь труднопроходимые леса и болота, которых на подступах к Берлину очень много, войска нашей главной ударной группировки наступали круглые сутки.

Армия Рыбалко 6-м танковым корпусом (командир генерал-майор танковых войск В.А. Митрофанов) захвати-

ла город Барут — важный опорный пункт немцев на подступах к Берлину. В этот же день его танкисты вторглись в глубину так называемого Цоссенского рубежа обороны.

Этот рубеж не только был одним из звеньев большого оборонительного Берлинского кольца — он имел значение сам по себе, и даже значение символическое.

В центре Цоссенского укрепленного района, в глубоких подземных убежищах, уже давно размещалась ставка генерального штаба сухопутных войск германской армии. Здесь задумывались и планировались многие операции, отсюда осуществлялось руководство ими. А теперь наши танкисты по дороге к своей конечной цели, Берлину, вторглись на эти цоссенские позиции, прикрывавшие ставку гитлеровского генерального штаба — «мозга армии», как когда-то, в тридцатые годы, назвал свою книгу о генеральном штабе Шапошников.

Мне самому пришлось побывать в Цоссене лишь к исходу 23 апреля, уже после полного захвата всего этого района. Вряд ли немецкий генеральный штаб, приступая к выполнению «плана Барбаросса», предполагал, что четыре года спустя ему придется в срочном порядке очищать свою подземную штаб-квартиру в Цоссене. А покидали её гитлеровские генералы и штабные офицеры с такой поспешностью, что им удалось затопить и взорвать лишь часть подземных сооружений.

Подземная штаб-квартира была так велика, что ни у Рыбалко, ни у меня не было тогда времени всю её осмотреть. Наши войска, а вместе с ними и наши мысли, были уже далеко за Цоссеном — в Берлине. (Я смог осмотреть все эти сооружения лишь через шестнадцать лет после войны. В 1961 году, как главнокомандующий Группой советских войск в Германии, я вновь прибыл в эти места в связи с событиями 13 августа 1961 года, когда вокруг Западного Бер-

лина устанавливалась граница, обеспечивающая безопасность Германской Демократической Республики и всего социалистического лагеря.)

В течение 20 апреля армия Рыбалко вела бои вокруг Цоссена и одновременно своими передовыми частями шла на север, к Берлину. За эти сутки её части продвинулись на шестьдесят километров.

Армия Лелюшенко, совершая в этот день более сложный маневр, заходя левым плечом на запад и встречая сильное сопротивление противника, особенно в районе Луккенвальде, тем не менее тоже наступала в хорошем темпе и прошла вперед на сорок пять километров.

В ночь на 21 апреля танковая группировка фронта достигла внешнего Берлинского оборонительного обвода, оторвавшись в этот день от общевойсковых армий примерно на тридцать пять километров.

Тем временем на нашем правом фланге армия Гордова, продолжая вести упорнейшие бои с котбусской группировкой, не только отразила сильные контратаки немецко-фашистских войск, но и успела перерезать пути их отхода на запад, прижав противника к болотистой пойме Шпрее.

Гитлеровцы понимали опасность своего положения и все же упорно держались за котбусский узел обороны. Для них было ясно, что с падением этого важного пункта обороны и крупного узла дорог рухнет вся их система обороны на этом участке и обнажится фланг 9-й армии, которая все ещё упорно оборонялась, стоя фронтом на восток: главными силами — против 1-го Белорусского фронта, а частью сил — против нашей правофланговой армии Гордова.

Мы же не могли в данном случае ограничиться окружением котбусского узла. Слишком чувствительно нарушал

этот узел всю работу наших тылов. Пока он не был взят, нам приходилось обходить его проселочными дорогами, с большим трудом организуя подвоз и горючего и боеприпасов, в особенности для танковых армий.

В этот день я поехал к Гордову и провел, как говорится, «воспитательную работу». Моей целью было укрепить решимость командования 3-й гвардейской армии как можно скорее покончить с котбусской группировкой.

Общая атака на котбусский узел была намечена на следующий день, причем предполагалось помочь Гордову крупными силами авиации и артиллерии.

На остальных участках нашего фронта в этот день дело обстояло таким образом. 13-я армия Пухова силами двух корпусов продолжала наступать на запад вслед за танковыми армиями и прошла к вечеру тридцать километров. 5-я гвардейская армия Жадова тоже частью сил продвигалась на запад, а частью сил во взаимодействии с левым флангом 13-й армии громила окруженную шпрембергскую группировку врага.

Мы хотели до наступления ночи кончить со шпрембергским узлом, столь же неприятным для нас на левом фланге, как котбусский на правом. Для разгрома шпрембергского узла была создана сильнейшая артиллерийская группировка из четырех артиллерийских дивизий прорыва плюс мощная армейская артиллерия. В общей сложности по Шпрембергу должны были вести огонь тысяча сто десять орудий и сто сорок гвардейских минометных установок.

Погода в этот день не особенно благоприятствовала нам, но тем не менее мы ударили по шпрембергскому узлу не только артиллерией, но и авиацией, совершившей за день более тысячи двухсот самолёто-вылетов. И когда в одиннадцать часов утра после артиллерийской подготов-

ки 33-й гвардейский стрелковый корпус Лебеденко пошел на штурм, он не только овладел самим Шпрембергом, но и продвинулся за него на пять-шесть километров.

Одновременно 32-й гвардейский стрелковый корпус армии Жадова и 4-й гвардейский танковый корпус продвинулись на запад на двадцать километров.

Однако 34-му гвардейскому стрелковому корпусу, обеспечивавшему наступление 5-й гвардейской армии и находившемуся на её левом фланге, пришлось растянуться на шестьдесят километров. Этот корпус продолжал поддерживать тесную связь со 2-й армией Войска Польского и с нашей 52-й армией Коротеева, действовавшими на Дрезденском направлении.

В этот день на фронте армии Жадова сложилось очень интересное оперативное положение. Один его корпус шёл вглубь, развивая наступление, другой успешно штурмовал крупный укрепленный узел, третий вынужден был растягиваться на широком фронте, обеспечивающем эту операцию.

Говоря об этом, хочу подчеркнуть, что именно тогда действия войск фронта приобрели резко маневренный характер не только в острие прорыва — там, где танкисты подходили к Берлину, — но и на флангах главной ударной группировки фронта.

Оценивая же разгром шпрембергского узла, следует особо отметить не только сложность организации этого боя, но и те возможности, которыми к этому времени располагали войска фронта для быстрого сокрушения препятствий, встречаемых в ходе выполнения задачи. У нас были достаточно мощные и современные средства, позволившие в самый короткий срок и без помех для продолжающегося наступления основных сил ударной группировки фронта разделаться с такими опорными пунктами, как Шпрем-

берг, и тем самым расчистить себе дальнейший путь для выполнения общих задач операции.

Однако мало располагать мощными средствами борьбы. Надо уметь правильно использовать их. Как раз с этой самой важной задачей, не могу не отметить это, успешно справились командующий 5-й армией генерал-полковник Жадов, его штаб во главе с генералом Ляминым и командующий артиллерией армии генерал Полуэктов.

Вспоминая о действиях артиллеристов под Шпрембергом, не могу не рассказать о таком эпизоде.

На одном из участков нашего наступления, там, где вражеские танки продолжали свои попытки контратаковать, командир артиллерийского корпуса прорыва генерал Корольков проводил дополнительную мощную артиллерийскую подготовку. Условия для наблюдения у него были неважные: лесистая равнина, ни одной подходящей высоты, на которой можно бы удобно развернуть наблюдательный пункт. Но зато ему попался завод. Уже не помню, какой завод, — не в том суть. И вот генерал Корольков в азарте боя, чтобы лучше управлять всей артиллерийской машиной, забрался на самую макушку единственной на всю окрестность высокой фабричной трубы.

Я подъехал к его наблюдательному пункту как раз тогда, когда он находился в полной недосыгаемости: сидел с телефоном на верхушке трубы, а центр управления огнем разместил внизу, под трубой.

Когда Корольков, слегка запыхавшись, слез с трубы, я не сдержался и спросил, как ему удалось туда забраться. Он пожал плечами и сказал: «Товарищ маршал, обстановка принудит — петухом запоешь».

Вслух, разумеется, я выразил неодобрение по поводу его пребывания на трубе, даже отругал. И формально был, конечно, прав, но в душе я восхищался этим командиром.

Когда все достоинства командира сводятся лишь к тому, что он готов куда угодно залезть и где угодно показать храбрость, но при этом ни управлять подчиненными, ни руководить боем по-настоящему не умеет, — это беда.

Однако признаюсь, если образованный, превосходно знающий свое дело командир непременно хочет видеть обстоятельства боя своими глазами, сам оценить подробности происходящего и ради этого, в интересах дела, готов забраться хоть на фабричную трубу, — я питаю уважение к таким командирам. А к их числу и принадлежал один из самых талантливых артиллеристов нашего фронта генерал Корольков.

Если говорить о действиях нашей главной ударной группировки 20 апреля, то в итоге их мы глубоко вклинились в расположение противника и на исходе дня полностью отсекли немецкую группу армий «Висла» от группы армий «Центр». Фронт немцев был в этот день фактически рассечен на две части. Левый фланг группы армий «Висла» оказался отброшенным на север и развалился под ударами наших танковых армий. Правый фланг группы армий «Центр», соответственно, был отброшен на юг.

Немецко-фашистское командование все ещё продолжало называть свою оборонявшую Берлинское направление группу армий «Висла», хотя название это сейчас, после всего происшедшего, звучало уже смешно.

Чтобы дополнить нарисованную картину, приведу свидетельство одного из офицеров генерального штаба германской армии, опубликованное в четвертом томе военного дневника верховного главнокомандования германских вооруженных сил. Вот что писал этот офицер, фамилия которого при публикации дневника не была названа:

«Когда в ночь с 20 на 21 апреля я докладывал Гитлеру о прорыве советских войск в районе Котбуса, который привел к крушению восточного фронта и к окружению Берлина, я на-

ходилась с ним — это был единственный раз — один на один. За несколько часов до этого Гитлер принял решение перенести свою ставку, штаб верховного главнокомандования, а также генеральные штабы сухопутной армии и военно-воздушных сил в так называемую Альпийскую крепость, то есть в район Берхтесгадена и южнее. Гитлер внимательно слушал полное трагизма донесение, но снова не нашел иного объяснения успеху советских войск, кроме слова “предательство”. Учítывая, что при этом не было свидетелей, я набрался храбрости и задал Гитлеру вопрос: “Мой фюрер, вы так много говорите о предательстве военного командования, верите ли вы, что действительно совершается так много предательств?” Гитлер бросил на меня нечто вроде сочувствующего взгляда, выражая тем самым, что только дурак может задать такой глупый вопрос, и сказал: “Все неуспехи на Востоке объясняются только предательством”. У меня было такое впечатление, что Гитлер твердо в этом убежден».

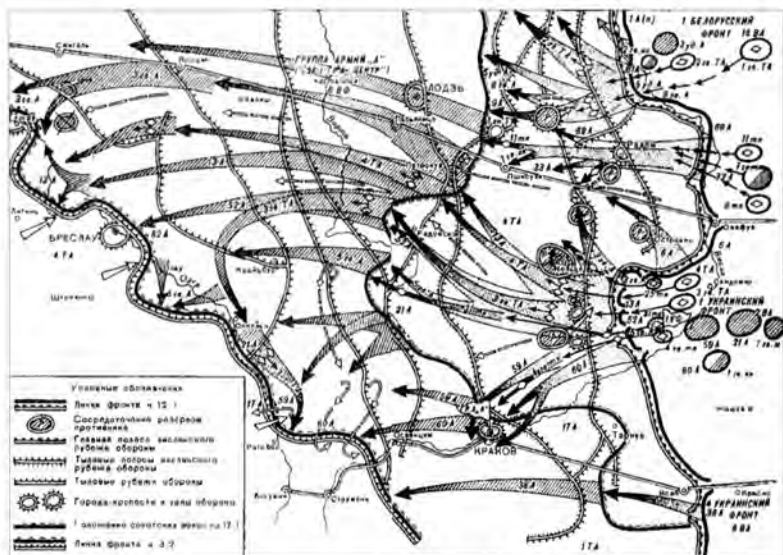
Так в ночь на 21 апреля оценивала обстановку ставка Гитлера. К этому следует добавить, что один на один с Гитлером автор записок остался, собственно, потому, что, по его словам, все, кто находились в имперской канцелярии, были заняты упаковкой и погрузкой багажа для переправки его в новую ставку — в Альпы.

Угроза окружения Берлина становилась вполне реальной. Хотя Гитлер в эти дни кружным путем ещё мог пробраться в Берхтесгаден, но уж руководить оттуда действиями всей немецко-фашистской берлинской группировки, поставленной нашими войсками под угрозу окружения и разгрома, был бессилен.

Видимо, именно это неожиданное для Гитлера развитие событий, сокрушившее его недавние надежды на затяжку войны, и привело в конечном итоге к тому, что он остался в Берлине.

Маршал Советского Союза И.С. Конев

Висла-Одерская операция. 1945 г.

*Артиллерийский расчет лейтенанта Кузнецова
у стен Королевского замка в Кракове*

Советские танкисты на улицах Гливице в день его освобождения

Нижне-Силезская и Верхне-Силезская операции, 1945 г.

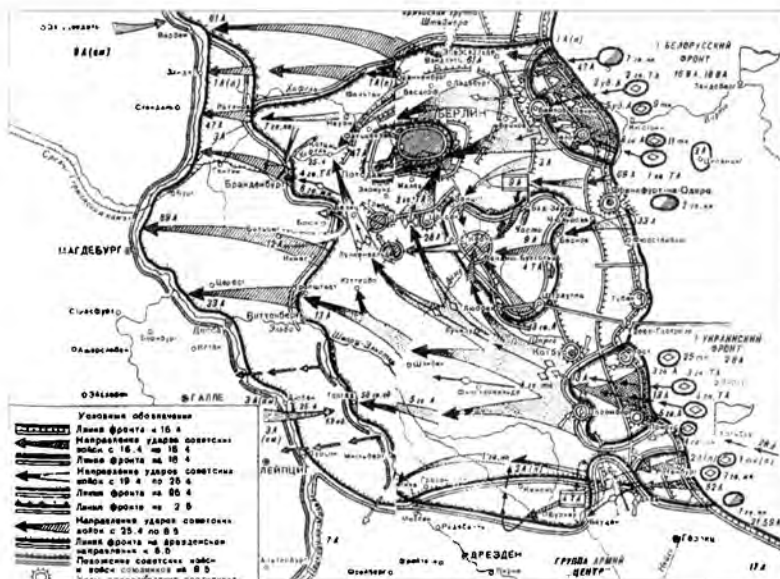
*Маршал Советского Союза И.С. Конев и генерал-полковник
К.С. Москаленко на командном пункте в Карпатах. 1945 г.*

*Маршал Советского Союза И.С. Конев вручает награду младшему
лейтенанту М.С. Герасименко, 1-й Украинский фронт. 1945 г.*

На командном пункте у Н.П. Пухова во время Берлинской операции

Берлинская операция. 1945 г.

Берлин взят. Май 1945 г.

И.С. Копев и американский генерал О. Брэдли. Май 1945 г.

Общий замысел Пражской операции 1945 г.

В боях за Прагу. Май 1945 г.

Встреча И.С. Конева жителями Праги

Парад в Пражском Граде. 1945 г. Посол СССР В. Зорин, маршал танковых войск Р.С. Рыбалко, маршал Р.Я. Малиновский, маршал И.С. Конев, генерал дивизии (Чехословакия) Л. Свобода

Картина дня была бы неполной, если бы я не сказал о трудностях, которые именно в этот день, 20 апреля, особенно явственно обнаружились на втором оперативном направлении нашего наступления — на дрезденском.

В центре этого направления дела шли неплохо — наши войска продвигались на запад. Но на фланге, в районе Гёрлица, противник, усилив в предыдущие дни свою группировку, перешел в яростные контратаки на фронте 52-й армии Коротеева и на левом фланге 2-й армии Войска Польского генерала Сверчевского.

20 апреля в результате этих контратак немцам удалось остановить продвижение 52-й армии, несколько потеснить к северу части 2-й армии Войска Польского и выйти на её тылы. Словом, положение, сложившееся здесь, требовало внимания со стороны командования фронта. По моему указанию в 52-ю армию и во 2-ю армию Войска Польского выехал начальник штаба фронта генерал армии Иван Ефимович Петров.

Обдумывая необходимые меры, я дал в этот день предварительную ориентировку штабу фронта, а командарму-5 Жадову намекнул, что ему придется внимательнее следить за своим левым флангом и кое-что приберечь про запас. Генералу Коротееву выразил неудовольствие тем, что, по полученным сведениям, перед одним из его корпусов, находившимся в обороне на второстепенном направлении, гитлеровцы уже начали снимать войска и перебрасывать их для нанесения нам контрударов в другом месте. Сообщив об этом Коротееву, я приказал ему перебросить этот корпус на усиление своей главной группировки.

В заключение следует отметить, что 20 апреля активно действовал 1-й кавалерийский корпус генерала Баранова, наступавший в общем направлении на Оттрант. Действо-

вал, разумеется, вместе с танками, усиливавшими его пробивную способность.

Были уже последние дни войны, но и в это время конница показала, что при соответствующей обстановке и умелом управлении она способна с успехом действовать в глубине обороны противника. Другое дело, когда она напарывалась на сплошной фронт обороны, да ещё в условиях угрозы с воздуха неприятельской авиации.

Тогда коннице было тяжело, я бы даже сказал, очень тяжело. Но в Берлинской операции в воздухе уже целиком господствовала наша авиация; этот подвижной зонтик над кавалерией был надежен, спасая её от всякого рода неприятностей.

Намечая для корпуса Баранова направление удара, я имел ещё одну цель, подсказанную мне Семёном Михайловичем Буденным. За Эльбой, там, куда должен был выйти Баранов, по полученным сведениям, находился один из наших крупнейших племенных конных заводов, вывезенный немцами с Северного Кавказа. Попутно с другими более серьёзными боевыми задачами я и поставил перед Барановым задачу вести разведку специально на этот счет и, напав на след конного завода, непременно захватить его целым и невредимым.

Нужно сказать, что Баранов прекрасно выполнил и эту задачу — переправился через Эльбу в районе Ризы, нащупал следы конного завода, захватил его целехоньким. Впоследствии мы полностью возвратили его на то самое место, откуда он был угнан противником в 1942 году.

21 апреля

Еще 20 апреля я принял решение ввести в бой вновь прибывшую 28-ю армию, которой командовал генерал-лейтенант Александр Александрович Лучинский. Это было

продиктовано двумя причинами. Во-первых, требовалось срочно усилить общевойсковыми соединениями быстро наступавшие на Берлин танковые армии фронта. Во-вторых, нужны были дополнительные силы для того, чтобы завершить с запада окружение 9-й немецкой армии.

К этому времени наши танковые армии уже вышли с юга в её тылы. Но их порыв был целиком направлен на Берлин, то есть дальше на северо-запад, и сплошного фронта, обращенного на восток и перекрывающего возможные пути отхода 9-й армии, они создать не могли. Да это и не входило в их задачу. Если бы я, как командующий фронтом, поставил им такую задачу, то немедленно ослабил бы ударную силу обеих танковых армий, и мне нечем было бы наносить удар по Берлину.

Армия Гордова, охватывавшая с юга и с юго-запада южный фланг 9-й немецкой армии, или, как потом мы стали её называть, франкфуртско-губенской группировки, к вечеру 20 апреля уж чересчур сильно растянула свой фронт.

У Гордова, вполне понятно, возникло опасение, что один он не сумеет накрепко запереть вражескую группировку и она сможет выскользнуть. Словом, нужно было немедленно вводить в действие 28-ю армию генерала Лучинского.

28-й армии было приказано форсированным маршем — на фронтовом автотранспорте, который был ей подан в эту же ночь, — двигаться из района Фюрстенау вслед за 3-й гвардейской танковой армией.

К исходу дня 23 апреля армия Лучинского первым эшелоном должна была уже выйти в район Цоссен — Барут, то есть в места, отстоявшие всего на несколько десятков километров от Берлина. При этом две стрелковые дивизии, тоже переброшенные на фронтовом автотранспорте, обязаны были сосредоточиться в лесах вокруг Барута ещё к исходу 21 апреля.

Район Барута запырал основные пути выхода из крупного лесного массива к востоку от Берлина, где были сосредоточены силы 9-й немецкой армии. Кроме того, появившись в районе Барута, дивизии Лучинского уже одним своим присутствием ликвидировали разрыв, образовавшийся между 3-й гвардейской армией Гордова и 3-й гвардейской танковой армией Рыбалко, к этому времени вышедшей на внешний обвод Берлина. Разрыв был порядочный — несколько десятков километров.

Армия Гордова 21 апреля продолжала драться с ожесточенно сопротивлявшейся котбусской группировкой противника, фактически уже находившейся в полуокружении, отрезанной от коммуникаций, прижатой к болотистой пойме реки.

Выразив неудовольствие командарму 3-й гвардейской за промедление в ликвидации этой группировки, я выделил ему в помощь крупные авиационные силы — 4-й и 6-й бомбардировочные корпуса, 2-й и часть 6-го истребительного корпуса и 2-й гвардейский штурмовой авиационный корпус. Кроме того, командарму было приказано ввести в дело 25-й танковый корпус, находившийся у него во втором эшелоне. Однако при ликвидации котбусской группировки Гордов, по существу, так и не использовал его по назначению.

Слов нет, в районе Котбуса у противника была сильная противотанковая оборона, да и сама местность не особенно благоприятствовала действиям танков. Тем не менее, на мой взгляд, в начале и в середине боев под Котбусом Гордов излишне медлил и неуверенно использовал танки. Подчас он неохотно склонялся к быстрым маневренным действиям и к связанному с ними правильному и решительному использованию подвижности танковых войск.

Но так или иначе 21 апреля бои в районе Котбуса продолжались и в общем шли успешно, хотя и в более медлен-

ном темпе, чем мы были вправе ожидать после того, как армия Гордова получила утром усиление.

Гитлеровское командование, оправившись от растерянности, вызванной нашим прорывом, начало принимать срочные меры, силясь во что бы то ни стало задержать наступление советских войск на Берлин с юга. В течение 21 апреля нам навстречу для обороны Берлинского внешнего обвода и городов Цоссен, Луккенвальде, Юттербог был выброшен из районов Берлина ряд пехотных и танковых частей и подразделений — все, что в эти часы оказалось под рукой. Само перечисление этих частей и подразделений характеризует ту лихорадочную поспешность, с которой они вынуждены были действовать. В числе других частей были брошены навстречу танкистам учебный танковый батальон, бригада штурмовых орудий, три рабочих и два строительных полка, две школы летчиков и части, находившиеся на формировании пехотной дивизии «Фридрих Людвиг Ян».

Весь день нашим танковым армиям пришлось ломать во многих местах достаточно упорное сопротивление этих частей и остатков тех, что были разбиты раньше. Дело затруднялось тем, что, хоть и наспех переброшенные, части опирались на хорошо подготовленные узлы сопротивления, такие, как Цоссен, Кумерсдорф, Луккенвальде. К тому же нашим танкистам приходилось в этом районе преодолевать многочисленные заграждения и завалы, канавы, заболоченные поймы и другие препятствия, большие и малые.

Несмотря на это, к исходу 21 апреля наши танкисты, разбив все брошенные им навстречу группы противника, подошли вплотную к Берлинскому оборонительному обводу и оказались всего в двадцати четырех километрах от южных окраин Берлина, фактически в пригородах гитлеровской столицы. В частности, в этот день был

взят Вюнцдорф, где ещё недавно размещался командный пункт группы армий «Висла». В боях за Вюнцдорф был ранен заместитель командира 7-го гвардейского танкового корпуса генерал-майор танковых войск дважды Герой Советского Союза Иван Игнатьевич Якубовский, проявивший в бою большое личное мужество. В некоторых местах к вечеру была уже перерезана и Берлинская кольцевая дорога.

13-я армия Пухова, двигаясь за танкистами, уверенно продолжала свое наступление на запад и, надежно обеспечивая с тыла действия танковой группировки фронта, прошла за день двадцать километров.

5-я гвардейская армия частью сил ещё добивала последние остатки шпрембергской группировки врага, а главными силами наступала на запад.

Донесения о событиях дня позволили составить представление об уничтоженной шпрембергской группировке.

В нее входили части танковой дивизии «Охрана фюрера» (помню, получив это донесение, мы шутили, что, поскольку охрана фюрера уже ликвидирована, теперь дело остается только за ним самим), 10-я танковая дивизия, части 21-й танковой дивизии, 125-го мотополка, 344-й пехотной дивизии, 785-го пехотного полка, а также части нескольких зенитных артиллерийских полков и ряд батальонов фольксштурма. На поле боя осталось около пяти тысяч убитых вражеских солдат и офицеров.

Поставив крест на Шпремберге, войска 5-й гвардейской были готовы всеми силами двинуться на запад. Но в связи с тем, что южнее обстановка по-прежнему оставалась сложной, пришлось несколько расширить полосу наступления 5-й гвардейской армии, сдвинув границу этой полосы на юго-запад. Сделано это было для того, чтобы 5-я гвардейская, наступая, нависла над дрезденско-гёрлицкой груп-

пировкой противника, продолжавшей активно контратаковать армии Коротеева и Сверчевского.

Ликвидация шпрембергского оборонительного узла и новые решительные удары по котбусской группировке оказали свое действие на врага. Видимо, до сих пор неприятель все ещё надеялся задержать наступление наших войск фланговыми действиями у Котбуса и Шпремберга.

Теперь, увидев бесплодность этих попыток, гитлеровцы начали поспешно отводить уцелевшие войска на запад, сиюсья оторваться от преследующих частей 13-й и 5-й гвардейской армий.

В этой обстановке отступавшие вражеские части сплошь и рядом оказывались в промежутках между нашими танковыми и общевойсковыми армиями и пытались ускользнуть через эти промежутки, чтобы присоединиться к группировке своей 9-й армии, действовавшей в лесах и болотах севернее Котбуса. Туда же стремились остатки котбусской группировки. Другого пути у них уже фактически не было.

Переговоры со Ставкой в этот день, как и в предыдущие два дня, были, как правило, очень короткие — никаких дополнительных указаний фронт не получал. Да это и понятно, потому что план наших действий, скорректированный в ночь на 18 апреля, после решения о повороте танковых армий на Берлин, в основном выполнялся без особых отклонений. Потому мои доклады были предельно краткими.

21 апреля я обстоятельно доложил в Ставку, что мы ворвались в район Цоссена, бои с вражескими частями там ещё продолжаются, но уже ясно, что главный штаб немецко-фашистских сухопутных сил успел покинуть свою бывшую резиденцию.

Генеральный штаб получал от нас подробную и систематическую информацию, и у него не возникало почти никаких вопросов.

Штаб фронта, в свою очередь, получал систематическую информацию от армий.

Трудность моего положения как командующего фронтом заключалась в том, что действия разворачивались на нескольких направлениях сразу и каждое из этих направлений требовало внимания и руководства. На севере продолжались бои за Котбус, в центре после ликвидации шпрембергского узла шло уверенное наступление на Берлин и к Эльбе. Однако на левом фланге, на Дрезденском направлении, дела складывались все ещё неблагоприятно, и это сильно отвлекало меня от главного удара.

К тому же и в глубоком тылу у нас находился ещё один очаг — достаточно крупная группировка немцев, окруженная в Бреслау. Командующий 6-й армией генерал Глуздовский продолжал там активные операции. Его можно было понять: конечно, ему не хотелось брать Бреслау позже, чем мы возьмем Берлин, хотя впоследствии так оно и вышло.

Но, понимая это, я все же сдерживал его, а иногда и прямо запрещал проведение активных наступательных действий. Я исходил из того, что Бреслау будет взят в любое время, как только мы разделаемся с Берлином. Но, невзирая на эту достаточно ясно изложенную установку, я вынужден был и в час ночи, и позже — глубокой ночью, после всех других докладов, — выслушивать очередные соображения генерала Глуздовского о том, как он хочет, не выходя за пределы дозволенного, все-таки покончить с гитлеровцами, засевшими в Бреслау. Ведь, несмотря на все свои указания, я не мог полностью игнорировать понятное и вполне естественное желание командования 6-й армии.

Берлинская операция была, пожалуй, самой сложной из всех операций, которые мне довелось проводить за время Великой Отечественной войны. В связи с этим командованию фронта пришлось ежедневно и еженощно заниматься

множеством разнообразных вопросов. Хорошо ещё, что связь не доставляла нам дополнительных затруднений, работала четко. Она дублировалась и по радио, и по ВЧ. В эти дни управление главным образом шло по ВЧ.

Ежедневно к исходу дня — это был уже заведенный на фронте порядок, и командармы его знали — каждый командарм, как правило, докладывал обстановку мне лично, и мы совместно намечали планы действий на следующий день. А затем штаб фронта дублировал мои устные указания в соответствующих распоряжениях по телеграфу, по радио, а если эти средства почему-либо отказывали, то самолётами или офицером связи, отправленным на машине.

22 апреля

В ночь на 22 апреля я принял ряд новых решений, и первое из них — о максимальном усилении 3-й гвардейской танковой армии. Она вышла на внешний обвод Берлина, уже встретилась с очень сильным сопротивлением на южных подступах к этому обводу, и имелись все основания предполагать, что, чем дальше, тем больше это сопротивление будет усиливаться.

С этой целью я в ту же ночь переподчинил Рыбалко 10-й артиллерийский корпус прорыва под командованием генерал-лейтенанта Л.И. Кожухова. В дополнение к этому корпусу мы дали Рыбалко ещё 25-ю артиллерийскую дивизию прорыва и 23-ю зенитно-артиллерийскую дивизию. Кроме того, непосредственно в его оперативное подчинение был передан ещё и 2-й истребительный авиационный корпус.

Все названные артиллерийские соединения к этому времени дислоцировались в полосе 5-й армии, в районе Шпремберга, и им предстояло совершить стремительный

марш-маневр с юга на север, по маршруту, ещё далеко не очищенному от противника. На весь марш были даны самые жесткие сроки — от суток до полутора. А расстояние надо было преодолеть немалое — сто тридцать — полтораста километров, а некоторым артиллерийским частям и все двести километров. И они отлично справились с этим, ликвидируя по пути собственными средствами вражеские группы, пытавшиеся прорваться — одни на запад, другие на север, к своей 9-й армии.

Надо сказать, что наши артиллерийские корпуса и дивизии прорыва, полностью моторизованные, механизированные, уже имели к тому времени привычку и, я добавил бы, вкус к стремительным передислокациям и маневрам. Освободившись после своего удара по Шпрембергу, они ожидали новой задачи и сразу же получили её: рвать рубеж внешнего обвода Берлина, а затем вести бои в самом Берлине.

Для таких боев необходим был мощный артиллерийский кулак. И мы его создали, сманеврировав крупными соединениями своей артиллерии, дивизиями, корпусами.

Я думаю, будет правильно, хотя, быть может, и несколько грубо, если скажу, что артиллерийские корпуса и дивизии прорыва стали во время войны могучим молотом в руках командующего фронтом. И нашему брату не пришлось делить эту силу на части: в одну армию — дивизию, в другую — бригаду, в третью — ещё что-то, — кто попросил, тому и дал. Нет, какими бы законными и обоснованными ни казались подобные просьбы, высшие интересы дела требовали пренебрегать ими, не дробить мощь, а, напротив, концентрировать ее, целиком подчинять тому командарму, который в данный момент выполнял важнейшую в масштабах фронта задачу. А как только артиллерист выполнил задачу — значит, все, забирай свои пушки и иди, братец мой, выполнять новую задачу на новом участке.

Думаю, что такой маневр артиллерийскими соединениями прорыва целиком оправдывал себя с оперативной точки зрения. Мы делали все более требовательными: осуществляли прорывы, имея по триста стволов на километр, так как давно отвыкли сидеть на голодной норме боеприпасов. У нас было такое количество танков, самоходной артиллерии, артиллерии на механической тяге, что все это требовало очень много горючего. Работа наших армейских, фронтовых тылов становилась все масштабнее, все сложнее. Но теперь трудности подвоза, снабжения техникой и боеприпасами были связаны не с нашей слабостью, а с нашей силой; сама наша мощь, масштаб этой мощи порождали и масштаб трудностей.

Итак, 22 и 23 апреля вся эта махина артиллерийских соединений прорыва двигалась из района Шпремберга на северо-запад, к Берлину.

Среди других распоряжений, отданных в ночь на 22 апреля, существенным было установление новой разграничительной линии между 5-й гвардейской армией и 2-й армией Войска Польского. Эта линия давала возможность 2-й армии Войска Польского, несколько сузив свой фронт и не тревожась за правый фланг, сосредоточить усилия на отражении продолжавшихся на её участке ожесточенных контратак дрезденско-герлицкой группировки неприятеля.

Дивизии Лучинского стремительно, в хорошем темпе, выдвигались в назначенный им район, готовясь поддержать наступление танкистов на Берлин. А танкисты всё шли и шли вперед. В ночь на 22 апреля армия Рыбалко (а надо сказать, что она продолжала бои и ночью) 9-м механизированным корпусом Сухова и 6-м гвардейским танковым корпусом Митрофанова форсировала канал Нотте и прорвала внешний оборонительный обвод Берлина. К одиннадцати

часам утра 22 апреля 9-й механизированный корпус перерезал кольцевую Берлинскую автостраду в районе Юндсдорфа, продолжая наступать на Берлин, и с ходу захватил пригороды Бланкфельде, Малов, Лихтенраде.

Думаю, что выход этого корпуса на южные подступы к Берлину и захват первых берлинских пригородов относятся к такого рода фактам истории войны, которые не грех фиксировать со всей доступной точностью.

Захватив названные предместья, корпус Сухова вклинился во внутренний Берлинский обвод в районе Мариенфельде и к концу дня 22 апреля, действуя уже вместе с подошедшей к нему на помощь 61-й гвардейской дивизией (командир полковник А.Г. Шацков) 28-й армии Лучинского, ворвался на южные окраины Берлина. Всего за этот день они продвинулись на двадцать пять километров.

В тот же день вечером танкисты Сухова вышли уже в самом Берлине на Тельтов-канал и остановились, наткнувшись на сильный огонь противника, занявшего сплошную оборону по северному берегу канала.

6-й гвардейский танковый корпус Митрофанова, в начале дня форсировав канал Нотте в районе Цоссена и наступая на северо-запад, к вечеру тоже прошел около двадцати пяти километров, захватил по дороге город Тельтов и вышел на южный берег Тельтов-канала. Так же, как на участке генерала Сухова, немцы заблаговременно заняли северный берег канала и вели по танкистам сильный огонь.

На тот же самый Тельтов-канал в районе Штаттсдорфа вышел к вечеру 7-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта В.В. Новикова. Он также был остановлен сильным огнем противника с северного берега, после того как за день прошел с боями тридцать пять километров.

Таким образом, вся армия Рыбалко развернулась перед Берлином, выйдя на широком фронте на Тельтов-канал.

Сосед Рыбалко слева — 4-я гвардейская танковая армия Лелюшенко — в течение 22 апреля, преследуя врага в общем направлении на Потсдам и не ввязываясь в бой, обошел город Луккенвальде и, продвинувшись на двадцать километров, овладел Зармундом на юго-западных подступах к Берлину.

Два корпуса Лелюшенко — 10-й и 6-й — выходили к Берлину по касательной, стремясь все дальше на северо-запад, то есть двигаясь так, чтобы это в итоге привело к окружению Берлина.

Одновременно с этим 5-й гвардейский механизированный корпус Лелюшенко, прикрывая левый фланг своей армии и тем самым обеспечивая ей возможность поворота на север, действовал в полном соответствии с нашей фронтовой директивой, составленной ещё в начале апреля, до наступления. В ней было сказано то, что сейчас осуществлялось: корпус должен был на фронте Юттербог — Луккенвальде установить прочный заслон против неприятеля фронтом на запад.

Именно здесь и несколько западнее 5-му гвардейскому механизированному корпусу вскоре пришлось принять на себя удары 12-й армии Венка, которая по приказу Гитлера пыталась как раз на этом участке прорваться к Берлину. Захватив после упорного боя Луккенвальде и выйдя на рубеж Бселитц — Трёйенбрицен — Кропштедт, 5-й гвардейский механизированный корпус выполнил поставленную перед ним нелегкую задачу.

В Трёйенбрицене танкисты 5-го гвардейского мехкорпуса освободили около тысячи шестисот военнопленных, главным образом англичан, американцев и некоторое количество норвежцев. Среди них был командующий нор-

вежской армией генерал Отто Руге. Мне об этом тотчас же донесли, но крайняя напряженность событий этого дня не позволила, к сожалению, встретиться с освобожденным из плена норвежским командующим.

К концу 22 апреля армия Лелюшенко заняла очень выгодное исходное положение для удара на Потсдам и Бранденбург, изготовившись к завершающему маневру полного окружения всей берлинской группировки противника.

13-я армия Пухова, стремительно преследуя врага (особенно в этом отличилась 6-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника Г.В. Иванова), прошла за этот день сорок пять километров и вышла на уровень левого фланга армии Лелюшенко.

Окончательно были перехвачены все пути, которые могли быть использованы гитлеровцами при попытке освободить свою окруженную юго-восточнее Берлина группировку встречным ударом с запада.

На нашем северном фланге 3-я гвардейская армия Гордова, после успешного обходного маневра и двухдневных ожесточенных боев, 22 апреля штурмом овладела Котбусом и довела до конца разгром котбусской группировки.

В ходе этих кровопролитных боев были разбиты 342, 214 и 275-я немецко-фашистские дивизии, множество отдельных частей и подразделений. В боях за Котбус войска Гордова захватили сто танков, две тысячи автомашин и около тысячи семисот пленных. То, что число пленных оказалось относительно небольшим, объяснялось исключительной ожесточенностью сопротивления немцев. Они дрались под Котбусом буквально до последнего дыхания.

После ликвидации котбусской группировки войска Гордова не только повернули на север, но и стали выходить на северо-восток, непосредственно на немецкую 9-ю армию.

Теперь Гордову предстояло целиком заниматься именно ею — громить и не допускать прорыва на тылы фронта.

Говоря о начале боев за Котбус, я выражал Гордову известную неудовлетворенность медлительностью его действий и нерешительностью в использовании танков. Однако я не хотел, чтобы справедливые в данном частном случае упреки дали повод составить одностороннее представление об этом боевом командаре, на протяжении всей войны сражавшемся, если так можно выразиться, не покладая рук на многих тяжёлых и ответственных её участках.

Гордов являлся старым, опытным командиром, имел за плечами академическое образование и обладал сильным характером. Это был военачальник, способный руководить крупными войсковыми соединениями. Если взять в совокупности все операции, проведенные им во время войны, то они вызывают к нему уважение. В частности, надо отметить, что он проявил и мужество, и твердость в трудные времена Сталинградского сражения, воевал, как говорится, на совесть и со знанием дела.

Это был человек опытный, образованный, но в то же время иногда недостаточно гибко воспринимавший и осваивавший то новое, что рождали в нашем оперативном искусстве возросшие технические возможности. Преданный делу, храбрый, сильный, своенравный и неуравновешенный — всего было понемногу намешано в своеобразной натуре Гордова. Однако с именем генерала Гордова связан ряд операций, успешно проведенных армиями, находившимися под его командованием.

Но вернемся к событиям 22 апреля, дня, во многом знаменательного.

В результате наступления 8-й гвардейской, 69-й и 33-й армий 1-го Белорусского фронта и 3-й гвардейской, 3-й гвардейской танковой и части сил 28-й армий 1-го Укра-

инского фронта к вечеру этого дня совершенно отчетливо обозначилось кольцо, готовое вот-вот замкнуться вокруг франкфуртско-губенской группировки врага. С севера, с востока, с юга и частично с запада она была уже плотно охвачена сплошным фронтом трех общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта и трех армий нашего фронта.

Войска армии Рыбалко, наступавшие на Берлин с юга, к вечеру были отделены от 8-й гвардейской армии Чуйкова, наступавшей на юго-восточные окраины Берлина, лишь узкой, примерно двенадцатикилометровой, полосой.

Важным обстоятельством было то, что правифланговые соединения главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта и наши танковые армии были уже близки к тому, чтобы тоже соединиться к западу от Берлина, образуя второе огромное кольцо соответственно берлинской группировке.

К исходу дня расстояние между передовыми частями 47-й армии генерала Перхоровича (1-й Белорусский фронт) и нашей танковой армией Лелюшенко уже не превышало сорока километров. Таким образом, на наших глазах складывались и даже почти замкнулись два кольца окружения. Одно — вокруг 9-й армии противника восточнее и юго-восточнее Берлина; другое — западнее Берлина, вокруг частей, оборонявших непосредственно германскую столицу.

К вечеру расстояние между франкфуртско-губенским кольцом, назовем его малым, и берлинским, назовем его большим кольцом, достигало в западном направлении восьмидесяти километров, а в южном — пятидесяти. Внутри между этими двумя кольцами окружения находился Берлин со всеми его пригородами.

Еще далее к западу от берлинского кольца находились немецко-фашистские части, оказавшиеся между нами и на-

шими союзниками, в том числе и армия Венка, о которой пойдет речь впереди.

Окружив в лесах юго-восточнее Берлина остатки 4-й и 9-ю немецкую армию, 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты, по существу, отрезали от Берлина главные силы противника, предназначенные для его обороны, и теперь могли бить по частям группировку, которая ещё недавно представляла собой единый кулак.

Оценивая действия немцев в ходе этой операции, военные историки часто задают вопрос: имелась ли у немцев возможность, не дожидаясь окружения 9-й и остатков 4-й армии, заранее отвести эти войска к Берлину?

Отвечаю: безусловно имелась. Но это не изменило бы обстановку в целом. Планируемые нами удары были неотразимы. Мы могли разгромить всю берлинскую группировку в любом её положении.

Чем ближе к Берлину, тем плотнее и плотнее становилась оборона противника, тем больше средств усиления получала его пехота — и артиллерию, и танки, и большое количество фаустпатронов. Уже 22 апреля на Тельтов-канале мы встретились с системой сплошного организованного ружейно-пулеметного, минометного и артиллерийского огня весьма высокой плотности. Форсировать канал с ходу нам не удалось.

С таким огнем и с таким сопротивлением нам пришлось столкнуться даже при том условии, что мы окружили и заперли 9-ю армию юго-восточнее Берлина. Естественно, если бы её войска своевременно отступили на Берлинский обвод, они дрались бы там ожесточенно и усилили оборонительные возможности Берлинского гарнизона. Но в конечном итоге они могли повлиять своим сопротивлением только на темпы Берлинского сражения, но отнюдь не на его исход. Могло быть и так, что во время

отхода 9-я армия была бы смята и разгромлена нашими войсками.

В связи с выходом частей 1-го Украинского фронта к Берлину Ставка установила с шести часов утра 23 апреля новую разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

Как уже говорилось, при разработке плана операции эта разграничительная линия была остановлена на пункте Люббен. Теперь войска 1-го Украинского фронта продвинулись далеко на север и северо-запад от Люббена.

Ставка, учитывая сложившееся положение, установила соответствующую ему разграничительную линию: Люббен — Тойпиц — Миттенвальде — Мариендорф — Ангальский вокзал в Берлине. От Люббена наша разграничительная линия была теперь повернута резко на северо-запад, почти на север, и делила Берлин приблизительно пополам.

Одновременно с этим Ставка потребовала от нас — от маршала Жукова и от меня — не позднее 24 апреля завершить окружение франкфуртско-губенской группировки противника и ни в коем случае не допустить её прорыва ни на Берлин, ни в западном или юго-западном направлении.

Над итогами дня и в связи с полученными от Ставки указаниями пришлось в ночь на 23 апреля как следует поработать.

Армии Рыбалко было приказано на следующий день принять все необходимые меры для того, чтобы утром 24 апреля форсировать Тельтов-канал и ворваться непосредственно в Берлин. День 23 апреля использовать для подготовки наступления.

Командующему 28-й армией Лучинскому было приказано, продолжая наступать главными силами армии на

Берлин с юга, одновременно двумя дивизиями занять рубсж Тойпиц — Басдорф, перехватить там все дороги между озерами и организовать прочную противотанковую и противопехотную оборону, чтобы не допустить на этом участке попыток прорыва 9-й и остатков 4-й вражеских армий через тылы нашего фронта на запад и на юго-запад.

Командующий 3-й гвардейской армией Гордов получил задачу развернуть активные действия против окруженных частей 9-й немецкой армии, которая была теперь его основным противником.

Рыбалко, наряду с подготовкой к форсированию Тельтов-канала, было приказано на следующий день овладеть пригородом Берлина Букков и принять меры к тому, чтобы сомкнуться в тылу франкфуртско-губенской группировки неприятеля с войсками 1-го Белорусского фронта.

Таковы были мои основные распоряжения в ночь на 23 апреля.

23 апреля

На северном берегу Тельтов-канала немцы подготовили довольно крепкую оборону — отрыли траншеи, воздвигли железобетонные доты, врыли в землю танки и самоходки. Над каналом почти сплошная стена домов — капитальные строения со стенами толщиной метр и больше. По берегу тянутся крупные железобетонные корпуса промышленных предприятий, обращенные к каналу тыловой, глухой стороной и образующие как бы средневековую крепостную стену, спускающуюся к воде. Все это отлично приспособлено к длительной, упорной обороне. Часть мостов через канал подготовлена к взрыву, а часть уже взорвана. Да и сам канал достаточно серьезное препятствие: ширина его сорок — пятьдесят метров, глубина два-три метра.

Представьте себе теперь этот наполненный водой глубокий и широкий ров с высокими бетонированными, круто обрывающимися берегами. И на двенадцатикилометровом участке канала, куда вышли танкисты Рыбалко, на вражеской стороне согнано все, что оказалось под рукой, — тысяча пятнадцать человек. Плотность тысяча двести человек на километр в условиях городских боев, надо сказать, очень высокая. И притом у противника больше двухсот пятидесяти орудий и минометов, сто тридцать танков и бронетранспортеров и свыше пятисот пулеметов. А фаустпатронов — неограниченное количество.

К тому же в сознании оборонявшихся на Тельтов-канале немецко-фашистских солдат и офицеров это последний рубеж, на котором они могли нас удержать. За их спиной Берлин. А кроме Берлина, кроме отчаянной решимости драться до конца, погибнуть, но не пустить нас в Берлин (а такая решимость, судя по ожесточенности боев, у большинства последних защитников германской столицы была) у них за спиной ещё и эсэсовские «молниеносные» трибуналы, куда немедленно доставляли всех уличенных в дезертирстве.

В этот период (что единодушно подтверждается десятками и сотнями показаний пленных) эсэсовцы и гестаповцы действовали с особой беспощадностью, расстреливали и вешали всякого, кто оставлял позиции или был по каким бы то ни было причинам заподозрен в этом.

В те дни Гитлер, как известно, вел себя как одержимый, заявив даже, что немецкий народ недостойн такого руководителя, как он. Относясь с ненавистью к собственному народу, он готов был мстить ему за бесславное крушение своей кровавой авантюры.

В Берлине царила атмосфера истерически молниеносных расправ, предельной жестокости. И эта атмосфера,

вселяя страх, безусловно, продлила агонию немецкой столицы.

Кого только не было там, на Тельтов-канале, особенно в батальонах фольксштурма, состоявших из кадровых солдат, стариков и подростков, которые плакали, но дрались и поджигали фаустпатронами наши танки

Днем артиллерийский корпус Кожухова и другие артиллерийские соединения прорыва ускоренным маршем продвигались к Берлину. К утру 24-го они уже должны были стоять на позициях и обеспечивать переправу Рыбалко через Тельтов-канал.

Легко можно представить себе, какими темпами проходил стопятидесятикилометровый марш, для обеспечения которого помимо собственных транспортных средств артиллеристы получили ещё тысячу триста фронтовых автомашин.

Сроки для перегруппировки были крайне сжатыми. При этом приходилось снимать артиллерию с позиций ночью, чтобы противник ничего не заподозрил.

Вражеская авиация не могла действовать большими группами, но одиночные разведывательные самолёты все время летали над полем боя, в том числе летал и наш старый враг — разведчик «фокке-вульф», или, как мы его называли, «рама». Так что возможности для наблюдения, хоть и ограниченные, у немцев ещё оставались.

«Рама» доживала тогда свои последние дни. Но те, кто видел ее, не могли забыть, сколько неприятностей она доставила нам на войне. Я не раз наблюдал на разных фронтах действия этих самолётов — они были и разведчиками, и корректировщиками артиллерийского огня — и, скажу откровенно, очень жалел, что на всем протяжении войны мы так и не завели у себя ничего подобного этой «раме».

А как нам нужен был хороший, специальный самолёт для выполнения аналогичных задач!

Утром 23 апреля на помощь танковым корпусам Рыбалко подошла 48-я гвардейская стрелковая дивизия армии Лучинского под командованием генерал-майора Г.Н. Корчикова. Это было очень существенно, потому что перед таким серьёзным препятствием, как Тельтов-канал, с его хорошо организованной обороной, у нас на первых порах оказались одни танкисты, а они крайне нуждались в поддержке пехоты.

Пока подтягивались стрелковые дивизии 28-й армии, Рыбалко вместе со своими командирами корпусов вел подготовку к форсированию канала. В командирской разведке участвовали и прибывшие сюда раньше своих частей командиры артиллерийских дивизий. Все планировалось в очень сжатые сроки, но по-настоящему, основательно.

Было принято решение форсировать канал одновременно всеми тремя корпусами на широком фронте. Но при этом мы определили главное направление, на котором сосредоточили наибольшую плотность артиллерийского огня, создали артиллерийский кулак, способный прошибить наверняка все, что противостоит нам. Прошибить и открыть дорогу прямо в Берлин.

На фронте главного участка прорыва протяжением четыре с половиной километра было сосредоточено около трех тысяч орудий, минометов и самоходных установок. Шестьсот пятьдесят стволов на километр фронта! Пожалуй, это единственный случай за всю мою практику на войне. Однако я считал такую плотность артиллерийского огня оправданной и сложившейся обстановкой, и тем, что уже виден был конец войны и его надо было приблизить.

Кроме артиллерии, предназначенной для подавления обороны врага на Тельтов-канале, специально для обес-

печения форсирования и дальнейшей поддержки наступления было выделено много орудий прямой наводки. По существу, вся непосредственно войсковая артиллерия, начиная от 45-миллиметровой и кончая 122-миллиметровой, а также тяжелая артиллерия 152- и 203-миллиметровых калибров предназначалась к использованию в качестве орудий прямой наводки, наиболее точной и прицельной.

Артиллерийская подготовка должна была продолжаться пятьдесят пять минут. Так как времени на подготовку было мало (всего одни сутки) и полностью, на всю глубину, разведать систему обороны противника было, разумеется, невозможно, огонь планировался главным образом по переднему краю. В глубине предстояло подавить лишь оборонительные узлы на перекрестках улиц, которые могли потом препятствовать продвижению наших танков и пехоты.

Начало подготовки было назначено на шесть часов двадцать минут 24 апреля. Мы сознательно взяли не круглую цифру, которую частенько брали до этого, потому что круглые цифры — 6.00, 7.00 — обычно вызывают у обстрелянных солдат и командиров противника настороженную готовность к тому, что «ага, вот 6.00, не исключено, что именно сейчас может начаться артиллерийский налет или артподготовка...»

Пока в течение 23 апреля основные силы армии Рыбалко готовились к завтрашней переправе через Тельтов-канал, произошло частное, но знаменательное событие: через офицера связи была установлена связь с частями 1-й гвардейской танковой армии генерала Катукова, которая в это время также подходила вплотную к Берлину.

Две бригады Рыбалко, 70-я и 71-я, по-прежнему выполняли задачу, поставленную им минувшей ночью: выходили навстречу частям 1-го Белорусского фронта.

Тем временем танкисты Лелюшенко продолжали успешно наступать на Потсдамском направлении, прикрываясь с запада 5-м механизированным корпусом. 6-й механизированный корпус в районе Штуккена добил остатки немецкой пехотной дивизии «Фридрих Людвиг Ян», взял в плен её командира и развивал наступление дальше, в направлении на Бранденбург. Продвинувшись на двадцать пять километров, он занял населенный пункт со странно звучащим тогда на немецкой земле названием «Ленин», которое оказалось, конечно, просто фонетическим совпадением.

К вечеру этого дня армия Лелюшенко уже охватывала Берлин с юго-запада. Расстояние, которое теперь отделяло её от пробивавшихся ей навстречу войск 1-го Белорусского фронта, 47-й армии Перхоровича и 9-го корпуса танковой армии Богданова, составляло всего двадцать пять километров.

Армия Гордова после жестоких боев весь этот день производила необходимые перегруппировки, ликвидируя разрывы между частями и создавая сплошной фронт, плотно и прочно закрывающий пути отхода франкфуртско-губенской группировке противника.

28-я армия Лучинского продолжала стремительно выдвигаться к Берлину. 128-й её корпус под командованием опытного и энергичного генерала П.Ф. Батицкого подошел к Тельтов-каналу. Ему предстояло форсировать канал вместе с 3-й танковой армией. Одна из дивизий этого корпуса, 152-я, под командованием полковника Г.Л. Рыбалка, выходя к Миттенвальде, во второй половине дня вступила в бой с небольшой частью франкфуртско-губенской группировки немцев, пытавшейся прорваться к Берлину. Предотвратив эту попытку, дивизия к вечеру уже дралась на западной окраине Миттенвальде.

Главные силы Лучинского, 20-й (командир генерал-майор Шварев Н.Г.) и 3-й (командир генерал-майор Александров П.А.) гвардейские стрелковые корпуса, настойчиво продвигались к южной окраине Берлина. Одному из этих корпусов предстояло, не доходя до Берлина, сосредоточиться в районе Барута. Своим присутствием этот корпус должен был подстраховывать направление, по которому в случае какой-либо неожиданности могла прорваться франкфуртско-губенская группировка.

Основным моим местонахождением в последние дни была армия Пухова, и я совмещал с его командным пунктом также и свой передовой командный пункт.

Накануне я выехал от Пухова в районы, занятые танкистами. Но оказалось, что пути ещё недостаточно расчищены, мне не удалось проехать и пришлось вернуться. 23 апреля Рыбалко, с которым, несмотря на бродившие где-то между танкистами и пехотой вражеские группы и группочки, была все время устойчивая связь по ВЧ, так же как и с Лелюшенко, доложил мне, что у него был командарм-28 Лучинский.

Я сел в «виллис» и поехал к Рыбалко. После взятия Котбуса, запиравшего нам сразу несколько дорог и доставлявшего большие неудобства, положение теперь намного облегчилось и можно было ехать прямо по дороге от Котбуса на Барут и дальше — на Берлин.

Где-то между Цоссеном и Берлином, увидев со своего «виллиса» ехавшего мне навстречу — тоже на «виллисе» — генерал-лейтенанта Лучинского, я остановился. Мы оба вышли из машин. Он кратко доложил о состоянии армии и о выполнении моего приказа.

Из доклада я вынес впечатление, что он правильно понял приказ и принимает все меры к тому, чтобы как можно энергичнее и быстрее выдвинуться в назначенные ему

районы — и в район Барута, и на южные окраины Берлина — для усиления танкистов. Мне оставалось только посвятить его в некоторые особенности того сложного переплета, в котором приходилось нам действовать.

Лучинский своей собранностью, четкостью, подтянутостью сразу же произвел очень хорошее и не обманувшее меня впоследствии впечатление. Потом обычно как-то забываешь о внешности человека, с которым долго работаешь вместе, но в первый момент она обращает на себя внимание. Лучинский импонирует внешне. Высокий, стройный, бравый, настоящий гвардеец.

Хотя, повторяю, доклад Лучинского, да и то, что он уже успел связаться с Рыбалко, побывать у него, уточнить вместе с ним задачу на завтрашний день, произвело на меня хорошее впечатление. Тем не менее я, не побоявшись показаться излишне настойчивым, дважды или трижды во время разговора напомнил о том, что один его корпус должен как можно скорее встать у Барута и как можно прочнее чувствовать себя там.

Судя по докладу Лучинского, у него все было в порядке: дивизии шли по графику и даже опережая его, оперативная группа и штаб тоже выдвигались вперед.

Но обстановка в этот день складывалась настолько благоприятная, интересная и в то же время до предела напряженная, что мне хотелось вдохнуть в этого вновь прибывшего командарма свое собственное настроение, хотелось придать ему больше бодрости, чтобы он шел к Берлину ещё энергичнее.

Дальнейшие события показали, что генерал Лучинский и вся его армия действительно быстро сжились с той сложной оперативной обстановкой, в какой они очутились, когда, едва прибыв в состав 1-го Украинского фронта, были сразу же брошены прямо на Берлин. В то время сюда меч-

тали попасть многие, чтобы именно здесь закончить свой боевой путь.

13-я армия Пухова, проведя за ночь и утро частичную перегруппировку, все ближе подходила к Эльбе. Так же, как Гордов, и так же, как Лучинский, Пухов имел у себя во втором эшелоне, в районе Луккау, корпус, который мог быть использован двояко. Во-первых, против франкфуртско-губенской группировки, а во-вторых — и тут у Пухова была уже своя специфическая задача, — для контрудара по немецко-фашистским частям в том случае, если они будут предпринимать попытки прорваться к Берлину с запада. Такой возможности мы тоже не исключали и, как выяснилось впоследствии, правильно делали.

Войска Пухова продвигались успешно, имели достаточную плотность, и это позволило мне забрать у него 350-ю дивизию генерал-майора Г.И. Вехина и, передав её в оперативное подчинение Лелюшенко, срочно, в тот же день, направить автотранспортом на север, в район Потсдама, для усиления танкистов, чтобы им было чем заниматься и закреплять за собой населенные пункты.

Армия Жадова к утру вышла своими передовыми частями, а к исходу дня и своими главными силами на восточный берег Эльбы на широком фронте Эльштер — Риза.

В этот же день достигли Эльбы танкисты 4-го гвардейского танкового корпуса генерала Полубоярова, войска 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Баклапова и 32-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Родимцева. Того самого Родимцева, который всего за два с половиной года до этого, командуя 13-й гвардейской дивизией, сидел в обороне на одном из последних узких клочков волжского берега в Сталинграде.

Собственно говоря, с выходом этих трех корпусов на Эльбу 5-я гвардейская армия уже выполнила основную задачу, поставленную ей перед началом операции. Однако на самом деле ей предстояло воевать и дальше, причем без сколько-нибудь значительной паузы.

В связи с контрнаступлением гёрлицкой группировки немцев против нашей 52-й армии и 2-й армии Войска Польского южнее армии Жадова создалась серьёзная и даже неприятная обстановка. Я получил донесение о выходе корпусов Жадова на Эльбу, а он, в свою очередь, получил от меня приказание вывести танковый корпус Полубоярова и 32-й гвардейский стрелковый корпус Родимцева во второй эшелон армии для выполнения новых задач.

Создавая такую группировку за счет корпусов 5-й гвардейской армии, выполнивших свои предыдущие задачи, я намерен был нанести ею удар по гёрлицкой группировке немцев, остановив её дальнейшее распространение на север.

На Дрезденском направлении, где и прежде шли очень напряженные бои, в этот день дело обстояло особенно неблагоприятно. Произведя в ночь на 23 апреля перегруппировку своих войск и нащупав стык между 52-й армией генерала Коротеева и 2-й армией Войска Польского генерала Сверчевского, противник, двигаясь вдоль реки Шпрее, нанес удар по 48-му корпусу армии Коротеева.

Общее направление ударов неприятеля шло на Шпремберг. Допускаю, что немцы не полностью были информированы о ликвидации шпрембергской группировки, и стремление соединиться с нею сыграло свою роль в выборе направления удара. Во всяком случае, не покончи мы своевременно со Шпрембергом и со всем, что там было, на нашем левом фланге могло создаться если не критическое, то достаточно сложное положение.

С утра ударная группировка немцев (две дивизии и около ста танков) перешла в наступление, прорвала фронт 48-го корпуса 52-й армии, продвинулась к северу на двадцать километров и вышла на тылы 2-й армии Войска Польского.

Часть дивизий 2-й армии Войска Польского, правым флангом примыкавших к армии Жадова, успешно продвигалась в это время на запад. Удар противника пришелся по их самому слабому месту — по тылам армии, к тому же сильно растянувшейся и находившейся в движении. При этом были нарушены боевое взаимодействие некоторых соединений и связь между ними.

Такая обстановка была бы сложной для любой прошедшей долгий боевой путь армии. Тем более оказалась она чувствительна для 2-й армии Войска Польского: Берлинская операция была первой после её сформирования. И все же поляки проявили большое мужество и после некоторого замешательства в первый момент прорыва дрались перевернутым фронтом стойко и отважно.

Вечером я отдал ряд распоряжений, ближайшей целью которых была ликвидация прорыва, а в дальнейшем — полный разгром гёрлицкой группировки врага. Я понимал, что, предпринимая довольно сильный фланговый контрудар, гитлеровцы надеялись создать кризисную обстановку на всем левом фланге наших войск и повлиять на ход операции на главном, Берлинском, направлении. Но такая задача была уже им не по силам.

Кризисного положения им создать не удалось. Контрудар врага не вызвал ни малейших изменений в наших основных планах.

Мы правильно сделали, не пожалев сил и средств на ликвидацию обеих группировок противника, шпрембергской и котбусской, на флангах прорыва. Если бы мы за-

тянули их уничтожение, то контрудар гёрлицкой группировки был бы гораздо чувствительнее для нас. А сейчас этот удар опоздал. Для разгрома гёрлицкой группировки нам уже не было необходимости ослаблять свои силы, наносившие удар по Берлину. Оценкой реального положения и были продиктованы мои решения.

Через сутки, к вечеру 24-го, войскам 2-й армии Войска Польского, 52-й армии, двух корпусов 5-й гвардейской армии и танкового корпуса удалось приостановить наступление противника, успевшего продвинуться в направлении Шпремберга на тридцать три километра.

Если оценивать далекоидущие оперативные замыслы неприятеля, то в условиях сложившегося к этому времени соотношения сил я никак не могу отозваться о них положительно. Но если говорить о том, как немцы проводили эту одну из последних своих наступательных операций с тактической точки зрения, то надо отдать им должное: стык они нащупали очень точно и действовали напористо, сосредоточив для прорыва восемь полноценных дивизий (из них две танковые) и около двадцати отдельных батальонов.

В эти дни я главным образом бывал на своем передовом командном пункте, а на основном находился начальник штаба фронта генерал армии Иван Ефимович Петров. Я поручил ему выехать в войска Коротеева и Сверчевского и помочь на месте организовать взаимодействие войск, которые при поддержке частей 5-й гвардейской армии должны были не только отразить наступление немецко-фашистских войск, но и нанести им удар.

Одновременно с этим я поставил частную задачу начальнику оперативного управления фронта генералу В.И. Костылеву — выехать во 2-ю армию Войска Польского и установить связь со Сверчевским, так как после выхода немцев

на тылы этой армии у меня была утеряна связь с её командармом. Костылев успешно выполнил задачу и в течение суток связал Сверчевского с его соседями, с командующим 5-й гвардейской армией Жадовым, с командиром 4-го гвардейского танкового корпуса Полубояровым, с командиром 33-го гвардейского стрелкового корпуса Лебеденко — словом, скоординировал обстановку на месте.

Костылев был вообще очень настойчив в выполнении приказов и всегда превосходно знал обстановку. Сам я не мог оторваться в эти дни от всех забот, связанных с проведением Берлинской операции. Начальник штаба фронта Петров, находясь у руководства такой штабной машины, как штаб 1-го Украинского фронта, тоже не мог выключаться из своей работы на длительное время. Он лишь выезжал на несколько часов в день на Дрезденское направление и снова возвращался в штаб. К восемнадцати — девятнадцати часам ему необходимо было находиться в штабе, так как к этому времени уже начинали накапливаться доклады о том, что произошло за день на фронте. Одновременно с этим ему надо было готовить соображения по операции на следующий день и, наконец, отчитываться перед Генеральным штабом и Ставкой.

Потому именно генералу Костылеву было поручено в самый острый момент заняться непосредственной координацией действий всех частей на Дрезденском направлении, нацеленных на то, чтобы сначала остановить наступление немецко-фашистских войск, а потом и разгромить их.

К вечеру 24 апреля совместными усилиями частей 2-й армии Войска Польского и частью сил 5-й гвардейской и 52-й армий наступление гёрлицкой группировки врага было остановлено.

...Говоря о неудачном для нас периоде этих боев, я уже упоминал о недостаточном опыте 2-й армии Войска Поль-

ского. К этому надо добавить, что командарм-52 генерал Коротеев, вообще-то говоря, боевой и опытный командующий, в данном случае не проявил достаточной заботы о стыке с поляками, что и привело к прорыву противника на заведомо угрожаемом фланге. Справедливости ради следует сказать, что армия у него в этот период была небольшой и противник на участке прорыва в несколько раз превосходил его в силах.

Направление и сила удара неприятеля заставляют вспомнить ещё об одном факте, имеющем, несомненно, особую политическую окраску. Когда перед началом Берлинской операции поляки, сменив часть сил 13-й армии, занимали передовые траншеи, немецко-фашистские, в том числе и эсэсовские, части, державшие здесь оборону, пришли в бешенство и не скупились на яростные выкрики и всякого рода угрозы.

Видимо, им нелегко было примириться с тем, что те самые поляки, которых они в течение шести лет считали покоренным народом, наступают теперь на Берлин.

Это настроение, к тому же подогреваемое, видимо, пропагандой, сказалось и в стремлении нанести удар именно по польской армии, и в той ярости, с которой велось это наступление, и в том количестве сил, которое в критический для них период гитлеровцы сумели сосредоточить именно на этом участке.

И когда во взаимодействии с нашими войсками именно поляки под командованием генерала Сверчевского — героя гражданской войны в Испании, ещё там лицом к лицу встречавшегося с немецкими фашистами, — дали как следует по зубам гёрлицкой группировке, то это вызвало у меня чувство двойного удовлетворения: кроме естественной радости победы было и ощущение справедливого возмездия.

24 апреля

К этому дню обстановка на нашем фронте стала особенно сложной и разнообразной, но все же в ней можно было различить пять основных оперативных узлов событий.

Первый узел — это развертывающееся сражение за Берлин. В нем из состава 1-го Украинского фронта принимали участие 3-я и 4-я гвардейские танковые и введенная с ходу 28-я армии. Сюда же можно включить и действия армии Гордова.

Второй узел — ожесточенная борьба с пытающейся прорваться франкфуртско-губенской группировкой. К этому времени 9-я армия Буссе, основная сила этой группировки, уже получила приказ Гитлера пробиваться на юго-запад, навстречу армии Венка. Если мысленно представить себе, что продвижение 9-й армии Буссе, так же как и 12-й армии Венка, оказалось бы успешным и они сомкнулись, то это произошло бы как раз в том самом районе Луккенвальде — Барут, куда я с такой настойчивостью приглашал Лучинского поскорее прочно посадить свой корпус.

Третий узел связан с наступлением армии Венка. Выполняя приказ Гитлера, Венк начал наступление с запада на левый фланг армии Лелюшенко и правый фланг армии Пухова, нанося основной удар как раз в том направлении, куда мы по самой первоначальной директиве фронта выдвинули 5-й мехкорпус армии Лелюшенко под командованием генерал-майора Ермакова. Если бы нашему брату было положено говорить о предчувствиях или особом чутье, то можно было бы сказать, что именно какое-то чутье подсказало им, что здесь-то и следует прикрыться с запада 5-м мехкорпусом.

Четвертый узел связан с выходом 5-й гвардейской и 13-й армий на Эльбу и с предстоящей встречей с американцами.

Наконец, пятый узел — Дрезденское направление, отражение ударов гёрлицкой группировки немцев,

И каждый из этих узлов, каждое из этих оперативных направлений требовало в большей или меньшей мере внимания штаба фронта и командующего фронтом. Я говорю это ещё и потому, что хочу дать читателю представление о том, как складывался в период Берлинской операции обычный рабочий день, или, вернее, рабочие сутки командующего фронтом. Началом следует считать поздний вечер предыдущего дня, когда принимались все основные решения на завтра.

Маневренный характер операции 1-го Украинского фронта, стремительное наступление войск, в особенности танковых армий, наложили, и не могли не наложить, свой отпечаток на характер управления войсками. Как правило, к исходу дня при любых обстоятельствах я принимал начальника разведки фронта прежде, чем внести коррективы и принять окончательные решения на проведение операции следующего дня. Принял его и на этот раз поздним вечером.

Обстановка, складывавшаяся к исходу 23 апреля, требовала от меня ряда решений. Необходимо было завершить окружение франкфуртско-губенской группировки и окончательно ликвидировать возможность её выхода на запад, на Берлин, а также на юго-запад и юг. Для этого надо было закончить перегруппировку 3-й гвардейской армии, окончательно ввести в дело 28-ю армию и таким образом сомкнуть фланги 1-го Украинского с флангом 1-го Белорусского фронта в тылу 9-й немецкой армии.

Требовалось закончить подготовку и осуществить форсирование Тельтов-канала армиями Рыбалко и Лучинского с дальнейшим прорывом в Берлин.

Для этого надо было не только создать ударный кулак из артиллерии и авиации, но и поставить перед артиллери-

стами и авиаторами соответствующие задачи; надлежало позаботиться об управлении в период этой операции и по возможности постараться самому проследить за её ходом; сохранить верное направление движения танковой армии Лелюшенко, чтобы она не ввязывалась в затяжные бои на окраинах Берлина, а шла навстречу войскам нашего и 1-го Белорусского фронтов западнее Берлина, чтобы в кратчайший срок замкнуть кольцо.

В то же время такое быстрое продвижение армии Лелюшенко на северо-запад сильно растягивало её левый фланг; намечался разрыв между её левым флангом и правым флангом армии Пухова. Об этом тоже не мешало подумать.

Была озабочен и тем, чтобы на фронте Беслитц — Трёйенбрицен иметь под руками дополнительные силы. Их надо было отыскать. Одну дивизию я уже взял у Пухова и послал на Потсдам с целью закрепления всего, что захватит там Лелюшенко. Теперь приходилось выводить один корпус Пухова во второй эшелон армии, в район Юттербог, туда, где этот корпус можно было использовать в зависимости от обстановки двояко: либо усилить им внутреннее, Берлинское, направление, либо усилить внешнее, западное, направление в районе Беслитц — Трёйенбрицен, где уже действовал 5-й мехкорпус армии Лелюшенко.

Это меня особенно заботило, так как уже 23 апреля появились признаки того, что у противника на западе начинается какая-то перегруппировка и он, очевидно, готовится ударить по нам с запада. Точного направления предполагаемого удара мы не знали, данных не было, но для нас уже было совершенно очевидным: такая попытка будет предпринята.

Позже выяснилось, что уже существовал приказ Гитлера, по которому 12-я армия Венка обязывалась, прекратив

действия против наших западных союзников, повернуть фронтом на восток и создать ударную группировку для деблокирования Берлина ударом по советским войскам, наступающим на него с юга. Одновременно такой же приказ был передан 9-й армии Буссе, которая тоже должна была наступать на южные пригороды Берлина, чтобы соединиться в этом районе с армией Венка.

Мы в общих чертах предугадывали данный план, и в этом нет ничего удивительного, потому что он отнюдь не был лишен целесообразности. В нем не было реального учета сложившегося соотношения сил, но это уже другое дело.

Как потом стало известно, Гитлер в те дни буквально жил этим планом встречного удара Венка и 9-й армии. Он придавал ему настолько важное значение, что послал самого Кейтеля в штаб Венка, чтобы проинспектировать действия его войск.

Разумеется, я не знал тогда, чем живет и на что надеется Гитлер, какие задачи он ставит Кейтелю, и не знал даже в точности, где находится тот и другой. Но для меня было совершенно ясно: уж если противник вновь попытается предпринять что-то активное, то он прежде всего сделает попытку подрезать прорвавшиеся к Берлину войска 1-го Украинского фронта и с запада, и с востока. И я был убежден, прогноз этот оправдается; он действительно оправдался.

В ночь на 24 апреля меня особенно беспокоила мысль, какие предпринять меры, чтобы отпарировать удары армий Венка и Буссе.

Изрядно времени ушло в ту ночь и на необходимые указания в связи с выходом на Эльбу 5-й армии Жадова и подходом к ней армии Пухова. Основные указания на эту тему были даны Жадову, так как именно ему предстояло

подготовиться к встрече с американцами. Мне пришлось давать указания также и Пухову, потому что некоторым его дивизиям тоже предстояли такие встречи. Немало забот было связано с отражением контрудара на Дрезденском направлении.

Особенно большая работа, как и каждый вечер, была связана с докладами командармов, которые и в этот день, как обычно, начались с двадцати одного часа и продолжались почти до двух часов ночи. А в промежутках между докладами надо было давать указания штабу, выслушать итоговый доклад начальника штаба Петрова, прочесть, скорректировать и подписать донесение в Ставку, которое должно было быть окончено к двум часам ночи.

Наконец, пришлось иметь дело ещё с одной группой вопросов, связанных с действиями авиации. Как правило, командующий фронтом ежедневно ставит авиации задачи на следующий день, исходя из общего плана операции и из тех коррективов, которые за день внесла обстановка, какие-то цели отменив, а какие-то добавив. В данном случае в ночь на 24 апреля я потребовал сосредоточить основные усилия авиации для завтрашнего удара по гёрлицкой группировке противника.

Вторая задача, которую должны были выполнить крупные силы авиации, — это поддержка форсирования Тельтов-канала и наступления армий Рыбалко и Лучинского на Берлин.

Одновременно было не лишним напомнить авиаторам, что, нанося удары на указанных направлениях, они должны внимательно наблюдать за окруженной франкфуртско-губенской группировкой и без всяких проволочек наносить бомбовые удары по тамошним скоплениям войск, обозначающим направление возможного прорыва. Были даны указания и начальнику тыла Н.П. Анисимову.

В пять утра 24 апреля я выехал к Рыбалко, чтобы увидеть собственными глазами, как проходит операция по форсированию Тельтов-канала, и иметь возможность в случае необходимости внести на месте коррективы.

Спал я, как правило, ночью с двух до шести, иногда немножко дольше: если позволяла обстановка, то выслушивал доклад оперативного дежурного о происшедшем за ночь не в шесть часов утра, а в семь. Этот утренний доклад входил в ежедневный распорядок так же свято и крепко, как в свое время молитва «Отче наш» в крестьянский быт. Докладывал или оперативный дежурный, или начальник оперативного управления. При изменении же обстановки докладывалось немедленно, в любое время дня и ночи.

Память, в том числе и зрительная, была у меня в то время настолько обострена, что все основные направления, все географические и даже главные топографические пункты всегда как бы стояли перед глазами. Я мог принимать доклад без карты; начальник оперативного отдела, докладывая, называл пункты, а я мысленно видел, где и что происходит. Мы оба не тратили времени на рассматривание карты; он лишь называл цифры, связанные с упоминаемыми им пунктами, — нам обоим было все ясно.

Конечно, эта ясность от крайнего напряжения памяти, но такой порядок докладов настолько отработался в нашей боевой практике, что лично я этого напряжения даже не замечал.

В этот день я выслушал доклад раньше, чем обычно; к семи утра был уже у Рыбалко, на его командном пункте, и оставался там до тринадцати часов. Но об этом расскажу позже. Около двух часов дня, пообедав на ходу у танкистов, к пяти снова вернулся на командный пункт фронта, чтобы заслушать доклад об обстановке.

Сперва докладывал начальник оперативного управления. Потом состоялись беседы с членами Военного совета. Вопросов, которые следовало обсудить, было достаточно, в том числе и детали предстоящих встреч с американцами. После этого командующие разными родами войск докладывали о выполненных в течение дня задачах и излагали свои соображения и планы на завтрашний день. В подробном докладе начальника тыла были некоторые вопросы, особенно беспокоившие меня в тот день и связанные прежде всего с бесперебойной подачей горячего и боеприпасов для группы войск, действовавшей в Берлине.

К исходу дня многое повторялось: доклады командующих армиями, работа с начальником штаба и так далее и тому подобное. Таким, если брать его в общих чертах, был мой распорядок дня в самый разгар Берлинской операции. Таким же, с небольшими ежедневными изменениями, он оставался и до конца операции. Этот распорядок в значительной мере обуславливался работой штаба фронта.

В связи с этим я хочу хотя бы кратко рассказать о начальнике штаба 1-го Украинского фронта в период Берлинской операции генерале армии Иване Ефимовиче Петрове.

Он сменил генерала Соколовского буквально перед самым началом этой операции. Василий Данилович отбыл на 1-й Белорусский заместителем командующего к маршалу Жукову. Перед этим мне позвонил Сталин и опросил, согласен ли я взять к себе начальником штаба генерала Петрова.

Я знал, что за несколько дней до этого Петров был освобожден от должности командующего 4-м Украинским фронтом. Мое личное мнение об Иване Ефимовиче в общем было положительным, и я дал согласие на его назначение.

На второй день после прибытия на фронт Петрову предстояло как начальнику штаба составить донесение в Ставку. Мы обычно заканчивали составление этого донесения к часу-двум ночи. К этому сроку я и предложил его составить Ивану Ефимовичу. Но он возразил:

— Что вы, товарищ командующий. Я успею составить донесение раньше, к двадцати четырем часам.

— Не затрудняйте себя, Иван Ефимович, — сказал я. — Мне спешить некуда, дел у меня ещё много, я буду говорить с командармами, так что у вас время до двух часов есть.

Однако когда подошел срок подписывать боевое донесение, я ровно в два часа ночи позвонил Петрову. Он смущенно ответил по телефону, что донесение ещё не готово, по такой-то и такой-то армии не собраны все необходимые данные.

Понимая его трудное положение, я не сказал ни слова и отложил подписание на четыре часа утра. Но донесение не было готово и к четырем. Петров представил мне его только к шести. И когда я подписывал это первое его донесение, причем с довольно значительными поправками, Иван Ефимович (это было в его характере) прямо и честно заявил:

— Товарищ маршал, я виноват перед вами. С такими масштабами действий я встречаюсь впервые, и мне с непривычки оказалось трудно справиться с ними.

И хотя первый блин получился комом, такое прямое заявление со стороны Петрова было для меня залогом того, что дело у нас с ним пойдет.

Иван Ефимович был человеком с хорошей военной подготовкой и высокой общей культурой. На протяжении всей войны он проявлял храбрость и мужество и был этим известен в армии.

Будучи до этого в роли командующего фронтом, а под конец войны впервые в своей практике оказавшись началь-

ником штаба фронта, он, боевой генерал, не проявлял ни малейшего оттенка обиды. Напротив, с самым живым интересом к новому для себя делу говорил: «Вот теперь вижу настоящий фронт — и по количеству войск, и по размаху, и по задачам». Генерал хорошо отдавал себе отчет в том, что, несмотря на весь боевой опыт, в новой роли начальника штаба фронта ему надо кое-чему поучиться. И он честно учился.

Сработались мы довольно быстро. У меня было полное доверие к нему, так же как и у Петрова ко мне, я это чувствовал. Отношения у нас сложились хорошие; хотя и приходилось порою делать скидку на то, что все-таки Петров не штабной командир (до этого все его должности — и в мирное и в военное время — были командные: начальник училища, командир дивизии, командующий армией, командующий фронтом). Но надо отдать должное и генералу Соколовскому, который до Петрова в течение года был начальником нашего штаба; он оставил очень слаженный, хорошо организованный штабной коллектив. Опираясь на этот коллектив, Петров не испытывал в своей работе каких-либо существенных затруднений.

Иван Ефимович оставался начальником штаба нашего фронта до последнего дня войны. Вместе с ним мы на 1-м Украинском фронте завершили Великую Отечественную войну, и завершили как будто неплохо...

Я уже говорил, что накануне заночевал не на командном пункте фронта, а в армии Пухова. Отсюда до Рыбалко было значительно ближе. Заслушав утренние доклады, я выехал с таким расчетом, чтобы успеть попасть к Рыбалко к концу артиллерийской подготовки и, значит, к началу форсирования реки.

Конечно, если выехал в пять утра, а накануне лег достаточно поздно, то клонит ко сну. Но в эти дни не удалось вздремнуть даже в машине.

Там и сям бродили разрозненные группы немцев. Некоторые участки дорог, по которым нам предстояло двигаться через тылы 3-й танковой армии, были ещё не полностью разминированы. В ряде мест приходилось делать объезды. Кругом торфянистые болота, грунт мягкий, танки понаделали гусеницами такие колеи, что ехать по ним на колесной машине было очень трудно; водителю то и дело приходилось выполнять сложные маневры. Но я знал, что шофер не подведет. Шофером у меня был донской казак Григорий Иванович Губатенко. Хладнокровный и бесстрашный воин и очень опытный водитель машины. В каких только переделках мы ни бывали с ним на дорогах войны, и он всегда был на высоте положения.

И по этим же танковым колеям, обходя минированные участки дорог, буквально всюду, где бы мы в этот день ни проезжали, шли нам навстречу освобожденные из неволи люди. Шел целый интернационал — наши, французские, английские, американские, итальянские, норвежские военнопленные. Шли угнанные и теперь освобожденные нами девушки, женщины, подростки. Шли со своими наспех сделанными национальными флагами, тащили свой скарб, свои немудреные пожитки — ручную, на тележках, на велосипедах, на детских колясках, изредка на лошадях.

Они радостно приветствовали советских солдат, встречные машины, кричали что-то каждый на своем языке. Остановливаться не было времени ни им, ни нам; они спешили если не прямо домой, то, во всяком случае, поскорее из зоны боев, а мы торопились к Берлину.

Лица изможденные, усталые; сами оборванные, полураздетые. В конце апреля здесь сравнительно тепло, но утром холод все-таки пробирает, и немудреная одежонка, а сплошь и рядом просто лохмотья слабо защищали от него. Все дороги к Берлину были буквально забиты людьми.

Поднимались они со своих временных ночлегов и отправлялись в путь с рассветом. Как бы рано ты ни выехал, они уже шли тебе навстречу по дорогам.

И хотя все эти люди не знали местности и карт у них, конечно, не было, все же дороги они выбирали правильно, чутьем находили наиболее безопасные направления, избегая мин и встреч с остатками разбитых немецких войск. Больше всего, как я заметил, они шли по танковым следам — тут уж наверняка мин нет.

Люди шли по бесчисленным тропкам и дорогам; каждая группа по своему невесть как избранному маршруту. Но к этому времени наше управление тыла во главе с генерал-лейтенантом Николаем Петровичем Анисимовым уже позаботилось о том, чтобы освободившиеся из неволи люди не забрели по несчастной случайности слишком близко к району окружения 9-й немецкой армии, чтобы они уже спасшись, не подверглись новым опасностям. Управление тыла и комендантско-дорожная служба организовали также за счет фронтовых ресурсов пункты питания на главных маршрутах следования — в Луккау, Котбусе и в ряде других городов.

Что касается немецких пленных, то они тянулись по другим, специально выделенным маршрутам, от этапа к этапу. Как только на пунктах сбора накапливалась колонна выловленных и сдавшихся немцев, их собирали и отправляли дальше.

Где-то здесь же, в лесах, бродили ещё не сдавшиеся и не разоруженные вражеские группы. Особенно много их было между Фетшау — Люbbenом, где леса более густые.

Мне везло все эти дни. Несколько раз стреляли по нашим машинам из лесу, но напрямую наскочить на какую-нибудь неприятельскую группу — бог миловал, хотя другие, случалось, и напарывались.

Обычно я ездил тремя «виллисами»: на первом — шофер, я, адъютант и автоматчик; вслед за мной — вторая машина с офицером оперативного управления и двумя автоматчиками и, наконец, третий «виллис» — четыре человека охраны во главе со старшиной.

У меня, как у командующего фронтом, был специальный взвод пограничников, который прошел со мной всю войну. Командовал им старшина Дмитрий Михайлович Орищенко. Он и сейчас держит со мной связь. В этом взводе бессменно всю войну прошел службу моим адъютантом подполковник, а потом полковник Александр Иванович Саломахин. Безукоризненно честный, правдивый коммунист-офицер. Я многим обязан этому человеку, который окружал меня своей заботой и вниманием во всех превратностях войны.

В свое время, после того как один из наших командармов по ошибке заехал прямо к противнику и был убит наповал в машине, Ставка отдала приказ, запрещавший командующим армиями и выше выезжать в зону боевых действий без бронетранспортеров. Что касается меня, то там, где это было нужно, где был прямой риск встретиться с противником, я этим бронетранспортером не пренебрегал. Но постоянно пользоваться им было не с руки. Двигался он слишком медленно, а тройка «виллисов» — намного оперативнее и подвижнее.

Главным залогом безопасности при таких передвижениях в сторону фронта я всегда считал не количество охраны, а собственную правильную ориентировку на местности. Карту я, как положено военному, знал хорошо, на местности ориентировался, сам следил за дорогой, ехал в первой машине, и никаких недоразумений в этом смысле у меня никогда не бывало. Но и спать по дороге к фронту, сидя в машине, не приходилось.

В этот день я мчался к Рыбалко во всю прыть, чтобы поспеть к началу форсирования канала. Новым непривычным зрелищем в эти дни были толпы освобожденных из неволи людей, все остальное было уже давно привычным для глаза: развалины, разбитые дороги, взорванные мосты. А кругом — оживающие под весенним солнцем зеленеющие лиственные леса.

Причем леса, нужно отдать немцам должное, ухоженные, очищенные и прореженные. Для нас это было кстати. Западнее Шпрее на многие километры шел сплошной лесной массив. Поскольку леса были разрежены, через них пробиты просеки, а кое-где по просекам проведены даже дороги с твердым покрытием — это обеспечивало нашим танковым войскам хороший маневр.

До этого, глядя на карту, я не раз беспокоился. Сплошной лесной массив. Просеки, за редким исключением, не нанесены. Глядишь и думаешь: как бы не пришлось замедлять здесь темпы наступления. На практике же оказалось, что, совершая через эти леса марш-маневр танковых армий, мы проходили иногда по пятьдесят — шестьдесят километров в сутки. А вообще за всю операцию среднесуточный темп продвижения танковых армий был двадцать — двадцать пять километров в сутки, а средний темп общевойсковых частей и соединений — семнадцать километров. Темпы, конечно, очень высокие.

Некоторые дороги оказались частично заминированными. Однако и свободных путей хватало. Дороги здесь хорошие. Особенно пригодились автострада Бреслау — Берлин: она стала как бы основной осью движения в полосе 1-го Украинского фронта.

Правда, первое время на этой автостраде нам довольно сильно докучали вражеские реактивные истребители. Отрезок пути, который мне надо было делать по автостраде,

я для экономии времени обычно делал на «паккарде»; в период подготовки Берлинской операции мне несколько раз приходилось вылезать из этого «паккарда» и прятаться в кюветах. Но во время наступления немецкая авиация значительно уменьшила полеты над дорогами в связи с организованным зенитным прикрытием.

В Тельтов я приехал к самому концу артиллерийской подготовки. Еще у въезда в город, я увидел наши войска, занявшие исходное положение, — танки, мотопехоту и артиллерию, которая заканчивала свою работу.

В тот момент, когда я подъехал к Рыбалко, он следил за действиями своих войск, руководя форсированием. Был момент первого броска. Передовые отряды начали преодолевать канал, не дожидаясь окончания артподготовки.

Все содрогалось. Кругом стоял дым. Артиллерийские бригады тяжелых калибров били по домам на той стороне канала, прошибая их сразу. Летели камни, куски бетона, щепки, пыль. На узком фронте — больше шестисот орудий на километр; и все это било по северному берегу Тельтов-канала.

Бомбардировочная авиация тоже наносила свои удары — эшелон за эшелон.

Первый наблюдательный пункт Рыбалко на южном берегу Тельтов-канала мне не понравился, и мы перешли на плоскую крышу самого высокого дома. Там ещё до нашего прихода расположился командир 6-го гвардейского бомбардировочного корпуса Д.Т. Никишин.

Я, Рыбалко, командующий артиллерией фронта Варенцов, командиры двух авиационных корпусов, командир артиллерийского корпуса Кожухов — все разместились на крыше восьмизэтажного дома, кажется, какого-то конторского здания. Жителей в нем не было, потому что

дом находился не только под артиллерийским, но и под ружейно-пулеметным огнем.

Сначала, когда мы вылезли на крышу, вражеские автоматики послали по нам с той стороны канала несколько очередей, но мимо.

На плоскую крышу выходили огромные трубы отопления, прекрасно защищавшие от автоматного огня. Немецко-фашистские солдаты хотя и безрезультатно, но продолжали время от времени постреливать очередями. В конце концов, мне это надоело. Видя, откуда они стреляют, я приказал ударить по ним огнем артиллерии. Их подавили быстро. Но откуда-то и потом ещё слышались иногда одиночные выстрелы.

То, что гитлеровцы стреляли по этому самому высокому, выделявшемуся из всех домов Тельтова зданию, вполне понятно слишком заметный ориентир. Приходилось считаться с тем, что, находясь здесь, мы привлекаем к себе внимание, но что делать — другого такого хорошего места поблизости не было.

С высоты восьмого этажа открывалась панорама Берлина, в особенности его южной и юго-западной части. Левый фланг был виден так далеко, что даже чуть-чуть просматривался вдали Потсдам. В поле обозрения входил и правый фланг, где предстояло на окраине Берлина соединиться войскам 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов.

Помню, каким огромным показался мне широко разбросанный город. Я отмечал для себя массивные старые постройки, которыми изобиловал лежавший перед нами район, густоту застройки — отмечал все, что могло усложнить нам бои за Берлин. Заметил я и хорошо видные сверху каналы, реки и речки, пересекающие Берлин в разных направлениях. Такое множество водных преград обещало дополнительные трудности.

Перед нами лежал фронтовой город, осажденный и подготовившийся к защите. Если бы во главе Германии стояло разумное правительство, то в сложившейся обстановке было бы логично ожидать от него немедленной капитуляции войск. Только капитуляция могла сохранить все, что ещё оставалось к этому дню от Берлина, и спасти жизнь населению. Но видимо, напрасно было ждать разумного решения — предстояли бои.

Глядя на Берлин, я думал о том, что с концом его обороны будет связан конец войны. Чем быстрее мы возьмем город, тем скорее кончится война.

Тогда же я подумал: конечно, хочется, чтобы под самый конец войны было меньше потерь, и все же затягивать борьбу нельзя, и ради скорейшего её окончания придется идти на жертвы, особенно в боевой технике, и прежде всего в танках.

И ещё одна мысль, которая тогда пришла мне в голову: надо тащить сюда тяжелую артиллерию, включая самую тяжелую. Я сразу связался со своим штабом, торопясь доложить в Ставку Верховного Главнокомандования, что нам понадобится артиллерия особого назначения, особой мощности. Она находилась в распоряжении Ставки Верховного Главнокомандования. Я не знал, где находится она сейчас, но знал, такая артиллерия есть.

По моей просьбе эта артиллерия была нам послана и успела принять участие в последних боях за Берлин.

Тем временем на моих глазах происходило форсирование Тельтов-канала. Нельзя сказать, что без сучка без задоринки, но, в общем-то, оно шло успешно.

Передовые части 9-го мехкорпуса, переправлявшиеся на северный берег канала в районе Ланквица, были контратакованы немецкими танками и пехотой. Они не смогли удержать захваченный плацдарм и, понеся потери, отошли

на южный берег канала. Там дело поначалу не ладилось, но на находившемся прямо перед нами, даже, можно сказать, под нами, участке 6-го гвардейского танкового корпуса переправа шла как по нотам.

Передовые отряды 22-й гвардейской мотострелковой бригады перебрались на ту сторону канала на деревянных лодках и частично по остову разрушенного моста. Удачно маневрируя, прикрываясь быками моста, передовой батальон под заслоном огня артиллерии и танков благополучно форсировал канал и захватил небольшие плацдармы на его северном берегу.

В семь утра, используя этот успех, к форсированию приступили основные силы бригады. Они преодолевали канал на деревянных и раскладных лодках.

Одновременно с батальонами мотострелков через канал начали переправляться передовые части 48-й гвардейской дивизии (командир генерал-майор Корчиков) армии Лучинского. Сейчас эта дивизия находилась в оперативном подчинении у Рыбалко.

Армейские инженерные части взялись за наводку понтонных мостов. Около тринадцати часов первый из них был готов, и по нему началась переправа танков и артиллерии. Вскоре вступил в строй и второй мост.

Гитлеровцы попытались отчаянной контратакой сбросить с берега советские передовые части, зацепившиеся на плацдармах. Было ясно, если они не сбросят их сейчас, то сделать это после переправы наших танков им уже не удастся. Но мотострелки и пехота прочно зацепились на берегу, и переправа продолжалась без перебоев.

Еще до того как были наведены первые мосты, в десять часов тридцать минут к нам на крышу пришло известие: 71-я мехбригада из армии Рыбалко, ведя бои за берлинский пригород Шенефельд, продолжая одновременно с этим

наступать на восток, вышла с запада к Басдорфу — населенному пункту, восточная часть которого ещё 23 апреля была занята частями 8-й гвардейской армии и 1-й танковой армией 1-го Белорусского фронта.

Так произошло соединение войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в тылу 9-й немецкой армии.

Добавлю, забежав немного вперед, что к вечеру 24-го пехота 61-й гвардейской дивизии армии Лучинского под командованием полковника А.Г. Шацкова, ведя весь день вместе с частями 9-го мехкорпуса генерал-лейтенанта И.П. Сухова бои за Мариендорф, установила уже в районе Буккова прочную локтевую связь с 8-й гвардейской армией Чуйкова. Этим была завершена полная изоляция 9-й армии от берлинской группировки врага.

Около тринадцати часов, когда был наведен понтонный мост и первые танки переправились по нему на другой берег Тельтов-канала, я уехал с наблюдательного пункта Рыбалко.

Части 6-го гвардейского танкового корпуса и 48-й гвардейской стрелковой дивизии весь день вели бои на той стороне канала, буквально штурмуя дом за домом и медленно, но верно продвигаясь в город. К концу дня они прошли по улицам местами два, а местами два с половиной километра.

Еще во время моего присутствия Рыбалко принял решение в связи с удачным форсированием Тельтов-канала на участке 6-го гвардейского танкового корпуса генерал-майора Митрофанова переправить здесь же 7-й и 9-й корпуса. 7-й гвардейский корпус на своем участке тоже частично форсировал канал и захватил небольшой плацдарм в районе Штонцдорфа, но расширять его при яростном сопротивлении противника не было никакого расчета. Про-

ще было переправиться на уже захваченные 6-м корпусом крупные плацдармы.

Переправа шла весь день, вечер и ночь. Ночью 24 апреля войска Рыбалко прорвали внутренний оборонительный обвод противника, прикрывавший центральную часть Берлина с юга, и ворвались в Берлин.

Так выглядел в нашем боевом донесении, отправленном ночью в Ставку, этот один из основных итогов дня.

С наблюдательного пункта Павла Семеновича я прибыл на его основной командный пункт, который размещался теперь в Цоссене, в бывшей ставке главного штаба сухопутных войск германской армии, но, разумеется, не в подземельях. На восточной окраине Цоссена были новенькие коттеджи — квартиры офицеров немецкого генерального штаба, оставшиеся совершенно целыми.

Павел Семенович предоставил мне для отдыха один из этих коттеджей, чтобы я мог, так сказать, прочувствовать все те удобства, которыми пользовались офицеры гитлеровского генерального штаба в те времена, когда им ещё не снилось, что мы можем сюда прийти. Но от отдыха пришлось отказаться. Пообедав на скорую руку, я поехал на свой передовой командный пункт, к Пухову, откуда после небольшой остановки решил ехать в штаб фронта.

Необходимо было двинуться в обратный путь пораньше, так как все дороги забиты, а события, происходившие на левом фланге фронта, продолжали меня беспокоить. Интересовало также, что происходит у Лелюшенко.

Пока я находился у Рыбалко, мне один раз удалось переговорить с Лелюшенко по телефону. Он доложил, что подошел к Тельтов-каналу западнее Рыбалко и делает попытки переправиться, но встречает сильное сопротивление.

Я проинформировал командарма-4 о том, что войска Рыбалко успешно преодолевают канал. Будет неплохо,

если и он, в свою очередь, рокирует войска: переправится через Тельтов-канал по следам Рыбалко, а затем вернет войска на запад, в свою полосу, уже по северной стороне канала. Лелюшенко не оставил этот намек без внимания и, воспользовавшись добрым советом, этой же ночью так и поступил, избавив себя от многих лишних жертв.

Заехав на свой передовой командный пункт к Пухову и получив там некоторые срочные донесения, я, не теряя времени, двинулся дальше и около семнадцати часов был уже в штабе, где познакомился с обстановкой, сложившейся к этому времени на всем протяжении фронта.

Две бригады танкистов Лелюшенко, наступая на Потсдам, овладели населенным пунктом Новавес, теперь известным как контрольно пропускной пункт в Западный Берлин.

К вечеру Лелюшенко вышел к реке Хавель. Потсдам разделен этой рекой пополам, и Лелюшенко удалось в этот день захватить только его юго-восточную часть, так как все мосты через Хавель были взорваны немцами.

Приходилось готовиться к форсированию. Его 6-й гвардейский мехкорпус, успешно наступая к северу и северо-западу, продвинулся на восемнадцать километров к Бранденбургу и тоже вышел к реке Хавель в другом месте. Одна из его бригад во второй половине дня ворвалась на восточную окраину Бранденбурга.

К этому же времени на левом фланге у Лелюшенко и на правом у Пухова начала складываться новая обстановка, возникновение которой мы предвидели.

Как я уже говорил, 22 апреля Гитлер отдал приказ 12-й армии генерала Венка, снятой с западного фронта, о наступлении на Берлин с запада и юго-запада. В эту армию входили уже несколько потрепанные части, и все же масштабы группировки, пытавшейся прорваться к Бер-

лину, были весьма внушительны. 12-я армия включала 41-й и 48-й танковые корпуса, 39-й и 20-й армейские корпуса.

Днем 24 апреля армия Венка предприняла первые танковые атаки на участке Беелитц — Трёйенбрицен, стремясь прорвать позиции 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Ермакова и частей 13-й армии, только что перед этим подошедших и своим флангом сомкнувшихся с танкистами.

Танкисты Ермакова, выполняя заранее поставленную перед ними задачу — при всех обстоятельствах прочно обеспечивать с запада левый фланг армии Лелюшенко, — в течение дня отразили несколько ожесточенных атак, принятых танками, пехотной дивизией «Теодор Кернер» и 243-й бригадой штурмовых орудий.

Вскоре после начала атак врага на командный пункт генерала Ермакова приехали сам командарм Лелюшенко и командир штурмового авиационного корпуса Рязанов. Оба они со своего наблюдательного пункта — с крыши одного из домов на окраине Трёйенбрицена — нацеливали штурмовики на танковые группировки наступающих войск 12-й армии Венка.

Штурмовики Рязанова, имевшие большой опыт борьбы с танками, и на этот раз превосходно показали себя. Парируя удар достаточно сильной и крупной группировки противника, они помогли не только 5-му гвардейскому мехкорпусу и армии Лелюшенко, но и всему нашему фронту.

Когда я возвращался в штаб фронта, то уже имел первые сведения об атаках армии Венка. Добравшись до штаба, я узнал, что дела идут вполне благополучно. 5-й гвардейский мехкорпус организовал систему обороны и, поддержанный артиллерией и штурмовиками, подпертый с флан-

га подошедшими частями армии Пухова, удачно отбил все атаки немцев.

Армия Венка, которая, по замыслу Гитлера, должна была спасти Берлин, понесла за время первых атак тяжелые потери, но никакого успеха не добилась.

А Гитлер в это время сидел в имперской канцелярии и непрерывно требовал докладов, как наступает армия Венка, буквально бредил Венком и ждал от него спасения.

Только что я упомянул о командире 1-го штурмового авиационного корпуса генерал-лейтенанте Василии Георгиевиче Рязанове. Хочу сказать о нем несколько подробнее.

Человек своеобразной военной судьбы, он был одним из лучших авиационных начальников, с которыми мне приходилось работать в бытность мою командующим фронтом.

Я знал его давно, ещё по 17-й Нижегородской дивизии, которой командовал в тридцатые годы. Тогда Рязанов был инструктором политотдела дивизии, весьма образованным и знающим свое дело. В середине тридцатых годов он поступил в Военно-воздушную академию, окончил ее, затем учился на курсах усовершенствования, командовал рядом частей и соединений в авиации. Одно время он возглавлял бригаду, которая, как образцовая авиационная часть, существовала при Воздушной академии имени Жуковского.

Сравнительно поздно начав летать, он летал хорошо.

Так Рязанов за свою жизнь в армии прошел как бы два служебных этапа — сначала был политработником, а потом авиационным командиром.

Во время войны он командовал авиационным корпусом — сперва в составе 2-го Украинского фронта, а потом в составе 1-го. Василий Георгиевич был исключительно добросовестен в выполнении боевых задач, никогда не ссы-

дился ни на метеорологию, ни на какие-либо технические затруднения. Его штурмовики обрушивались на врага и в дурную погоду, всегда и везде справляясь с любыми заданиями.

Мне запомнились и понравились действия Рязанова во время форсирования Днепра на 2-м Украинском фронте. Это было в районе Переволоки, там, где когда-то переправлялся через Днепр бежавший после Полтавской битвы Карл XII. Здесь, спустя двести тридцать лет, переправлялись и мы. Для переправы место было удобное, и все же обстановка сложилась трудная.

7-я гвардейская армия под командованием генерал-полковника Михаила Степановича Шумилова переправилась на ту сторону и зацепилась за берег, но, фигурально выражаясь, голова и туловище у армии были уже на берегу, а ноги оставались в воде.

Гитлеровцы яростно старались столкнуть Шумилова с этого маленького плацдарма. В один из дней положение настолько обострилось, что он позвонил мне и сказал: «Дальше держаться, очевидно, не смогу. Прошу разрешения уйти с плацдарма». Тогда я сам вылетел в этот район на У-2 и добрался до командного пункта Шумилова. Находился он буквально у самой воды, прямо напротив плацдарма.

Здесь же, на наблюдательном пункте, присутствовали два командира авиационных корпусов: штурмового — Рязанов и истребительного — Подгорный.

Неприятельская авиация непрерывно и ожесточенно была и по плацдарму, и по наблюдательному пункту Шумилова, и по переправам, и по тылам. Положение действительно сложилось крайне трудное, хотя Шумилов в обороне был мастер: если зацепился — значит, все, не уйдет. (Кстати, чтобы не получилось одностороннего мнения,

Шумилов такой же мастер и в наступлении.) Но уже одно то, что он запросил разрешения уйти с плацдарма, свидетельствовало: жали на него очень крепко.

Немецкие самолёты шли волна за волной, притом летали почти безнаказанно. А наши истребители вели себя довольно пассивно, да и было их слишком мало. Я поначалу сказал пару нелестных слов командиру истребительного корпуса, но дело от этого не улучшилось. А если и улучшилось, то в слишком малой степени.

Через некоторое время прилетела большая группа «фокке-вульфов» и начала бесчинствовать над переправой, расстреливая все живое.

Как раз в этот момент штурмовики, отбомбившись по немецким танкам, возвращались на свой аэродром. Рязанов находился рядом со мной. Я не выдержал и сказал ему

— Рязанов! Нельзя допустить, чтобы «фокке-вульфы» господствовали над полем боя. Поверните своих штурмовиков. Разгоните их!

И Рязанов, не колеблясь, отдал приказание своим штурмовикам. Этот маневр для врага был полон неожиданности. Штурмовики всей девяткой вступили в бой, сбили не то три, не то четыре «фокке-вульфа», а остальных разогнали.

А через час-другой и Подгорный навел порядок у себя в корпусе, его истребители исправнее, чем раньше, стали прикрывать переправы

Во второй раз я с удовольствием наблюдал действия штурмовиков Рязанова в период Дуклинской операции, когда 38-я армия генерала Москаленко прорывалась через Карпаты, а Рязанов поддерживал наступление пехоты и танков с воздуха. Его штурмовики чуть не ползали по горам, непрерывно висели над полем боя, брали на себя значительную часть трудностей этой горной войны.

Теперь под Трёйенбриценом, поддержав корпус Ермакова, Рязанов вновь сделал большое дело: помог воспрепятствовать прорыву 12-й армии Венка, стремившейся навстречу 9-й армии Буссе, тоже пытавшейся к этому времени вырваться из окружения.

Летчики корпуса Рязанова были лучшими штурмовиками, каких я только знал за весь период войны. Сам Рязанов являлся командиром высокой культуры, высокой организованности, добросовестнейшего отношения к выполнению своего воинского долга. Он умер после войны ещё сравнительно молодым человеком, и я тяжело переживал эту утрату...

Пока штурмовики Рязанова вместе с танкистами Ермакова под руководством самого командарма 4-й гвардейской танковой Лелюшенко отбивали атаки армии Венка в районе Трёйенбрицена, правый фланг армии Лелюшенко завершил маневр на окружение берлинской группировки противника. К вечеру расстояние, отделявшее западнее Берлина войска Лелюшенко от войск 1-го Белорусского фронта, не превышало десяти километров.

В это время на внутреннем кольце нашего окружения, замыкавшем 9-ю армию Буссе, войска Гордова вели бои примерно на прежних рубежах, но при этом уже почувствовали, как на некоторых направлениях гитлеровцы начинают искать слабое место для прорыва. Такое же давление стали испытывать на себе и примыкавшие к войскам Гордова дивизии 28-й армии Лучинского.

На центральном участке фронта 13-я армия Пухова, частью сил поддерживая танкистов, отражавших атаки армии Венка, двумя корпусами наступала вдоль берега Эльбы на запад. К концу дня войска Пухова, продвинувшись на десять километров, вышли на окраины Виттенберга. Пухов доложил мне об этом по телефону и в несколько более

торжественном тоне, чем обычно, сказал что-то о красоте города Виттенберга и о замечательном Виттенбергском монастыре.

Признаюсь, я был так занят круговоротом фронтовых дел, что не сразу вспомнил, чем знаменит Виттенберг. До моего сознания это дошло с некоторым запозданием, когда Николай Павлович Пухов, объясняя причины своего эмоционального тона, напомнил: в Виттенберге, куда врывались его части, похоронен Мартин Лютер.

На Эльбе, на восьмидесятикилометровом фронте, остался только один 34-й гвардейский стрелковый корпус генерала Бакланова, а части 5-й гвардейской армии Жадова уже приступили к действиям против гёрлицкой группировки.

Кавалерийский корпус Баранова вышел на Эльбу и форсировал ее, обойдя с северо-запада город Мейссен.

Наша авиация сделала за день две тысячи самолётных вылетов. В воздухе было замечено двести десять вражеских самолётов, из них двенадцать сбито.

Из важных событий этого дня стоит отметить крупное перебазирование советской авиации. До сих пор она стояла восточнее Нейсе. Чтобы оперативнее поддерживать действия войск, она передислоцировалась теперь на запад. Перебазировались главным образом истребители и штурмовики. Бомбардировщики оставались ещё на прежних местах; со своим большим радиусом действия они могли работать и со старых аэродромов.

К вечеру в штаб фронта поступили сведения о том, что гёрлицкая группировка противника в основном остановлена.

В двенадцать часов ночи позвонил командарм 6 Глуздовский и, как обычно, стал нажимать на меня, добиваясь

разрешения вести более активные действия против Бреслау. И я ему опять отказал.

По численности его армия была меньше, чем окруженная в Бреслау вражеская группировка, но Глуздовский имел значительное превосходство в артиллерии, и в его распоряжении находилось некоторое количество танков для маневров в случае попыток немцев прорваться из окружения. Действия армии не сводились только к патрульной службе; она постоянно тревожила противника, была по нему артогнем, вообще делала его жизнь в окружении трудной.

Но конец войны был уже не за горами, и я считал, что предпринимать штурм Бреслау нет никакой необходимости. Раз нам не удалось с ходу, в первые дни, взять этот город-крепость, дальнейшие постоянные атаки были уже излишни. Надо было держать город под прицелом и время от времени напоминать немцам ультиматумами, что положение их безнадежно и выхода у них нет.

Бреслау к этому времени мало беспокоил меня. Гораздо большую тревогу вызывала окруженная юго-восточнее Берлина 9-я армия Буссе. Сейчас, когда все пространство между ней и Берлином заполнили наши войска и попытки её прорыва на Берлин были уже немыслимы, у меня все тверже складывалось убеждение, что, судя по всем данным, она будет искать себе выхода на юго-запад, через наш 1-й Украинский фронт. И мы должны были оказаться подготовленными к этому.

Если брать весь этот интересный, утомительный день в целом, то главное в нем — это начало боев непосредственно за Берлин. В этот день, условно говоря, закончился первый этап Берлинского сражения — прорыв его обороны и окружение берлинской группировки двойным кольцом наших войск. Начинался последний, завершающий этап битвы,

связанный с овладением Берлином и полным и окончательным поражением гитлеровской Германии.

В ходе операции войск 1-го Украинского фронта это был день, переломный на всех направлениях. Утомительный и хороший день. Такой, за успех которого, закончив наконец все дела и глядя на ночь, не грех бы и выпить чарку. Однако ни на что постороннее, даже на чарку перед сном, времени не оставалось. Да и мое тогдашнее состояние здоровья этого не позволяло.

Прежде чем перейти к событиям, развернувшимся на следующий день, 25 апреля, хочу немножко отвлечься в прошлое. Вспоминая генерала Рязанова, начавшего свой путь политработником, потом ставшего летчиком и крупным авиационным командиром, я сказал, что это путь своеобразный, хотя в нашей армии и не столь уж редкий. Говоря так, я в какой-то мере имел в виду и себя. Начав военную службу ещё в царской армии солдатом-артиллеристом, я, прежде чем пройти свой путь от командира полка до командующего фронтом, был в годы Гражданской войны комиссаром бригады, затем комиссаром 2-й Верхне-Удинской дивизии в Забайкалье, а впоследствии комиссаром 17-го Приморского корпуса на Дальнем Востоке. Так что и у меня несколько лет были целиком отданы комиссарской работе.

Но сейчас я заговорил об этом для того, чтобы вспомнить об одном интересном и даже замечательном человеке, с которым меня свела в те годы судьба по дороге на X съезд партии. Я имею в виду комиссара одной из дальневосточных партизанских бригад Александра Булыгу, который впоследствии стал известен всей стране как писатель Александр Александрович Фадеев.

Тогда мы оба, и он и я, были избраны от армейских партийных организаций Дальнего Востока на X съезд партии

и в течение почти целого месяца ехали вместе от Читы до Москвы в одном купе, ели из одного котелка. Оба мы были молоды: мне шёл двадцать четвертый, ему — двадцатый; симпатизировали друг другу, испытывали взаимное доверие. Он нравился мне своим открытым, прямым характером, дружеской простотой, располагавшей к близким и простым товарищеским отношениям. Эта дружба, завязавшаяся во время долгого пути через Сибирь, окрепла на самом съезде.

После сообщения Ленина о тяжелом положении в Кронштадте и призыва направить часть делегатов съезда для усиления наших частей, приступающих к ликвидации Кронштадтского мятежа, и Фадеев и я, не сговариваясь, подали записки в президиум о том, что готовы добровольно ехать в Кронштадт.

Уже не помню сейчас, поехал ли ещё кто-нибудь из нашей дальневосточной делегации, во всяком случае, под Кронштадтом я встречался только с Фадеевым.

Во время съезда мы жили вместе в Третьем Доме Советов. Наши конки стояли рядом. Записавшись, мы поехали в Петроград в одном поезде. Между прочим, это был поезд Михаила Васильевича Фрунзе.

Там, в Петрограде, делегатов съезда распределили на два направления, часть на ораниенбаумское, а часть на сестрорецкое. И снова мы с Фадеевым оказались вместе — оба попали на Сестрорецкое направление. И там нас направили в одну группу, готовившую наступление на номерные форты Кронштадта. Лишь в этой группе мы оказались уже в разных подразделениях. Фадеев попал в пехоту, а я, как бывший артиллерист, — в артиллерию.

Положение было сложное, разговоры и настроения самые разные, некоторые курсанты отказывались наступать, а артиллеристы — стрелять. Правда, борьба с круп-

нокалиберной крепостной артиллерией и с восставшими линейными кораблями «Петропавловск» и «Севастополь», вооруженными двенадцатидюймовыми орудиями, была трудной. Прямого эффекта огонь нашей полевой артиллерии дать, конечно, не мог, но косвенный эффект был тоже важным делом. Наступавшая по льду пехота должна была чувствовать, что у нее есть поддержка. И вся наличная полевая артиллерия была привлечена для штурма мятежной крепости, главным образом для сопровождения огнем войск, пока они двигались по льду Финского залива

Наблюдательный пункт нашей батареи располагался на косе Лисий Нос. Где-то около этого Лисьего Носа мы и расстались тогда с Фадеевым, который ушел в пехоту политбойцом. А я остался, тоже политбойцом, в этой батарее.

Наступление оказалось очень тяжелым. Снег, лежавший поверх льда, растаял. Но под водой лед был ещё крепким. Мы начали наступление в темноте и в тумане, одетые в белые халаты. И все-таки восставшие обнаружили наступавшую в цепях пехоту и открыли по ней заградительный огонь с фортов и с кораблей. Канонада буквально глушила нас мощью бризантных двенадцатидюймовых снарядов. Это и на берегу не слишком приятно, когда хлопнет такая дура, в чьей воронке можно разместить целый двухэтажный дом, а на льду ещё чувствительнее.

Но самое трагичное заключалось не в том, что рвались тяжелые снаряды, а в том, что каждый снаряд, независимо от того, наносил или не наносил он поражение, падая на лед, образовывал огромную воронку, которую почти сейчас же затягивало битым мелким льдом, и она переставала быть различимой. В полутьме, при поспешных перебежках под огнем, наши бойцы то и дело попадали в эти воронки и тут же шли на дно.

Так нам с Фадеевым пришлось стать участниками небывалого в истории войн события, когда первоклассная морская крепость, дополнительно обороняемая линейными судами, была взята штурмом сухопутными войсками.

Это было нелегко. Но революционный энтузиазм был настолько велик, что все, буквально все, начиная от руководившего операцией Тухачевского и лично участвовавших в боях Ворошилова и Дыбенко до рядовых бойцов, в том числе и нас, политбойцов, делегатов съезда, горели одним желанием: поскорее покончить с мятежным Кронштадтом, ликвидировать этот мятеж, крайне неприятный и тревожный в тот исторический момент для всей Страны Советов.

В бою я Фадеева не видел. Каждый был увлечен своим делом, и пока мы до конца не выполнили задачу, пока не очистили Кронштадт, ни я, ни остальные не в состоянии были думать ни о чем другом.

После взятия Кронштадта, вернувшись на берег и попав на командный пункт дивизиона, я узнал: делегатам X съезда приказано возвратиться в Петроград. Наша миссия закончилась.

По дороге в Москву я много думал о только что пережитом, и мне казалось: коль мятеж подавлен, то и война уже закончена. Правда, там, на Дальнем Востоке, ещё оставались японцы и белогвардейцы, но возвращаться в Приморье мне уже не хотелось: я полагал, что отвоевал свое и вправе проситься на гражданскую мирную работу.

Именно это я и сказал в ЦК. Но со мной не согласились. «Нет, дорогой товарищ, направляйтесь в распоряжение ПУРа, а ПУР определит, куда и кем вам ехать».

ПУР определил это, и я так и остался на всю жизнь в армии.

Вернувшись из ЦК в Третий Дом Советов, я увидел, что делегаты-кронштадтцы ещё никуда не уехали. Съезд к этому времени закончил работу, но шел разговор о том, что вот-вот должно состояться для делегатов съезда, уезжавших в Кронштадт, специальное выступление Ленина. Возможности послушать Ленина мы ждали с воодушевлением и даже, сознаюсь, рассматривали это как заслуженную награду за наше пребывание под Кронштадтом.

И действительно, вскоре в Свердловском зале Ленин сделал нам сообщение о замене продрозверстки продналогом, по существу повторив тот основной доклад, который делал на съезде.

В переполненном зале было немало раненых с повязками.

Ильич обращался к нам, а мы слушали его и были вдвойне довольны: и тем, что выполнили в Кронштадте свою задачу, и тем, что сидим здесь живые и здоровые и слушаем Ленина.

Мы чувствовали, что впереди упорная борьба для проведения той линии, которая содержалась в докладе Ленина, и что в особенности решительно придется бороться с троцкистами. Дискуссия с ними развернулась ещё до съезда.

После выступления Ленина кто-то из нас предложил сфотографироваться. Владимир Ильич охотно согласился, мы вышли из здания правительства вниз, на улицу, и тут же сфотографировались.

Меня снова (все-таки) послали на Дальний Восток; я вернулся в дивизию, воевал там, пока не покончили со всей белогвардейщиной, и лишь в двадцать третьем году вместе с 17-м Приморским корпусом попал с Дальнего Востока на Украину.

Примерно в это время или, может быть, чуть позднее я прочитал в каком-то журнале первую напечатанную

вещь Фадеева. Но только после «Разгрома» я узнал, что неизвестный мне до этого писатель — тот самый Булыга, которого я хорошо знал.

«Разгром» на меня, как на человека, знавшего характер Гражданской войны на Дальнем Востоке, произвел своей правдивостью сильное впечатление, напомнил многих людей, с которыми я встречался.

Потом, когда я учился в Академии Фрунзе, мне пришлось выступить с целым докладом по «Разгрому». Надо сказать, сделал я его с большим внутренним волнением и помимо разговора о книге позволил себе некоторые личные воспоминания об авторе как о комиссаре бригады и делегате X съезда.

За двадцатилетие между Гражданской и Отечественной войнами я встретил Фадеева только один раз — на одном из съездов партии, и то мельком, не помню уж, почему так получилось.

И вот — Великая Отечественная война. Я команду 19-й армией. Развертываются бои под Смоленском и на Ярцевском направлении. В это время ко мне приехали три писателя — Александр Фадеев, Михаил Шолохов и Евгений Петров.

Наша встреча в эти очень тяжелые дни была, как я считаю, интересной. Для писателей она явилась полезной тем, что они увидели войну, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие её писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для нас большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это лишний раз подтверждало, что передовая советская интеллигенция готова до конца разделить участь своего народа и что она верит в окончательную победу.

Уезжая, все трое обещали записать о своих встречах с воинами 19-й армии. Правда, это обещание выполнил впоследствии только Евгений Петров, напечатавший в «Огоньке» очень теплую, хорошую корреспонденцию.

Второй раз во время войны я встретился с Фадеевым зимой 1942 года, когда командовал Калининским фронтом. Калинин был уже взят. Александр Александрович приехал ко мне на фронт в ходе дальнейшей наступательной операции.

Мне приходилось встречаться с Фадеевым и после войны, но сейчас я сознательно ограничиваюсь только теми воспоминаниями о нем, которые связаны с двумя войнами: Гражданской и Отечественной.

25 апреля

Армия Рыбалко и 128-й стрелковый корпус (командир генерал-майор П.Ф. Батицкий) 28-й армии Лучинского в течение всего дня вели ожесточенные бои в южной части Берлина. На долю танкистов выпала необычная для них задача — штурмовать укрепленный город, брать дом за домом, улицу за улицей.

Танкисты Рыбалко уже много раз овладевали крупными городами, причем почти всегда делали это методом маневра, обхода, вынуждая противника к отступлению или бегству. А здесь пришлось брать пядь за пядью, да ещё в условиях, когда немцы были обильно вооружены таким опасным для танков оружием, как фаустпатроны.

Напор танкистов увенчался успехом: к вечеру этого дня они продвинулись на три-четыре километра в глубь Берлина, очистив от немецко-фашистских войск районы Целендорфа и Лихтерфельде, и завязали бои за Штеблиц.

Жестокая борьба, в которой один штурм сменялся другим, потребовала от нас создания специальной боевой организации — штурмовых отрядов. В каждый такой отряд во время боев за Берлин входило от взвода до роты пехоты, три-четыре танка, две-три самоходки, две-три установки тяжелой реактивной артиллерии, группа сапёров с мощными подрывными средствами (а они, надо сказать, играли во время боев в Берлине особенно большую роль) и несколько орудий артиллерии сопровождения для работы прямой наводкой — 85- и 122-миллиметровые пушки, а также 152- и 203-миллиметровые пушки-гаубицы.

Чем дальше, тем все крепче и органичнее соединяли мы танкистов с пехотой. Танк в условиях городских боев поставлен в трудное положение. У него ограниченная видимость, особенно на узких улицах, в густонаселенных кварталах. А пехота видит шире, и во многих случаях она выручала танкистов. При всем мужестве танкисты сами по себе не в состоянии были добиться решительного успеха в уличных боях.

Пока Рыбалко дрался в Берлине, армия Лелюшенко продолжала вести бои за переправы через Хавель юго-восточнее Потсдама. 6-й гвардейский мехкорпус Лелюшенко форсировал Хавель и в двенадцать часов дня соединился с частями 328-й дивизии 47-й армии генерала Перхоровича. Теперь уже и западнее Берлина войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов вошли в непосредственную связь, плотно замкнув кольцо окружения. Соединившись, 6-й мехкорпус Лелюшенко вместе с 47-й армией Перхоровича продолжал наступление на Потсдам.

На крайнем правом фланге фронта армия Гордова вела ожесточенные бои против франкфуртско-губенской группировки.

Положение 9-й армии немцев, тесно зажатой теперь между двумя фронтами — 1-м Белорусским, наступавшим на нее с востока и с севера, и 1-м Украинским, стоявшим на её пути с юга и юго-запада, — становилось все более катастрофическим. Однако она ещё сохраняла боеспособность. 25 апреля произвела перегруппировку и продолжала прощупывать места, надеясь все ещё осуществить прорыв и пойти на соединение с армией Венка.

На западе армия Пухова и 5-й мехкорпус армии Лелюшенко на прежних рубежах продолжали вести бои с войсками армии Венка. Здесь на довольно широком фронте Венк развернул несколько пехотных дивизий, поддержанных танками.

Думаю, что ни командующий 9-й армией немцев, ни командующий их 12-й армией, ни командующий группой армий «Висла» не могли не видеть реального положения, заведомо делавшего несбыточными те планы, которые они так или иначе пытались выполнить.

В своих послевоенных сочинениях бывшие гитлеровские генералы, участвовавшие в этой операции, в том числе генерал Типпельскирх, все неразумные распоряжения того периода валяя главным образом на Гитлера, а отчасти на Кейтеля и Йодля.

В значительной мере это верно. В самом деле, Кейтель, приняв на первых порах участие в организации наступления армии Венка, успел дезинформировать, как говорится, обе стороны. Перед Венком он не раскрыл полностью того трагического положения, в котором уже оказались и окруженная 9-я, и полуокруженная севернее Берлина 3-я армия гитлеровцев, вселяя в него, таким образом, напрасные надежды. А докладывая Гитлеру, заведомо преувеличил реальные возможности армии Венка.

В результате Гитлер продолжал верить в исполнимость своих планов — в то, что соединенные усилия 9, 12 и 3-й армий ещё могут спасти его вместе с Берлином. Возможно, именно с этими надеждами и было связано его решение оставаться в Берлине. И, надо сказать, какие бы фантастические предпосылки у этого решения ни были, в нем имелась какая-то логика. По-прежнему, повторяю, у немцев теплились надежды на то, что в последний момент им удастся столкнуть нас с нашими союзниками.

Новые попытки армии Венка в районе Беелитц — Трёйенбрицен не увенчались успехом и 25 апреля. Атаки были яростные, но отражали мы их весьма успешно, неся при этом минимальные потери.

Генерал Рязанов, поддерживая в этот день 5-й гвардейский мехкорпус Ермакова, особенно удачно использовал своих штурмовиков. Они действовали волна за волной, как правило, на малых высотах, забрасывая наступающие немецкие танки мелкими противотанковыми бомбами. Теперь вражеские танковые части испытали то, что когда-то, в сорок первом и в сорок втором, испытывали наши танкисты, когда им не давала житья немецко-фашистская авиация.

Похоже было на то, что для Венка этот день стал днем психологического перелома. Он продолжал выполнять полученное приказание, но по его действиям чувствовалось, что крупной реальной цели за всем этим уже не стоит: наступали просто для отвода глаз.

Все попытки противника деблокировать Берлин, все его усилия разрезать 1-й Украинский фронт пополам и отсечь его ударную группировку от остальных войск к 25 апреля явно потерпели крах. Ни Гитлера, ни остатки его войск, гнездившихся под развалинами Берлина, ничто уже не могло вывести из западни, в которой они очутились.

На путях отступления гитлеровской армии столбы и деревья увешаны были трупами солдат, казненных якобы за трусость в бою, за самовольный отход с позиций. Я употребил слово «якобы» потому, что, по моим впечатлениям, немецкие солдаты дрались в этой обстановке упорно. Не Гитлер или Кейтель и Йодль, а именно они оставались в эти дни почти единственной реальной силой, оттягивающей на считанные дни и часы наступление неизбежного исхода.

Вешая своих солдат, фашистская верхушка стремилась хоть как-нибудь отдалить собственный конец. Я говорю в самом прямом смысле — о физической смерти. Потому что моральная её смерть уже давно наступила.

Что же сказать обо всем этом? Только то, что это было достаточно подло и достаточно безрассудно.

Непосредственно в самом Берлине оказалась окруженной довольно большая группировка немецко-фашистских войск численностью не менее двухсот тысяч человек. Она состояла из остатков шести дивизий 9-й армии, одной охранной бригады СС, многочисленных полицейских подразделений, десяти артиллерийских дивизионов, бригады штурмовых орудий, трех танковых истребительных бригад, шести противотанковых дивизионов, одной зенитной дивизии, остатков ещё двух зенитных дивизий и нескольких десятков батальонов фольксштурма. К тому же группировка каждый день боев в большей или меньшей мере пополнялась за счет населения.

Все население Берлина, которое можно было поднять на борьбу против наших наступающих войск, было поднято. В оружии оно недостатка не испытывало. Кроме того, гражданское население использовалось на оборонительных работах, а также в качестве подносчиков боеприпасов, санитаров и даже разведчиков.

Говоря о людях, сражавшихся с нами на улицах Берлина в гражданской одежде, следует отметить явление, характерное для самых последних дней войны и периода капитуляции: часть солдат и офицеров немецко-фашистской армии, стремясь избежать плена, переодевалась в гражданское и смешивалась с местным населением.

А в общем — в этом случае я опираюсь на данные органов разведки 1-го Белорусского фронта — цифра участников обороны Берлина в двести тысяч человек, думаю, не совсем точна. Вероятнее всего, она не выше, а ниже действительной.

25 апреля в Берлине шли ожесточенные бои. К исходу дня армия Чуйкова уже сражалась в юго-восточных кварталах центральной части Берлина, а в районе Мариендорфа соединилась своим левым флангом с армией Рыбалко. Рыбалко, усиленный тремя дивизиями армии Лучинского, очистил от противника юго-западные пригороды Берлина и теперь вел бои за пригород Шмаргендорф, наступая навстречу 2-й гвардейской танковой армии генерала Богданова. Лелюшенко продолжал воевать за Потсдам и Бранденбург.

Коротко хочу сказать о сложностях, которые возникли — и, добавлю, не могли не возникнуть — на этом этапе Берлинской операции в нашем взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом. Чем дальше продвигались войска обоих фронтов к центру Берлина, тем больше возникало трудностей, особенно в применении и нацеливании авиации.

Во время уличной борьбы в городе вообще очень сложно ориентировать точные удары авиации именно по тем объектам, которые в данный момент должны подвергнуться атаке. Все в развалинах, все окутано пламенем, дымом, пылью. Сверху вообще трудно разобрать где что.

По докладам Рыбалко я понял, что были отдельные случаи, когда он нес потери от ударов нашей авиации. Нелегко оказалось отличить, авиация какого именно фронта бьет по своим в сутолоке уличных боев.

А если на фронте вследствие тех или иных оплошностей вдруг ударяют по своим, да ещё наносят потери — это всегда воспринимается крайне остро и драматически. Особенно остро это воспринималось во время боев за Берлин, тем более что донесения такого рода в течение всего дня 25 апреля шли одно за другим, и, очевидно, не только ко мне, но и к Жукову.

Командующие обоих фронтов обратились в Ставку Верховного Главнокомандования с тем, чтобы внести ясность в вопросы, связанные с дальнейшей организацией взаимодействия войск, воюющих в Берлине, и исключить никому не нужные споры.

В результате директивой Ставки была установлена новая разграничительная линия, проходившая через Миттенвальде, Мариендорф, Темпельхоф, Потсдамский вокзал. Все эти пункты, как выражаются в военных документах, — включительно для 1-го Украинского фронта.

Это было вечером. К моменту установления разграничительной линии целый корпус Рыбалко и корпус Батицкого оказались далеко за её пределами, в полосе, которая теперь стала полосой 1-го Белорусского фронта. Предстояло вывести их из центра Берлина за разграничительную линию. Но легко сказать, а каково сделать. Каждый, кто воевал, поймет, как психологически трудно было Павлу Семеновичу выводить своих танкистов за установленную линию.

И в самом деле: они первыми вошли в прорыв, первыми повернули к Берлину, захватили Цоссен, форсировали Тельтов-канал, с окраин Берлина после жесточайших

и кровопролитных боев прорвались к его центру и вдруг в разгаре последней битвы получили приказ сдать свой участок соседу. Легко ли пережить это?

Конечно, приказ есть приказ, и его, разумеется, необходимо безоговорочно выполнить. Он и был выполнен, но далось это нелегко.

Как мы видим, день 25 апреля был полон крупных событий. Но самое крупное из них произошло не в Берлине, а на Эльбе, в 5-й гвардейской армии генерала Жадова, где 34-й гвардейский корпус генерала Бакланова встретился с американскими войсками. Именно здесь, в центре Германии, гитлеровская армия оказалась окончательно рассеченной пополам.

В Берлине, около Берлина и севернее его остались части 9, 12, 3-й танковых армий, а на юге — вся группа армий «Центр», находившаяся под командованием генерал-фельдмаршала Шернера.

Само соединение произошло в спокойной обстановке, без боев с противником; оно явилось результатом многолетней борьбы, ряда операций и сражений, которые приближали встречу на Эльбе. И наконец встреча состоялась.

Приведу короткую выписку из донесения, которое мы послали в Ставку:

«25 апреля сего года в 13.30 в полосе 5-й гвардейской армии, в районе Стрела, на реке Эльба, части 58-й гвардейской дивизии встретились с разведгруппой 69-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 1-й американской армии.

Того же числа в районе Торгау на реке Эльба головным батальоном 173-го гвардейского стрелкового полка той же 58-й гвардейской дивизии встретились с другой разведывательной группой 69-й пехотной дивизии 5-го американского корпуса 1-й американской армии».

Мне давно уже хотелось хотя бы коротко сказать о командующем 5-й гвардейской армией Алексее Семеновиче Жадове. Но видимо, уместнее всего это сделать теперь, когда, правда ещё не закончив своего боевого пути (ей предстояло идти на Прагу), его армия вышла на Эльбу и первой встретилась с американцами.

Впервые я встретил Алексея Семеновича Жадова в звании генерал-лейтенанта и в должности командующего 5-й гвардейской армией, когда в июне сорок третьего года принимал войска Степного фронта. До этого его армия в составе Донского фронта воевала под Сталинградом и, в частности, на заключительном этапе боев пленила основную массу так называемой северной сталинградской группировки немцев во главе с её командующим генерал-полковником Штреккером. Оттуда армия и прибыла к нам и, как весь Степной фронт, находясь в резерве, занималась боевой подготовкой.

Уже при первой встрече — во время поездки по участкам подготовленной армией обороны — Жадов произвел на меня положительное впечатление ясностью, определенностью и твердостью своих суждений.

Бывает так, что проникаешься к человеку уважением и доверием с первой же встречи и сохраняешь эти чувства потом навсегда. Так было и в моих отношениях с Жадовым. Доверие к нему ни разу не было у меня поколеблено в течение всей войны, которую мы вместе прошли, — сначала на Степном, потом на 2-м Украинском и, наконец, на 1-м Украинском фронтах. Сохранил я к нему это доверие и уважение и после войны, когда я был главнокомандующим Сухопутными войсками и имел возможность оценить его в роли своего первого заместителя.

В период битвы на Курской дуге Жадов лично как командарм и вся его армия в целом показали примерную

стойкость. Отражение 5-й гвардейской армией Жадова и 5-й танковой армией Ротмистрова немецкого удара под Прохоровкой, несомненно, было решающим событием во всей обстановке, сложившейся на южном фланге Курской битвы. Вскоре 5-я гвардейская вышла к Днепру и, форсировав его в районе Кременчуга, захватила плацдарм на том берегу.

В декабре сорок третьего года А.С. Жадов со своей армией участвовал в проведении Кировоградской операции. Операция была локальная, рассчитанная на то, чтобы ликвидировать обращенный в нашу сторону немецкий выступ и создать более выгодные условия для проведения последующей Корсунь-Шевченковской операции. Но эту локальную операцию пришлось проводить в тяжелых условиях, зимой, в декабре, столкнувшись при этом с очень сильной немецкой обороной, густо насыщенной танковыми войсками. 5-я армия Жадова выполнила главную задачу по прорыву обороны и освобождению Кировограда. Войска армии проявили большую стойкость и воинское умение. Им в значительной степени мы были обязаны общим успехом.

Когда в сорок четвертом году я был назначен командовать 1-м Украинским фронтом и при планировании крупной Львовско-Сандомирской операции фронту понадобились большие резервы, я обратился в Ставку с просьбой передать нам и армию Жадова (находившуюся к тому времени в резерве 2-го Украинского фронта на отдыхе и восстановлении). Ставка согласилась. После этого мы прошли с Алексеем Семеновичем весь последующий боевой путь до самого конца войны.

В дни Львовско-Сандомирской операции я долго удерживался от всяческих соблазнов ввести 5-ю гвардейскую из резерва для выполнения таких задач, которые, по зрело-

му обсуждению, можно было выполнить и без её участия. И, выдержав характер, ввел её в дело только тогда, когда подошел действительно решающий момент сражения: на Висле разгорелась ожесточеннейшая борьба за Сандомирский плацдарм.

Немцы стянули туда очень большое количество пехоты и танковых войск и упорно нажимали на нас. Положение было очень сложным, особенно на левом фланге.

Тут-то и сказала свое слово 5-я гвардейская под командованием Жадова. Она внесла резкий перелом в характер боев: с ходу смяла всю вражескую группировку, находившуюся перед нами на восточном берегу Вислы, расчистила путь к переправам и обеспечила их. Потом, переправившись сама на Сандомирский плацдарм, заняла там оборону на левом фланге.

Гитлеровцы трижды предпринимали массированные атаки нескольких танковых дивизий, 5-я гвардейская отбила их, показав под руководством своего командарма исключительную стойкость, тем более заслуживающую похвалы, что в числе танков противника кроме «фердинандов», «тигров» и «пантер» были впервые введены в бой «королевские тигры».

Алексей Семенович Жадов всегда глубоко продумывал все свои решения, отлично знал обстановку. То, что он решал, — решал обстоятельно и фундаментально. Причем эта фундаментальность не мешала его мобильности и оперативности, а, напротив, удачно сочеталась с ними.

В трудный послевоенный период, когда мы осуществляли мероприятия по перестройке армии, внимательно исследуя и обобщая опыт войны и закрепляя его в уставах и наставлениях, Жадов был незаменимым работником. Его знание сухопутных войск — я могу это смело утверждать — так глубоко и обстоятельно, как ни у кого другого.

Рассказывая о завершающих операциях Великой Отечественной войны, я с глубоким удовлетворением вспоминаю среди своих ближайших соратников Алексея Семеновича Жадова — талантливого командарма, подлинного труженика войны и настоящего мастера обучения и воспитания войск в мирное время.

26 апреля

Бои в самом Берлине продолжались днем и ночью, и я хочу здесь, не привязывая, так сказать, эти наблюдения к определенному дню, остановиться на характере обороны Берлина.

Мне приходилось встречаться с суждениями о том, что бои в Берлине можно было, дескать, вести с меньшей яростью, ожесточением и поспешностью, а тем самым с меньшими потерями.

В этих рассуждениях есть внешняя логика, но они игнорируют самое главное — реальную обстановку, реальное напряжение боев и реальное состояние духа людей. А у людей было страстное, нетерпеливое желание поскорее покончить с войной.

И тем, кто хочет судить об оправданности или неоправданности тех или иных жертв, о том, можно или нельзя было взять Берлин на день или на два позже, следует помнить об этом. Иначе в обстановке берлинских боев ровно ничего нельзя понять.

Как известно, с 24 апреля обороной Берлина командовал генерал артиллерии Вейдлинг, в прошлом командир 56-го танкового корпуса. Имперским комиссаром обороны Берлина был Геббельс, а общее руководство обороной осуществлял лично Гитлер — вместе с Геббельсом, Борманом и последним начальником своего генерального штаба Кребсом.

Геббельс возглавлял органы гражданской власти и был ответственным за подготовку к обороне гражданского населения города. Что касается Вейдлинга, то при вступлении в должность командующего обороной Берлина он получил от Гитлера достаточно категорический приказ: оборонять столицу до последнего человека.

Гитлеровцы готовили Берлин к прочной и жесткой обороне, рассчитанной на длительное время и построенной на системе сильного огня, опорных пунктов, узлов сопротивления. Чем ближе к центру города, тем оборона становилась плотнее. Массивные каменные постройки с большой толщиной стен приспособлялись к осадному положению. Окна и двери многих зданий заделывались; в них оставлялись лишь амбразуры для ведения огня.

Несколько укрепленных таким образом зданий образовывали узел сопротивления. Фланги прикрывались прочными баррикадами толщиной до четырех метров. Баррикады являлись одновременно мощными противотанковыми препятствиями. Для их сооружения использовались и дерево, и земля, и цемент, и железо. Особенно укреплялись угловые здания, позволявшие вести фланговый и косоприцельный огонь. Все это с точки зрения организации обороны было достаточно продумано. К тому же узлы обороны немцы насытили большим количеством фаустпатронов, которые в обстановке уличных боев оказались грозным противотанковым оружием.

В системе обороны врага немаловажное значение имели подземные сооружения, которых в городе насчитывалось больше чем достаточно. Бомбоубежища, тоннели метро, подземные коллекторы, водосточные канавы — вообще все виды подземных коммуникаций использовались и для маневра войск, позволяя перебрасывать группы под землей

с одного места на другое, и для доставки боеприпасов на передовую.

Пользуясь подземными сооружениями, противник причинял нам чрезвычайно много неприятностей. Случалось, наши войска возьмут тот или другой узел сопротивления, и, казалось бы, все здесь кончено; а неприятель по подземным ходам выбрасывает в наши тылы свои разведывательные группы и отдельных диверсантов и снайперов. Такие группы автоматчиков, снайперов, гранатометчиков и фаустников, появлявшиеся через подземные коммуникации, вели огонь по автомашинам, танкам, орудийным расчетам, следовавшим по уже захваченным улицам, рвали линии связи и создавали напряженную обстановку позади нашего переднего края.

Бои в Берлине потребовали большого искусства от начальников, непосредственно организовывавших бой на своем участке. Прежде всего от командиров полков и батальонов: нашими штурмовыми группами чаще всего руководили именно они.

Продвижение советских войск затруднялось ещё рядом обстоятельств. В Берлине, особенно в центральной его части, было много специальных железобетонных убежищ. Самые крупные из них представляли собой надземные железобетонные бункера, в которых мог помещаться крупный гарнизон от трехсот до тысячи солдат.

Отдельные бункера имели по шесть этажей, высота их доходила до тридцати шести метров, толщина покрытий колебалась от полутора до трех с половиной метров, а толщина стен, один-два с половиной метра, была практически недоступна для современных полевых систем артиллерии. На площадках бункеров обычно находилось несколько зенитных орудий, работавших одновременно и против авиации, и против танков, и против пехоты.

Эти бункера являлись своеобразными крепостями, вписанными в систему обороны внутри города, и насчитывалось их по всему Берлину около четырехсот. В городе было также настроено много железобетонных колпаков полевого типа, где могли сидеть пулеметчики. Наши солдаты, ворвавшись на площадь или территорию того или иного завода, фабрики, сплошь и рядом сталкивались с огнем, который немцы вели из таких железобетонных колпаков. Берлин имел также много зенитной артиллерии; и в период уличных боев она сыграла особенно большую роль в противотанковой обороне. Если не считать фаустпатронов, то большинство потерь в танках и самоходках мы понесли в Берлине именно от зениток врага.

Во время Берлинской операции гитлеровцам удалось уничтожить и подбить восемьсот с лишним наших танков и самоходок. Причем основная часть этих потерь приходится на бои в самом городе.

Стремясь уменьшить потери от фаустпатронов, мы в ходе боев ввели простое, но очень эффективное средство — создали вокруг танков так называемую экранировку, навешивали поверх брони листы жести или листового железа. Фаустпатроны, попадая в танк, сначала пробивали это первое незначительное препятствие, но за этим препятствием была пустота, и патрон, натываясь на броню танка и уже потеряв свою реактивную силу, чаще всего рикошетировал, не нанося ущерба.

Почему эту экранировку применили так поздно? Видимо, потому, что практически не сталкивались с таким широким применением фаустпатронов в уличных боях, а в полевых условиях не особенно с ними считались.

Особенно обильно были снабжены фаустпатронами батальоны фольксштурма, в которых преобладали пожилые люди и подростки.

Фаустпатрон — одно из тех средств, какие могут создать у физически не подготовленных и не обученных войне людей чувство психологической уверенности в том, что, лишь вчера став солдатами, они сегодня могут реально что-то сделать.

И надо сказать, эти фаустники, как правило, дрались до конца и на этом последнем этапе проявляли значительно большую стойкость, чем выдавшие виды, но надломленные поражениями и многолетней усталостью немецкие солдаты.

Солдаты по-прежнему сдавались в плен только тогда, когда у них не было другого выхода. То же следует сказать и об офицерах. Но боевой порыв у них уже погас. Оставалась лишь мрачная, безнадежная решимость драться до тех пор, пока не будет получен приказ о капитуляции.

А в рядах фольксштурма в дни решающих боев за Берлин господствовало настроение, которое я бы охарактеризовал как истерическое самопожертвование. Эти защитники Третьего рейха, в том числе совсем ещё мальчишки, видели в себе олицетворение последней надежды на чудо, которое вопреки всему в самый последний момент должно произойти.

Распоряжения же Гитлера в этот период, все его усилия деблокировать Берлин, все отданные на этот предмет приказания — и Венку, и Буссе, и командующему 3-й армией, и Шернеру с его группой войск, и гросс-адмиралу Дёницу, который по идее должен был прорваться к Берлину с моряками, — все это при сложившемся соотношении сил не имело под собой реальной базы.

Но в то же время неправильно было бы рассматривать такие попытки, как заведомый абсурд. Это мы своими действиями (и предшествовавшими, и теми, которые развертывались уже в ходе боев за Берлин) сделали их нереаль-

ными. Замыслы Гитлера не рухнули бы сами собой. Они могли рухнуть только в результате нашего вооруженного воздействия. Именно успехи советских войск, добытые в нелегких боях за Берлин, с каждым днем, с каждым часом все более обнажали иллюзорность последних надежд, планов и распоряжений Гитлера.

При ином характере действий с нашей стороны эти приказы и планы могли бы оказаться не столь фантастическими. Об этом вовсе не следует забывать.

К 26 апреля мы стали «захлопывать» все больше и больше окруженных частей и в районе Берлина, и в районе франкфуртско-губенской группировки. Среди пленных появились командиры полков и бригад, командиры дивизий, штабные офицеры.

Лично допрашивать кого бы то ни было из них я был не в состоянии, но теми данными, которые фиксировала при допросах наша разведка, разумеется, интересовался. И чаще всего разочаровывался полученными сведениями. Пленные были настолько ошеломлены событиями, что от них трудно было услышать что-либо вразумительное. Были и такие, что старались сделать вид, будто они знают обстановку, но на самом деле не знали ее.

С точки зрения общего положения я в эти дни знал обстановку в лагере противника гораздо шире, чем захваченные нами в плен немецкие генералы и штабные офицеры. Различная информация и радиоперехваты позволяли представить довольно выразительную картину. К ней мало что могли добавить показания пленных даже в больших чинах.

26 апреля мы продолжали освобождать заключенных, находившихся в различных лагерях, расположенных возле Берлина. Их было все больше и больше. Многих военнопленных и иностранных рабочих мы освободили в районе

заводов, в том числе и подземных, вокруг Котбуса: там их было немало. А недалеко от Берлина танкисты Лелюшенко освободили бывшего премьер-министра Франции Эдуара Эррио — человека, который ещё в двадцатые годы был одним из первых сторонников франко-советского сближения.

Сообщение об этом меня очень обрадовало, и, несмотря на все напряжение этого дня, я сумел выкроить время для встречи с Эррио.

Когда его привезли на наш командный пункт, я прежде всего постарался доставить ему то элементарное удовольствие, в котором особенно нуждается человек, только что вышедший из немецкого концлагеря: приказал подготовить походную баню и подыскать всю необходимую экипировку, чтобы он мог переодеться, перед тем как отправиться дальше, в Москву.

Эррио был сильно истощен, но, несмотря на все пережитые испытания, в нем, далеко уже не молодом человеке, чувствовались внутренняя сила, бодрость и энергия.

Разговор наш касался главным образом хода и характера войны. Эррио выражал удовлетворение действиями Красной Армии, горячо хвалил лейтенанта, который первым явился к нему в лагерь и произвел на него большое впечатление своей заботливостью и вниманием.

Он был счастлив и в разговоре со мной, не скрывая, радовался тому, что его освободили именно русские войска, подчеркнув при этом, что для него это лишнее подтверждение того, насколько он был прав, делая ставку на союз с Россией.

Разговор был недолгим, так как я понимал состояние своего собеседника и опасался за его здоровье. После краткого отдыха Эррио специальным самолётом был отправлен в Москву.

27 апреля

Весь этот день Рыбалко продолжал наступать в Берлине на север и северо-запад, имея в своем оперативном подчинении три дивизии армии Лучинского.

Танковая армия Лелюшенко после того, как она совместными усилиями с 47-й армией Перхоровича ликвидировала потсдамскую группировку противника, вела теперь бои с немецко-фашистскими войсками, оборонявшимися на острове Ванзее. На этом небольшом острове скопилось изрядное количество немецких войск, как выяснилось после их разгрома и пленения, — около двадцати тысяч.

Я был крайне недоволен в тот день Лелюшенко за то, что он долго возится с этой вражеской группировкой, отвлекающей его войска от Берлина. Но по-своему он был прав. Двадцатитысячной группировкой нельзя было пренебрегать. Даже если она требовала отвлечения сил от Берлина.

К 27 апреля в результате действий глубоко продвинувшихся к центру Берлина армий 1-го Белорусского фронта и действий армий нашего фронта берлинская группировка врага вытянулась в городе узкой полосой с востока на запад — шестнадцать километров в длину и два-три, в некоторых местах пять километров, в ширину. Теперь вся занимаемая ею территория находилась под непрерывным воздействием нашей артиллерии.

Одновременно с этим продолжались бои по ликвидации франкфуртско-губенской группировки. Со всех сторон ей наносили концентрические удары пять общевойсковых армий: 3, 69, и 33-я 1-го Белорусского фронта, а также 3-я гвардейская армия Гордова и часть сил 28-й армии Лучинского 1-го Украинского фронта. Разгром группи-

ровки с воздуха был возложен на входившую в наш фронт 2-ю воздушную армию Красовского.

Все три армии 1-го Белорусского фронта большими силами и с большой энергией били по немецкой группировке с севера, северо-востока и востока. Они пытались рассечь своими ударами группировку, но немецко-фашистские войска все время выскальзывали из-под их ударов и, сжимаясь как пружина, в свою очередь жали на армии нашего фронта, стоявшие на их пути и преграждавшие им дорогу на юго-запад.

И чем сильнее на них нажимали и били их сзади, тем с большей энергией они прорывались вперед — в наши тылы. Каждый удар, нанесенный им сзади, вызывал как бы отзвук в их ударе по нам, здесь, впереди. Уплотняя свои боевые порядки, противник обрушивался на нас активнее и активнее. И ничего иного не приходилось от него ждать. Кроме капитуляции, у него не оставалось никакого иного выхода. Правда, противник мог попытаться пройти через наши боевые порядки и соединиться с Венком.

В этом и заключалось своеобразие обстановки. Действия против других окруженных группировок — скажем, сталинградской или корсунь-шевченковской — производились концентрическими ударами, сходящимися к центру. Здесь было совершенно другое. Сама по себе группировка была активна и подвижна. Она стремилась во что бы то ни стало прорваться и выполняла эту задачу всеми силами и средствами. А поскольку она пробивалась на нас, то и наше положение становилось от этого довольно трудным.

На время боев немецко-фашистским войскам удалось дважды прорвать кольцо окружения. Прорвали один раз — были остановлены. Прорвали второй раз и в результате последовательно нанесенных ударов продвинулись довольно

далеко, в район Беелитца, где им к 1 мая оставалось каких-нибудь пять километров для соединения с продолжавшими атаки с запада войсками армии Венка.

Во время этого двойного прорыва гитлеровцы, однако, не смогли пойти по нашим тылам. Они прорывались, их зажимали, окружали; они снова прорывались, их снова зажимали; они двигались постоянно в кольцо наших войск. Но как бы то ни было, пример этих боев лишний раз доказывает, что даже в самых тяжелых условиях двести тысяч бойцов — это двести тысяч, тем более когда они целеустремленно и отчаянно пробиваются к своей конечной цели.

В район Беелитца из этих двухсот тысяч прорвались около тридцати, прорвались и вновь попали под удары наших войск.

Чтобы не выпустить их, нам пришлось, продолжая драться перевернутым фронтом с Венком — фронтом на запад, а 3-й гвардейской армии Гордова — фронтом на восток и северо-восток, повернуть часть войск 5-го гвардейского мехкорпуса фронтом также на восток и привлечь часть сил 13-й и 28-й армий, несколько бригад 3-й гвардейской танковой армии и некоторые другие части, вплоть до оказавшегося под руками мотоциклетного полка. Активно действовали на бреющем полете и штурмовики генерала Рязанова...

Каждому советскому солдату и офицеру очень хотелось дожить до недалекого уже дня победы, за их плечами остались годы долгой и трудной войны, но и в этих её последних боях они, не задумываясь, шли на смерть во имя победы над фашизмом.

Десятки раз гитлеровцы пытались прорваться через позиции 530-го истребительно-противотанкового полка 28-й армии. Иногда им удавалось достичь орудий, и тогда

у наших артиллеристов в ход шло все, вплоть до армейских пожей. Артиллеристы показали исключительную стойкость и мужество. Раненые не уходили с позиций. Личный состав четвертой батареи во главе с капитаном Павлом Волковым дрался до последнего. Все здесь погибли, но не отступили ни на шаг. Одним из последних погиб сам командир батареи, он подорвался противотанковой гранатой вместе с группой бросившихся на него фашистов.

В шестой батарее, которой командовал старший лейтенант Салаварь, также погиб весь офицерский состав, а из бойцов остались в живых лишь несколько раненых. Самоотверженно дрались и батареи капитана Чигрина, старшего лейтенанта Варягова.

Мужество и героизм проявил весь личный состав полка. Своим огнём 530-й иптап уничтожил около двух тысяч фашистов. Из его состава к званию Героя Советского Союза было представлено 13 человек, в том числе 6 посмертно.

Без малого двадцать лет спустя, в 1962 году, будучи в Берлине и посетив район Барута, я ещё видел в окрестных селах следы этого побоища. В лесу валялись проржавевшие каски, остатки оружия; в одном из озер, в свое время заваленном трупами, так и нельзя было пользоваться водой. Все напоминало о последних днях прорыва остатков 9-й немецкой армии, в котором бессмысленность жертв сочеталась с мужеством отчаяния и мрачной решимостью обреченных на гибель.

Западные историографы порой явно преувеличивают силы тех, кому из 9-й немецко-фашистской армии удалось ко 2 мая прорваться из окружения на запад. Некоторые историки даже утверждают, что вышло от двух до трех десятков тысяч человек. Конечно, это сильно преувеличено. Я, как командующий, могу засвидетельствовать, что в ночь на 2 мая на запад не столько прорвались, сколько

просочились через леса на разных участках фронта лишь немногие разрозненные группы — вряд ли больше трех-четырех тысяч человек.

Борьба с франкфуртско-губенской группировкой и её ликвидация потребовали десяти дней боев, считая с момента осуществления оперативного окружения — с 22 апреля. Ликвидация группировки проводилась главным образом не в районе первоначального окружения, а в процессе дальнейшей борьбы с нею, во время её попыток прорыва на запад, то есть в движении и маневрировании.

Не имея выбора в условиях, фактически безнадежных, противник принимал самые отчаянные и неожиданные решения. Он осмеливался идти на прорыв там, где при других обстоятельствах не рискнул бы этого делать. Надо сказать, что компактное расположение сильной неприятельской группировки в кольце на сравнительно ограниченной площади позволяло ей быстро создавать на нужных направлениях ударные силы, добиваясь короткого, но решающего превосходства на узких участках прорыва. Этому способствовали и большие лесные массивы в районе окружения, где неприятель мог совершать перегруппировки более или менее скрытно.

От нас требовалось быстрое маневрирование и искусство в использовании резервов, чтобы немцы даже при временном успехе не могли получить свободы маневра. Мы относились ко всему происходящему здесь с достаточным хладнокровием. Для нас главными были бои в районе Берлина. Не проявляя излишней нервозности, мы отводили ликвидации франкфуртско-губенской группировки такое место, которое соответствовало её значению в общей ситуации, не больше и не меньше.

Немало поработала там и авиация. Участвуя в ликвидации группировки, летчики 1-го Украинского фронта сде-

дали две тысячи четыреста пятьдесят девять штурмовых и тысяча шестьсот восемьдесят три бомбардировочных самолёто-вылета.

Особенно хорошо при ликвидации группировки сражалась наша артиллерия. Даже в тех случаях, когда немецко-фашистские войска крупными силами выходили непосредственно на её позиции, она не отступала, а принимала их на прямую наводку, на картечь, с классическим мужеством выполняя свою задачу.

Сравнивая действия 12-й армии Венка и 9-й армии противника, прорывавшейся ему навстречу, должен сказать, что это сравнение в моих глазах в пользу 9-й армии. Венк, получив сильные удары в первых же боях, в дальнейшем продолжал воевать, если так можно выразиться, по протоколу, только бы выполнить приказ, и не больше. А 9-я армия, пробиваясь из окружения, действовала смело, напористо, дралась насмерть. И именно таким решительным характером своих действий доставила нам немало неприятностей и трудностей в последние дни войны.

28 апреля

С ликвидацией вражеского плацдарма в районе Шпандау — Вильгельмштадт и выходом 47-й армии 1-го Белорусского фронта на реку Хавель, от Потсдама до Шпандау, прорыв окруженной в Берлине группировки на запад стал практически невозможным. К тому же гитлеровцы в Берлине начали испытывать острый недостаток в продовольствии и особенно в боеприпасах. Склады их в основном были расположены в уже захваченных нами пригородах Берлина. Наблюдались попытки снабдить окруженные немецкие войска боеприпасами по воздуху. Но это ни к чему не привело. Почти все транспортные самолёты, шедшие на

Берлин, были сбиты нашей авиацией и зенитной артиллерией ещё на подходах к городу. Весь этот день войска обоих фронтов продолжали вести напряжённые уличные бои.

Командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг решился доложить Гитлеру план прорыва немецко-фашистских войск из Берлина на запад.

В своем докладе Вейдлинг указывал, что эти войска смогут воевать в городе не больше двух суток и после этого вообще останутся без боеприпасов. Он планировал осуществить прорыв южнее Винкенштадта, вдоль Андерхеештрассе на запад тремя эшелонами.

В первый предполагалось включить части 9-й авиаполевой дивизии и 18-й моторизованной дивизии, усиленных основной массой танков и артиллерии, ещё оставшихся в распоряжении немцев.

Во втором эшелоне намечался прорыв группы «Монке» в составе двух полков и батальона морской пехоты. Этот батальон гросс-адмирал Дёниц ещё 26 апреля перебросил в Берлин по воздуху. Со вторым эшелоном должна была прорываться и сама гитлеровская ставка.

В третьем эшелоне, прикрывая прорыв, планировалось движение остатков танковой дивизии «Мюнхенберг», боевой группы «Беенфенгер», остатков 11-й моторизованной дивизии СС «Нордланд» и частей 79-й авиаполевой дивизии.

Но Гитлер не дал согласия на этот план.

Сопоставляя этот план с обстановкой, сложившейся к 28 апреля, я считаю, что он уже был совсем нереален. Строго говоря, предложение совершить отчаянную, можно даже сказать безумную, попытку в условиях, когда такой разумный выход, как капитуляция, по-прежнему отвергался, а никакого третьего выхода не оставалось, было бессмысленным...

Армия Рыбалко ещё накануне получила задачу в течение 28 апреля во взаимодействии с 20-м корпусом армии Лучинского полностью овладеть юго-западной частью Берлина и выйти на рубеж Ландвер-канала и юго-западнее его.

После произведенной за ночь перегруппировки войска Рыбалко вслед за короткой артиллерийской подготовкой перешли в наступление. 9-й мехкорпус Сухова во взаимодействии с 61-й дивизией армии Лучинского наступал в общем направлении на парк Генриха V — Викторияштрассе с тем, чтобы к вечеру 28 апреля овладеть рубежом Ландвер-канал.

На этот же рубеж предполагалось вывести и 6-й гвардейский танковый корпус Рыбалко с 48-й гвардейской стрелковой дивизией Лучинского. 7-й гвардейский танковый корпус Рыбалко с 20-й дивизией Лучинского наступал на Тиргартен и к концу дня должен был овладеть Аквариумом, ипподромом и западной частью парка Тиргартен.

Тем временем сосед Рыбалко справа — 8-я гвардейская армия Чуйкова — в течение первой половины дня решительно продвинулся на запад, вплоть до южного берега Ландвер-канала, и вышел к Антгальскому вокзалу, Лютовплацу и к перекрестку Плацштрассе и Маассенштрассе.

Учитывая продвижение войск Чуйкова на запад и стремясь не допустить в условиях уличных боев перемешивания наших частей с частями 1-го Белорусского фронта, я приказал Лучинскому и Рыбалко после выхода на Ландвер-канал повернуть свои наиболее далеко продвинувшиеся части на запад и в дальнейшем продолжать наступление в новой, установленной к этому времени, полосе действий 1-го Украинского фронта.

Телефонный разговор, который я имел по этому поводу с Павлом Семеновичем, был довольно неприятным. Он

заявил, что ему непонятно, почему корпуса, уже нацеленные на центр города, по моему приказу отворачиваются западнее, меняют направление наступления.

Я хорошо понимал переживания командарма, но мне оставалось только ответить, что наступление войск 1-го Белорусского фронта на Берлин проходит успешно, а центр Берлина по установленной разграничительной линии входит в полосу действий 1-го Белорусского фронта.

Зная Рыбалко, должен сказать, что его недовольство объяснялось не тем, что он рвался взять ещё несколько улиц и площадей, чтобы прославить свое имя. Он и так прославил себя. Но, находясь на поле боя, в самой гуще его, и видя прямую возможность ещё чем-то помочь быстрейшему очищению Берлина, он буквально должен был пересилить себя, чтобы выполнить мой приказ.

И я не склонен его осуждать за эти хорошо понятные мне личные переживания.

Что касается моих собственных соображений, то я считаю: установить в этот период точную разграничительную линию между двумя фронтами было необходимо. Следовало исключить всякую возможность путаницы, потерь от своего огня и прочих неприятностей, которые бывают связаны с перемешиванием войск, да ещё в условиях уличных боев. Я принял поправки, сделанные в разграничительной линии между фронтами, как должное и считал их продиктованными высшими интересами дела.

Войска 1-го Белорусского фронта к этому моменту уже не нуждались ни в чьем содействии для выполнения поставленных задач. Теперь была совершенно иная ситуация, чем та, которая сложилась в первые дни, когда прорыв 1-го Белорусского фронта происходил с серьёзными затруднениями и желательность и даже прямая необходи-

мость поворота танковых армий 1-го Украинского фронта на Берлин была обусловлена сложившейся обстановкой.

Каковы бы ни были переживания тогда, исторические события, связанные с последними днями боев за Берлин, не должны оставить никакого осадка у их участников.

Сохранение боевой дружбы и товарищества между фронтами в любой обстановке и при любых обстоятельствах куда важнее, чем чье бы то ни было личное самодлюбие. Полагаю, что даже в тот психологически трудный момент, несмотря на переживания, это отлично понимали и Лучинский, и Рыбалко. Во всяком случае, они доказали это всеми своими последующими действиями.

28 апреля во время своего наступления на Шарлоттенбург 7-й гвардейский корпус Рыбалко, нанося главный удар на своем правом фланге, оставил в центре и на левом фланге только одну 56-ю гвардейскую танковую бригаду. К этому времени в зоне действий этой бригады соединились три группировки немцев, оттесненных сюда из разных районов, — около двадцати тысяч человек с некоторым количеством танков и штурмовых орудий.

Почувствовав ослабление наших сил на левом фланге, эта группировка ожесточенными атаками оттеснила части 56-й гвардейской танковой бригады и, заставив их отойти, устремилась к реке Хавель. Но западный берег реки был уже занят частями 47-й армии Перхоровича, и, напорвшись на их жесткую оборону, немецкая группировка закончила свое существование, так и не сумев переправиться через Хавель.

Одновременно с этими событиями 10-й гвардейский танковый корпус Лелюшенко вместе с 350-й дивизией армии Пухова продолжал борьбу с тоже довольно большой, примерно двадцатитысячной, группировкой врага на острове Ванзее. Весь этот день Лелюшенко готовился

к форсированию протоки южнее острова. Его 10-й гвардейский танковый корпус был усилен понтонными частями, батальоном танков «амфибия», двумя инженерно-штурмовыми батальонами и соответствующей артиллерией усиления.

В ночь на 29 апреля в двадцать три часа, после короткого огневого налета, танкисты Лелюшенко и пехота Пухова начали форсирование протоки и уже в полночь захватили первый плацдарм на северном берегу. Едва был захвачен плацдарм, как сразу же приступили к наводке понтонного моста.

Откровенно говоря, не очень мне была по душе эта переправа. Вообще, действуя в этом районе, изрезанном островами и протоками, танки оказывались в очень невыгодном положении. Но поскольку корпус уже втянулся в бои за Ванзее и переправа для него была подготовлена, мне оставалось только согласиться с этим планом. Менять его было поздно.

В итоге боев 28 апреля положение противника в Берлине значительно ухудшилось. Удары войск 1-го Белорусского и нашего фронтов с юга приближали час расчленения окруженной вражеской группировки на три части.

Уже несколько раз казалось, что узкие горловины, соединяющие эти группировки, вот-вот будут ликвидированы. Горловина между группировкой, зажатой в северной части Берлина, и группировкой в районе парка Тиргартен сузилась всего до тысячи двухсот метров. Другая была ещё уже — всего пятьсот метров.

И только наличие широко развитой сети подземных путей сообщения и других подземных коммуникаций всё ещё позволяло неприятелю своевременно маневрировать оставшимися небольшими резервами и перебрасывать их из одного района в другой.

Бои за Берлин близились к концу.

На Эльбе наши войска уже три дня как соединились с американцами. Южнее, на Дрезденском направлении, контратаковавшие нас немецкие части были окончательно остановлены, И только на юге оставалась последняя, ещё не разбитая крупная немецко-фашистская группировка — группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Шернера и группа «Австрия», по-прежнему занимавшая часть Саксонии и большую часть Чехословакии и Австрии.

Как ни велико было напряжение боев за Берлин и как ни многообразны были задачи, стоявшие перед 1-м Украинским фронтом, однако, чем дальше, тем чаще приходилось вспоминать о существовании группы армий Шернера, находившейся на нашем левом крыле и южнее, за пределами его, перед нашими соседями — 2-м и 4-м Украинскими фронтами.

Поэтому не могу сказать, что звонок из Ставки, связанный с этой ещё не решенной проблемой, застал меня врасплох.

Сталин спросил:

— Как вы думаете, кто будет брать Прагу?

Оценивая обстановку и зная, что войска 1-го Украинского фронта, по существу, нависли над Чехословакией и вскоре начнут освобождаться после выполнения задачи, связанной с Берлином, я понимал, что положение нашего фронта, видимо, будет выгодно использовать в связи со сложившейся обстановкой.

Несмотря на жестокие бои и значительные потери, наши армии ещё имеют большую ударную силу и, следовательно, могут совершить быстрый маневр с севера на юг и нанести удар западнее Дрездена — на Прагу. Прикинув все это ещё раз, я доложил Верховному Главнокомандую-

шему, что, по-видимому, Прагу придется брать войскам 1-го Украинского фронта.

Бои за Берлин были ещё не завершены, нам предстояло трое с половиной суток драться в городе, сделать все от нас зависящее, чтобы не выпустить на запад франкфуртско-губенскую группировку, но одновременно со всем этим необходимо было в короткий срок подготовить и представить в Ставку свои соображения об участии войск нашего фронта в будущей, Пражской, операции. Одно ещё далеко не кончилось, а другое уже начиналось...

29 апреля — 2 мая

Последняя разграничительная линия между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов была установлена Ставкой с двадцати четырех часов 28 апреля. До Мариендорфа она оставалась прежней, а затем шла через станцию Темпльхоф, Виктор-Луизе-плац к станции Савиньи и далее по железной дороге к станциям Шарлоттенбург, Весткройц и Рулебен.

В связи с этим нам пришлось 29 апреля выводить из центральных районов Берлина те части 3-й танковой армии Рыбалко и 28-й армии Лучинского, которые оказались за этой линией. Мы ставили перед ними задачу наступать в своей полосе из южной части Шенеберга в направлении станции Савиньи.

Перегруппировка некоторых частей Рыбалко и Лучинского, занимавших свою полосу наступления, сочеталась в этот день с продолжавшимися в Берлине ожесточенными боями. Наступая в северном и северо-западном направлениях, войска Рыбалко и Лучинского заняли с жестокими боями ещё несколько кварталов города. В это же время 10-й гвардейский танковый корпус армии Лелюшенко

и 350-я дивизия армии Пухова продолжали воевать на острове Ванзее, захватив его юго-западную часть.

6-й мехкорпус армии Лелюшенко после того, как он вместе с частями 1-го Белорусского фронта овладел Потсдамом, был направлен теперь в район Михендорф. Ему была поставлена задача наступать на Бранденбург с востока. Развивая наступление, этот корпус столкнулся с частями армии Венка, которые на разных участках все ещё пытались прорваться к Берлину. Встреча была, как говорится, незапланированной, но успешной для нас: эти части армии Венка были разбиты и отброшены.

5-й мехкорпус армии Лелюшенко, по-прежнему занимавший рубеж Беелитц — Трёйенбрицен, в течение дня успешно отбил несколько ожесточенных атак армии Венка, вновь упрямо пытавшейся прорваться к Берлину и на этом участке. Атаки её были весьма настойчивыми, но положение нашего 5-го мехкорпуса стало к тому времени уже гораздо прочнее, чем было раньше. К его левому флангу подошли вплотную части армии Пухова. Кроме того, танкисты получили солидную артиллерийскую поддержку, да и имели уже в своем втором эшелоне кое-какие резервы. Так что теперь дело у них шло веселее, хотя Венк упорствовал и продолжал слепо выполнять приказ Гитлера.

Напористость Венка, стремившегося во что бы то ни стало пробиться к Берлину на выручку окруженной там группировки и самого Гитлера, реально ни к чему не привела и не принесла никаких лавров ни ему, ни его армии.

Я, как и всюду до этого, говорю о действиях войск в полосе наступления 1-го Украинского фронта. Но для того чтобы оценить ту меру замешательства и растерянности, в которых находились к вечеру 29 апреля руководители гитлеровской армии и государства, следует напомнить, что к концу этого дня войска нашего соседа — 1-го Бело-

русского фронта — вели бои уже в самом центре города и подходили к Рейхстагу и к имперской канцелярии.

Венк так и не прорвался к Берлину. Франкфуртско-губенская группировка доживала считанные часы. У Гитлера к концу этого дня были вполне достаточные основания, чтобы окончательно потерять веру в будущее

Командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг в своих показаниях заявил о том, что вечером 29 апреля, после полуторачасового доклада Гитлеру о невозможности продолжать сопротивление в Берлине, Гитлер всё-таки не принял окончательного решения, но дал принципиальное согласие оставить Берлин и попытаться вырваться из окружения в том случае, если за ближайшие сутки не удастся наладить доставку боеприпасов и продовольствия воздушным путем в центр Берлина.

Думается, однако, что эта оттяжка окончательного решения ещё на сутки была не проявлением воли к борьбе, а, наоборот, свидетельствовала о растерянности и боязни до конца смотреть правде в глаза.

30 апреля войска обоих фронтов продолжали вести ожесточенные бои в Берлине, уничтожая окруженную вражескую группировку. Чем больше сужалась территория, занятая противником, тем сильнее уплотнялись его боевые порядки и увеличивалась плотность огня.

Гитлер в течение 30 апреля все ещё колебался. В четырнадцать тридцать он предоставил генералу Вейдлингу свободу действий и разрешил осуществить попытку прорыва из Берлина. А в семнадцать часов восемнадцать минут Вейдлинг получил новое распоряжение Гитлера, которое отменяло предыдущее и вновь подтверждало задачу оборонять Берлин до последнего человека. Гитлер метался, но Берлинский гарнизон продолжал ожесточенно сопротивляться и упорно дрался за каждый квартал, за каждый дом.

В полосе наступления нашего фронта армия Рыбалко и армия Лучинского жали своим правым флангом на северо-запад, занимая все новые кварталы Берлина и одновременно пресекая участвовавшие попытки отдельных групп противника просочиться и вырваться из Берлина, уйти навстречу Венку.

Части армий Лелюшенко и Пухова, продолжая в этот день бои на острове Ванзее, ворвались в город Ноль-Бабельсберг. В центре и в юго-восточной части острова сопротивление врага было уже сломлено, он стал сдаваться в плен, но на самом юго-востоке острова по-прежнему шли ожесточенные бои, и в ночь на 1 мая около шести тысяч немецко-фашистских солдат и офицеров переправились с острова на южный берег протоки.

Создалась своеобразная ситуация, наши войска основными силами переправлялись на остров, а гитлеровцы остатками сил перебрались с острова на материк, туда, откуда ушли наши основные силы, оставив там только слабое прикрытие. Считаю нелишним привести эту деталь как характерную. Немцы, уже явно обреченные в эти дни на поражение, продолжали, однако, упорно драться, используя каждую нашу оплошность. И в данном случае использовали ее, надо признать, весьма удачно.

В целом же к концу дня 30 апреля положение берлинской группировки врага стало безнадежным. Она оказалась фактически расчлененной на несколько изолированных групп. Имперская канцелярия, из которой осуществлялось управление обороной Берлина, после потери узла связи главного командования, находившегося в убежище на Бендерштрассе, лишилась телеграфно-телефонной связи и осталась только с плохо работающей радиосвязью.

В этот вечер передовые части 8-й гвардейской армии Василия Ивановича Чуйкова находились уже всего в вось-

мистах метрах от имперской канцелярии. Прошел слух об исчезновении Гитлера и о его самоубийстве. До нас эти сведения дошли 1 мая из информации, полученной от 1-го Белорусского фронта.

Преемники Гитлера направили для переговоров в войска 1-го Белорусского фронта начальника штаба сухопутных войск генерала Кребса. Все вопросы, связанные с переговорами, прекращением военных действий в Берлине и последующей капитуляцией немецко-фашистских войск, по указанию Ставки решались командующим 1-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. Командование и штаб 1-го Украинского фронта в проведении и завершении этих переговоров не участвовали, а только получали о них необходимую информацию.

Хотя переговоры начались, тем не менее продолжались ожесточенные бои.

В полосе 1-го Украинского фронта армии Рыбалко и Лучинского в течение всего 1 мая очищали от противника районы Вильмерсдорфа и Халензее и заняли за этот день девяносто кварталов. 10-й гвардейский танковый корпус армии Лелюшенко и 350-я дивизия армии Пухова покончили с вражеской группировкой на острове Ванзее. Шесть тысяч неприятельских солдат и офицеров, переправившихся в ночь на 1 мая с острова на материк, были по частям уничтожены или пленены в расположении различных частей армии Лелюшенко. Одна из этих групп — самая большая, около двух тысяч человек, — утром 2 мая вышла в лес северо-западнее Шанкенсдорфа, как раз туда, где в это самое время располагался штаб Лелюшенко. Сначала завязался бой между этой группой и охраной штаба армии, потом к месту схватки подоспели 7-й гвардейский мотоциклетный полк и другие находившиеся поблизости части.

Отражением этого неожиданного нападения немцев на штаб армии пришлось руководить самому командарму Дмитрию Даниловичу Лелюшенко. История достаточно типичная для первого периода войны и, пожалуй, единственная в своем роде в её последние недели и месяцы. После двухчасового боя эта немецкая группа была уничтожена и пленена.

В восемнадцать часов 1 мая, после того как Геббельс и Борман отклонили наши требования о безоговорочной капитуляции, войскам обоих фронтов был отдан приказ продолжать штурм Берлина. В восемнадцать часов тридцать минут вся артиллерия советских войск, действовавших в Берлине, нанесла одновременный мощный огневой удар по немцам. После этого удара боевые действия не прекращались всю ночь на 2 мая.

Наши войска, пробиваясь навстречу друг другу через разрушенные кварталы Берлина, соединились в течение ночи в нескольких пунктах. Части 28-й армии Лучинского и 3-й танковой армии Рыбалко в районе станции Савиньи встретились с частями 2-й гвардейской танковой армии Богданова 1-го Белорусского фронта.

2 мая в два часа пятьдесят минут по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта приняла радиограмму от немцев на русском языке: «Алло, алло, говорит пятьдесят шестой танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 12 часам 50 минутам ночи по берлинскому времени высылаем парламентеров на Потсдамский мост. Опознавательный знак: белый флаг на фоне красного цвета. Ждем ответа».

На рассвете началась массовая капитуляция вражеских войск, а в шесть часов утра 2 мая перешел линию фронта и сдался в плен командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг.

Весь день 2 мая в Берлине гитлеровцы целыми подразделениями и частями сдавались в плен. После того как весть о капитуляции дошла до всех немецких групп, которые ещё продолжали обороняться, капитуляция приняла всеобщий характер, и к трем часам дня сопротивление Берлинского гарнизона прекратилось повсюду и полностью.

В этот день в районе Берлина было взято в плен сто тридцать четыре тысячи немецко-фашистских солдат и офицеров, из них тридцать четыре тысячи войсками 1-го Украинского фронта. Число пленных, попавших в руки советских войск после приказа о капитуляции, подтверждает наше предположение о том, что общая численность Берлинского гарнизона, видимо, значительно превышала двести тысяч человек.

Чтобы завершить повествование о действиях 1-го Украинского фронта во время Берлинской операции, приведу выписку из направленного мною в Ставку последнего по этой операции боевого донесения.

«Войска фронта сегодня, 2 мая 1945 года, после девятидневных уличных боев, полностью овладели юго-западными и центральными районами города Берлин (в пределах установленной для фронта разграничительной линии) и совместно с войсками Первого Белорусского фронта овладели городом Берлин».

Осмысливая теперь события тех дней, я прихожу к выводу, что в Берлинской операции наиболее ярко проявилась организующая и направляющая роль Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба.

И.В. Сталин внимательно выслушал соображения командующих фронтами, учитывая предложения Генштаба, определил замысел Берлинской операции, после чего поставил ясные оперативные задачи фронтам. На основе этих указаний командующие разработали планы опера-

ций, которые были рассмотрены и утверждены Ставкой. Верховный Главнокомандующий с присущей ему твердостью руководил Берлинской операцией, внимательно следил за её развитием, лично координировал действия 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, оказывал необходимую поддержку. Обладая большими знаниями в области стратегии и военной истории, он реалистически оценивал внешнеполитическую обстановку, планы и группировки противника, состояние экономики, возможности техники и вооружения, морально-политическое состояние войск. Характерной чертой стиля И.В. Сталина был учет всех особенностей обстановки при планировании каждой операции.

Огромный размах и высокие темпы наступления фронтов требовали большого напряжения и слаженной работы Генерального штаба. Готовя соображения по стратегическому планированию и повседневно осуществляя контроль за выполнением директив Ставки, Генеральный штаб во всех подробностях знал обстановку на фронтах, активно помогал командующим, быстро решал весь самый сложный комплекс вопросов, обеспечивающих успех операций.

В период Висло-Одерской и Берлинской операций мне особенно часто приходилось иметь дело с начальником Генерального штаба Алексеем Иннокентьевичем Антоновым. Это был высокообразованный генерал, обладающий большим опытом штабной работы, скромный и отзывчивый человек, пользовавшийся всеобщим уважением и авторитетом.

Вместе с А.И. Антоновым Генеральный штаб достойно представляли начальник оперативного управления генерал-полковник С.М. Штеменко, его заместители генерал-лейтенант А.А. Грызлов и генерал-лейтенант Н.А. Ло-

мов, начальник разведуправления генерал-лейтенант И.И. Ильичев и многие другие генералы и офицеры.

Берлинская операция была одной из наиболее эффективных стратегических операций Красной Армии на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Она внесла большой вклад в развитие стратегии и оперативного искусства.

Итак, 2 мая войска 1-го Белорусского и войска 1-го Украинского фронтов завершили ликвидацию берлинской группировки противника и взяли Берлин. Но война ещё не кончилась. Войскам 1-го Белорусского фронта предстояло окончательное завершение Берлинской операции. Надо было очистить от врага всю территорию Германии к востоку от Эльбы. Войскам 1-го Украинского фронта, как это уже и предусматривалось ранее, была поставлена новая задача: разгромить группу армий генерал-фельдмаршала Шернера и освободить Чехословакию.

Командующему 1-м Белорусским фронтом Г.К. Жукову было приказано не позднее 4 мая сменить войска 1-го Украинского фронта в пределах новой разграничительной линии. Уже 2 мая мы начали сдавать свои участки соседу и производить перемещения и передвижения, связанные с подготовкой предстоявшей Пражской операции.

ПРАЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Обстановка, предшествовавшая Пражской операции, требует того, чтобы подробно остановиться на ней. Сложность обстановки во многом определила замысел операции, сроки и темпы, короче говоря, весь её ход.

После разгрома берлинской стратегической группировки фашистское государство фактически рухнуло. Однако в своем политическом завещании Гитлер сделал попытку продлить существование фашистского режима, назначив новое правительство Германии во главе с гросс-адмиралом Дёницем. Главнокомандующим сухопутными силами Германии выдвигался генерал-фельдмаршал Шернер, занимавший в это время пост командующего группой немецко-фашистских армий «Центр». Эти силы находились главным образом в Чехословакии. Такое назначение имело свои основания: Шернер в те дни оказался, пожалуй, наиболее реальной военной фигурой, имевшей власть, а главное, войска. И немало войск.

В распоряжении нового германского «правительства» — я и здесь и в дальнейшем ставлю это слово в кавычки — для продолжения войны имелись ещё весьма значительные по численности силы. Чтобы составить общую картину, стоит назвать их.

В Советской Прибалтике находилась группа армий «Курляндия». На побережье Балтийского моря ещё про-

должала сражаться группа войск «Восточная Пруссия». Западнее Берлина сопротивлялась, хотя и основательно потрепанная, 12-я гитлеровская армия. В Чехословакии была сосредоточена под командованием генерал-фельдмаршала Шернера группа армий «Центр» (до пятидесяти полнокровных дивизий и шесть боевых групп, сформированных из бывших дивизий). Эта внушительная группировка оказывала сопротивление войскам 1, 2 и 4-го Украинских фронтов. В Западной Чехословакии союзникам противостояла 7-я немецкая армия (пять дивизий), как раз в эти дни тоже переданная в подчинение Шернеру. Наконец, в Австрии и Югославии против войск 2-го и 3-го Украинских фронтов и Народно-освободительной армии Югославии дрались ещё две группы немецко-фашистских армий — «Австрия» и «Юг», вместе насчитывавшие более тридцати дивизий.

Таким образом, Пражская операция отнюдь не носила символического характера, как это иногда пытаются изобразить на Западе. Нам предстояла серьёзная борьба с большой группировкой вооружённых сил Германии, на которую делало ставку «правительство» Дёница, рассчитывая, что спасение этой группировки даст возможность хотя бы ещё на какое-то время продлить существование Третьего рейха.

Находясь уже на краю гибели, это «правительство» пыталось сделать все возможное, чтобы прекратить военные действия на западе, но зато продолжить борьбу на восточном фронте. Это был краеугольный камень политики, достаточно откровенно изложенной самим Дёницем в его выступлении 1 мая по фленсбургскому радио:

«Фюрер назначил меня своим преемником. В тяжёлый для судьбы Германии час с сознанием лежащей на мне ответственности я принимаю на себя обязанности главы

правительства. Моей первой задачей является спасение немцев от уничтожения наступающими большевиками. Только во имя этой цели продолжаются военные действия. Пока при выполнении этой задачи встречаются препятствия со стороны англичан и американцев, мы вынуждены защищаться также от них...»

На специальном заседании «правительства» Дёница записано как основное решение: «Необходимо всеми средствами продолжать борьбу на восточном фронте».

Нет сомнения, что Дёниц был фанатичным последователем Гитлера и, не считаясь с реальной обстановкой, продолжал его политику, угрожавшую самому существованию немецкого народа. Собственно говоря, именно это и привело его к власти. Гитлер по-своему был прав, назначив именно такого преемника.

Основной реальной силой, которая могла «всеми средствами продолжать борьбу на восточном фронте», была, конечно, немецко-фашистская группировка, действовавшая севернее Дуная, на территории Чехословакии и северных районов Австрии. Кроме группы армий «Центр» в нее входила часть сил группы войск «Австрия», а также множество резервных и запасных частей и подразделений, которыми в ту пору была буквально наводнена Чехословакия. А с запада эту группировку прикрывала 7-я немецкая армия, которая при определенном стечении обстоятельств тоже могла быть повернута против нас.

«Правительство» Дёница надеялось на скорую капитуляцию перед нашими западными союзниками, чтобы обратить всю миллионную группировку войск против Советской Армии. Нам предстояло сорвать эти планы.

2 мая преемники Гитлера подсчитали, что группировка Шернера не меньше трех недель сможет удерживать за собой территорию Чехословакии. Но сам Дёниц настаивал

на том, чтобы Шернер начал немедленный отвод войск к юго-западу — там будет легче потом сдаваться в плен американцам.

Кейтель и Йодль возражали, считая, что, как только группа армий «Центр» начнет отходить, она будет смята и развалится под ударами советских войск.

Рассуждение, я бы сказал, не лишённое здравого смысла. Если бы Шернер в эти дни поспешно сорвал свои войска с обжитых позиций, они, несомненно, были бы смяты нами в ходе преследования и им едва ли удалось бы улизнуть в американскую зону.

Вызванный в резиденцию Дёница начальник штаба Шернера генерал Нацмер доложил мнение своего командующего о нецелесообразности отхода войск с хорошо укрепленных позиций, опиравшихся на Судетские и Рудные горы и в значительной мере на старые чехословацкие укрепления, построенные ещё перед войной.

Точки зрения, как видим, были разные. Причем обсуждался даже вопрос о переезде «правительства» в Прагу под прикрытием группировки Шернера.

До сих пор сожалею, что Дёниц не дал на это согласия. Согласись он тогда — и войска нашего фронта, несомненно, захватили бы его «правительство» вместе с основной массой войск Шернера.

Такова была военно-политическая обстановка в стане противника накануне Пражской операции.

Что касается наших союзников, то именно в это время Черчилль дал фельдмаршалу Монтгомери свое печально-знаменитое и теперь уже широко известное указание «тщательно собирать германское оружие и складывать так, чтобы его легче можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

Говоря о своих настроениях тогда, весной 1945 года, Монтгомери писал впоследствии в мемуарах, что если бы верховное руководство военными операциями осуществлялось политическими лидерами Запада должным образом, то «мы могли бы захватить все эти три центра раньше русских». Под тремя центрами подразумевались Берлин, Вена и Прага.

Но к моменту получения 1-м Украинским фронтом директивы Ставки приступить к проведению Пражской операции Берлин был уже нами взят, и Вена тоже была взята нами. Из трех названных Монтгомери городов оставалась только Прага. И ряд документов того времени позволяет считать, что наши союзники с большой неохотой расстались с надеждами захватить этот «третий центр» раньше русских.

Если 30 апреля верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе Эйзенхауэр в своем письме предлагал нам установить демаркационную линию, с которой мы были в принципе согласны и которая потом действительно была установлена, то 4 мая, несмотря на уже достигнутую договоренность, Эйзенхауэр в своем новом письме к начальнику нашего Генерального штаба Антонову писал уже совсем другое: «Будем готовы продвинуться в Чехословакии, если это потребует обстановка, до линии рек Влтава и Эльба, чтобы очистить западные берега этих рек». Это дополнение фактически включало в зону действия американских войск и саму Прагу.

Письмо, видимо, отражало то давление, которое со все большей силой оказывали на Эйзенхауэра и Черчилль, и пришедший к власти на смену Рузвельту Трумэн.

Начальник нашего Генштаба генерал Антонов от имени советского Верховного Главнокомандования направил на

следующий же день, то есть 5 мая, генералу Эйзенхауэру ответ, в котором просил его во избежание возможного перемешивания войск не продвигать союзные войска в Чехословакии к востоку от первоначально намеченной линии.

После обмена этими письмами американские войска приостановили наступление в глубь Чехословакии на той линии, которая была оговорена с самого начала.

Эта дипломатическая переписка происходила тогда, когда у нас в штабе фронта и в армиях, по существу, завершалась подготовка к Пражской операции и войска уже занимали исходное положение.

В эти же дни я встретился с командующим американскими войсками в Европе генералом Бредли. Мне бы хотелось рассказать об этом, тем более что генерал Бредли тоже писал о наших встречах в своих «Записках солдата». Я не вижу необходимости вступать с ним в полемику по поводу трактовки тех или иных фактов в его «Записках». Мне кажется, полезно дать читателю мое представление о наших взаимных визитах.

Впервые я познакомился с командующим 12-й армейской американской группой войск генералом Омаром Бредли через неделю после встречи наших войск с американскими на Эльбе. Это произошло неподалеку от Торгау, приблизительно в сорока километрах северо-восточнее его, на моем командном пункте.

Бредли прибыл со свитой генералов и офицеров и огромным количеством корреспондентов и фоторепортеров, я бы даже сказал, с чрезмерным. С нашей стороны кроме меня присутствовали члены Военного совета фронта, командующий 5-й гвардейской армией А.С. Жадов и командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса Г.В. Бакланов. Именно их войска впервые встретились на

Эльбе с американцами. Находились также представители наших газет, кинооператоры и фотокорреспонденты, но куда в более скромном числе, чем у американцев.

Разные бывали времена в советско-американских отношениях, да и сейчас эти отношения не по нашей вине оставляют желать много лучшего. Соблюдая историческую точность, скажу, что в тот день, 5 мая 1945 года, встреча двух командующих — американского и советского — происходила в атмосфере прямотушия и откровенности. Мы с Бредли были не дипломатами, а солдатами, и это наложило отпечаток на обе встречи — одновременно и официальные, и дружественные.

Мы рассмотрели с генералом его карту. На ней было нанесено положение американских войск на этот день — 5 мая. Бредли коротко пояснил, где и какие его части вышли на условленную линию соприкосновения с нами. Затем спросил меня, как мы намерены брать Прагу и не следует ли американцам помочь нам в этом деле.

Вопрос не был для меня неожиданным. Хотя наступление советских войск против группы Шернера ещё не началось, у американцев все же не могло оставаться никаких сомнений относительно того, что это наступление начнется в самом ближайшем будущем.

Я сказал Бредли, что необходимости в такой помощи нет и что любое продвижение американских войск дальше к востоку от ранее обусловленной демаркационной линии может внести только путаницу, вызвать перемешивание войск, а это нежелательно, и просил этого не делать.

Бредли согласился со мной и сказал, что подчиненные ему войска будут и впредь соблюдать установленную линию соприкосновения.

На вопрос Бредли: как мы намерены брать Прагу — я ответил в общих чертах, заметив, что нацеленные на

Чехословакию советские войска в состоянии справиться с этой задачей и безусловно справятся с ней. В подробности предстоящих действий я не вдавался. Я не считал возможным сообщать о своих оперативных планах, хотя и верил, что именно войска 1-го Украинского фронта сыграют решающую роль в освобождении Праги. Но говорить раньше времени — не в моих правилах.

Во время обеда в своем первом, официальном тосте я говорил о тех испытаниях и трудностях, через которые прошла Красная Армия на пути к победе. Я говорил о том, какую важную роль сыграл президент Рузвельт в создании и во всех дальнейших действиях антигитлеровской коалиции. Кончина Рузвельта была ещё так свежа в памяти, а я принадлежал к числу людей, искренне и глубоко переживавших эту потерю. Поэтому, выражая официально соболезнование по поводу безвременной кончины американского президента, я вложил в свою речь личные чувства и высказал надежду, что новый президент продолжит дело, за которое боролся Рузвельт.

К сожалению, эта надежда не оправдалась, и преемник Рузвельта очень скоро внес свой первый вклад в обострение отношений между Советским Союзом и Америкой.

Говоря о нашей совместной борьбе против фашистских захватчиков, я отметил и оценил бесспорные заслуги офицеров и солдат 12-й американской группы войск.

Генерал Бредли в своем ответном тосте отметил мужество советских солдат, храбрость войск 1-го Украинского фронта, примеру которых, по его словам, следовали американские солдаты, офицеры и генералы. Остановившись на заслугах Рузвельта, он выразил сожаление, что президенту не удалось дожить до счастливых дней победы, и предложил тост за нашу встречу.

После первых, официальных тостов за столом возникла дружеская беседа, прерываемая уже, как говорится, локальными тостами в честь представителей наших и американских штабов, командующих армиями, представителей различных родов войск. Тосты были теплыми и искренними. Они свидетельствовали о том, что мы взаимно и по-настоящему уважаем друг друга и ценим нашу боевую дружбу, возникшую и окрепшую в борьбе с общим врагом. Кончился обед, и я предложил Бредли и его спутникам послушать концерт ансамбля песни и пляски 1-го Украинского фронта. Надо сказать, что этот ансамбль, созданный в сорок третьем году в Киеве под руководством Лидии Чернышевой, пользовался на фронте большой популярностью. Там были по-настоящему отличные музыканты, певцы и танцоры.

Когда ансамбль исполнял гимн Соединенных Штатов, находившиеся в зале американцы подпевали, а после горячо аплодировали нашим музыкантам. Аплодировали они и тогда, когда ансамбль исполнил гимн Советского Союза.

Артисты ансамбля были в тот день в особом настроении. Кроме наших песен они спели американскую шуточную песенку «Кабачок», английскую «Типерери». Все это было восторженно встречено гостями. Ну а потом им показали украинский гопак и русский перепляс — коронные номера наших танцоров. И в обычной обстановке эти номера производят яркое впечатление, а тогда оно было ещё усилено праздничным, радостным настроением, охватившим и нас, и наших гостей.

Генерал Бредли, сидя рядом со мной, заинтересованно расспрашивал, что это за ансамбль, откуда здесь, на фронте, эти артисты. Я сказал ему, что ансамбль состоит из наших солдат, прошедших вместе с войсками фронта большой бое-

вой путь. Однако, как мне показалось, он отнесся к моему ответу без особого доверия. И зря, потому что большинство участников ансамбля действительно начали войну солдатами, да и потом, когда уже был сформирован ансамбль, они много раз выступали в войсках первого эшелона, порой в условиях далеко не безопасных.

Бредли поблагодарил за концерт и после окончания объявил о решении правительства Соединенных Штатов наградить меня, как командующего 1-м Украинским фронтом, высшим американским орденом. Он тут же вручил мне этот орден и, как водится в таких случаях, поздравил и обнял.

Участники этой встречи, мои товарищи по фронту, с искренним одобрением отнеслись к награждению; они справедливо увидели в нем высокую оценку, данную нашими союзниками боевым делам войск 1-го Украинского фронта.

По окончании церемонии вручения награды мы вышли вместе с Бредли из особняка на вольный воздух, и там, в присутствии, надо сказать, достаточно широкой аудитории, собравшейся в связи с приездом американских гостей, я вручил генералу Бредли от имени воинов 1-го Украинского фронта Красное знамя как символ нашей боевой дружбы.

Я знал, что Бредли собирается подарить мне на память «виллис», доставленный из его ставки прямо на самолёте. Со своей стороны я тоже приготовил ему личный подарок: строевого коня, который следовал за мной всюду с лета 1943 года, когда я вступил в командование Степным фронтом. Это был красивый, хорошо выезженный донской жеребец. Я и подарил его со всей экипировкой генералу Бредли.

Мне показалось, что генерал был искренне рад этому подарку. Приняв коня, он, в свою очередь, подарил мне легковую машину «виллис» с надписью: «Командующему Первой Украинской группы армий от солдат американских войск 12-й группы армий» — и вместе с «виллисом» вручил мне американское знамя и американский автомат.

А через несколько дней мне пришлось выехать с ответным визитом в ставку Бредли...

До Торгау мы ехали на своих машинах. Там нас встретили старший офицер штаба и переводчик, которые сопровождали до Лейпцига. В Лейпциге меня ожидал Бредли, предложивший до своей ставки, которая была размещена довольно далеко, в Висбадене, лететь на его личном самолёте.

Мы сели в его СИ-47. Всю дорогу нас сопровождали две эскадрильи истребителей. Они непрерывно совершали в воздухе всевозможные эволюции, перестраивались, показывая высший класс группового полета, а когда наш самолёт сел неподалеку от Касселя, истребители эффектно ушли на разных эшелонированных высотах, вплоть до самых низких. Не скрою, мне показалось тогда, что при помощи этого эскорта истребителей нам не только оказали почет, но и постарались продемонстрировать свое мастерство самолётовождения.

От аэродрома в районе Касселя нас тоже сопровождал эскорт, но уже сухопутный: впереди несколько боевых бронемашин, за ними — машина с мощными сигналами, затем машина, в которой ехали я, Бредли и переводчик, позади опять бронетранспортеры, и замыкали колонну три танка. На пути нашего следования были построены с интервалами войска — представители всех родов войск, за исключением, кажется, только моряков.

У здания, к которому мы подъехали, собралось множество офицеров штаба и ещё более многочисленная толпа корреспондентов.

В парадном зале Бредли предложил нам коктейль, приготовленный, как он нам сказал, по его рецепту. Из огромного медного котла коктейль разливали черпаком в солдатские кружки. Мне сказали, что это традиция. Ну что ж, традиция так традиция.

После коктейля Бредли повез меня в свою штаб-квартиру на другой конец города. Здесь перед зданием был выстроен почетный караул, опять-таки представляющий все рода войск. Мы вместе обошли строй; я поздоровался и попросил генерала, чтобы он подал войскам команду «Смирно». Когда это было сделано, я по поручению Советского правительства вручил генералу Бредли орден Суворова первой степени. Бредли — человек сдержанный, но мне показалось, что в эти минуты лицо его было взволнованным. Мы дружески обнялись, и я поздравил его.

Затем перешли в зал, где были накрыты столы. И как водится, опять началось с тостов. Первый тост произнес хозяин, второй — я: за нашу встречу, за Бредли, за сидящих за столом его боевых соратников и друзей.

Во время обеда почти не касались военных тем. Единственной военной темой был разговор о Суворове. Бредли, получив орден Суворова, интересовался этой исторической личностью. Как выяснилось, он до этого ничего не знал о Суворове, и мне пришлось здесь же, за столом, рассказать об основных кампаниях русского полководца, в том числе об итальянской кампании и швейцарском походе.

Заканчивая свой рассказ о Суворове, я сказал Бредли, что Суворов — самый крупный полководческий талант в истории русской армии и орден его имени — это орден прежде всего полководческий, наиболее высокая награда,

установленная у нас для военачальников, командующих крупными соединениями, и что маршал Сталин (так оно в действительности и было) поручил мне лично вручить этот орден ему, генералу Бредли.

В конце обеда два скрипача в американской солдатской форме, один постарше, другой помоложе, исполнили дуэтом несколько превосходных пьес. Скажу сразу, что высочайшему классу скрипичной игры, которую мне довелось слышать в тот день в ставке у Бредли, удивляться не приходится: этими двумя солдатами были знаменитый скрипач Яша Хейфиц и его сын.

В перерывах между номерами Бредли несколько иронически поглядывал на меня. Видимо, мои предположения были справедливы: он так и не поверил мне при первой встрече, что наш ансамбль песни и пляски состоял из солдат 1-го Украинского фронта. Считая данный ему концерт маленьким подвохом, он, в свою очередь, решил прибегнуть к приятельской мистификации, представив Яшу Хейфица с сыном как американских военнослужащих.

С американской стороны на обеде присутствовали генералы — командующие армиями, командиры корпусов и дивизий. Хозяин неоднократно выражал сожаление по поводу того, что среди собравшихся нет генерала Паттона, и отзывался о его армии как о лучшей из американских армий, а о нем самом как о наиболее выдающемся американском генерале, человеке, способном к смелому маневру и решительному использованию танковых войск.

Один или два раза по инициативе Бредли разговор коснулся генерала Эйзенхауэра. Бредли говорил о нем с уважением, но больше ценил его как дипломата, чем полководца. Из слов Бредли можно было также заключить, что у Эйзенхауэра очень много времени и сил занимало согласование действий между союзными командованиями

и союзными правительствами. Поэтому почти вся тяжесть практического руководства американскими войсками, действовавшими в Европе, ложилась на плечи Бредли, который не во всем и не всегда был согласен с Эйзенхауэром.

Мы вели беседу через переводчиков, и, может быть, поэтому какие-то оттенки сказанного не были уловлены мною с достаточной точностью, но общее впечатление от разговора у меня сложилось именно такое.

Сам Бредли, как человек и как военный, произвел на меня во время этих свиданий благоприятное впечатление. Уже немолодой — тогда, в мае сорок пятого, ему было около шестидесяти, — он был крепок, спокоен и выдержан; интересно и в основном верно анализировал ход событий, понимал значение, которое приобрели в ходе войны мощный артиллерийский огонь, танки и авиация, хорошо разбирался в характере современного боя, правильно представлял себе решающее и второстепенное в нем. Со знанием дела судил о наших танках, их вооружении, броне, двигателях и тому подобном.

В общем, я чувствовал и видел: рядом со мной сидит человек, достаточно ориентированный в вопросах использования всех родов войск, что, на мой взгляд, было первым признаком высокой квалификации командующего.

У меня сложилось впечатление: это воин в полном смысле слова, военачальник, достойно представлявший действовавшие в Европе американские войска.

Импонировало и то, что в беседах со мной он не раз тепло отзывался о советском народе, армии, с удовлетворением и, как мне казалось, искренне высоко оценил наши последние операции, а также понимал все трудности борьбы, которую Красная Армия вела с гитлеровцами.

В одном из разговоров Бредли мне так прямо и сказал, что наша армия вынесла основную тяжесть войны, то

есть заявил именно то, что впоследствии многие другие генералы на Западе, бывшие некогда нашими союзниками, стали упорно замалчивать или даже опровергать. В оценке противника мы тоже с ним сошлись. Он считал немецкую армию сильной и закаленной, способной драться упорно, с большим умением и стойкостью.

Наша встреча проходила и закончилась в непринужденной дружеской обстановке. Между нами тогда были действительно хорошие отношения. Я уезжал от Бредли в самом добром расположении духа, и только уже по дороге мое настроение несколько омрачила одна небольшая деталь.

Когда мы усаживались за обеденный стол, я увидел перед собой микрофон. Я не видел никакой надобности в том, чтобы застольные тосты транслировались в эфир, и попросил убрать от меня микрофон. Бредли тут же распорядился на этот счет. Но когда я, возвращаясь к себе на командный пункт, включил радиоприемник, то услышал в эфире свой голос. Тост, который я произносил на обеде у Бредли, был все-таки записан на магнитофон и теперь передавался в эфир. Я, правда, не придал этому сколько-нибудь существенного значения. Но, не скрою, поскольку мы договорились заранее, нарушение слова, даже в столь несущественном деле, оставило у меня все же неприятный осадок. Хотя, впрочем, допускаю, что это было сделано без ведома Бредли и его самого в данном случае надули корреспонденты.

Обе встречи с Бредли были для меня тогда, разумеется, интересными событиями. Но тем не менее я все время ни на минуту не расставался с мыслями о предстоящей Пражской операции. Обстановка становилась все сложнее и требовала от нас ускорения темпов подготовки.

...В первых числах мая в Чехии вспыхнуло восстание. С особенной силой оно разгорелось в Праге. Фашистский наместник Франк, стремясь выиграть время, начал переговоры с восставшими. А в это же самое время Шернер отдал своим войскам приказ: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами». К Праге с трех сторон двинулись немецкие войска. Восставшим пражанам предстояла тяжелая борьба. Прага нуждалась в решительной помощи, и оказать эту помощь должны были прежде всего мы.

Войска 1, 2 и 4-го Украинских фронтов занимали выгодное, охватывающее, положение по отношению к группе армий Шернера. Удары по её флангам — с юго-востока 2-м Украинским фронтом и с северо-запада нашим — грозили ей окружением восточнее Праги и наглухо закрывали пути отхода на запад.

Но чтобы такая заманчивая возможность стала для нас реальностью, нашим войскам предстояло преодолеть крупные горные массивы и глубокие, заблаговременно подготовленные оборонительные полосы немцев. Перед 1-м Украинским фронтом глубина главной полосы неприятельской обороны местами достигала восемнадцати километров.

Наиболее мощные оборонительные сооружения гитлеровцы создали восточнее Эльбы, в районе Гёрлица, где мы вели долгие и тяжелые бои с дрезденско-гёрлицкой группировкой. Значительно слабее выглядела у противника оборона северо-западнее Дрездена, где ещё во время предыдущих боев фронт не приобрел стабильного положения. Самым слабым участком вражеской обороны был участок западнее Эльбы. Именно на этом направлении я и сосредоточил главные силы для наступления на Прагу.

Правда, и тут, в глубине обороны противника, была полоса бетонированных укреплений, проходивших вдоль

старой германо-чехословацкой границы. Если бы мы задержались, застряли здесь, эти укрепления в сочетании с горным рельефом местности оказались бы серьезным препятствием. Ведь тут простиралась цепь Рудных гор протяжением в полтораста километров и около пятидесяти километров в ширину.

Правда, Рудные горы с севера на юг, то есть в направлении нашего удара, прорезали около двух десятков шоссе-ных дорог. А это при соответствующей подготовке и темпах наступления сулило нам неплохую перспективу даже в условиях горной войны.

Меня, как командующего фронтом, в эти дни беспокоило не столько сопротивление мощной группировки противника и даже не прочность его укреплений, сколько сочетание всего этого с горным рельефом местности. Ведь операция была рассчитана на быстроту. Именно высокий темп наступления лежал в основе наших расчетов, и надо было всерьёз подумать о том, как бы не застрять в горах.

У меня все время из головы не выходила Дуклинская операция 1944 года. Тогда мы тоже пробивались прямо через горы. Продиктованная политическими соображениями, предпринятая во имя поддержки национального антифашистского вооруженного восстания словацкого народа, эта операция обошлась нам очень дорого, хотя и многому научила. Помня её нелегкий опыт, я в последующем делал все, чтобы при малейшей возможности не забираться в горы, а прикрываться ими. Я пришел к твердому убеждению, что борьба в горах может быть вызвана только самой жестокой, железной необходимостью, когда иного пути — обхода или маневра — нет.

Но именно такое положение и создалось перед началом Пражской операции. Чтобы как можно скорее разгромить засевшую в Чехословакии миллионную группировку Шер-

нера, взять Прагу, спасти город от разрушений, а жителей Праги, да и не только Праги, от гибели, не оставалось ничего другого, как прорываться прямо через Рудные горы. Иного пути не было, потому что на подступах к Чехословакии с севера всюду, куда ни сунься, куда ни кинься, горы. Значит, надо их преодолеть. Но преодолеть так, чтобы нигде не застрять, чтобы как можно скорее их проскочить, обеспечив свободу маневра для танковых и механизированных войск.

Итак, в предстоящей операции надо было предусмотреть все, чтобы не дать немцам возможности задержать наше наступление на перевалах. Мы не собирались брать их силами одной пехоты. Мы считали, что наши передовые отряды должны с самого начала обладать внушительной пробойной силой и состоять из всех родов войск, располагать всеми необходимыми инженерными средствами разграждения, подрыва, уничтожения оборонительных сооружений, которые могли оказаться на нашем пути в Рудных горах.

Такие отряды были созданы на всех направлениях, ведущих в Чехословакию через Рудные горы. Действие каждого из них обеспечивалось достаточным количеством авиации, которая должна была поддерживать пробивающиеся части, а вслед за этим и дальнейшее движение вырвавшихся на простор танков.

Из района Берлина значительной части войск, входивших в нашу ударную группировку, предстояло проделать марш в сто пятьдесят — двести километров, чтобы достичь исходных позиций. Времени было в обрез, и все-таки мы стремились проводить марши, в особенности крупных танковых соединений, по возможности скрытно. Ведь, узнав о сосредоточении их, Шернер мог в любой момент пойти на риск: сорваться с насиженных позиций и двинуться на

запад, навстречу американцам. Мы вовсе не стремились подталкивать его к такому решению.

При планировании операции Ставка отводила главную роль 1-му Украинскому фронту. Это было связано не только с его нависающим по отношению к вражеской группировке положением, но и с наличием у него достаточно мощных соединений. Мы имели возможность использовать для удара освободившиеся у нас на Берлинском направлении две танковые армии и несколько танковых механизированных корпусов.

Исходя из общей обстановки и директивы Ставки, мы создали на правом фланге северо-западнее Дрездена ударную группировку из трех общевойсковых армий Пухова, Гордова и Жадова, двух танковых армий Рыбалко и Лелюшенко, двух танковых корпусов Полубоярова и Фоминых и пяти артиллерийских дивизий. Этой группировке предстояло действовать в направлении главного удара Теплице-Шанов — Прага, несколько охватывая Прагу с запада и юго-запада.

Вспомогательный удар предпринимался из района Гёрлица. Его должна была осуществить вторая ударная группировка, включавшая армии Лучинского и Коротеева, один мехкорпус, одну артиллерийскую дивизию прорыва. Общее направление этого удара Циттау — Млада-Болеслав — Прага.

Начиная Пражскую операцию, предстояло решить попутно и ещё одну немаловажную задачу: разделаться с войсками противника, оборонявшими Дрезден. Овладение Дрезденом возлагалось на 5-ю гвардейскую армию Жадова, усиленную 4-м гвардейским танковым корпусом Полубоярова и взаимодействовавшую со 2-й армией Войска Польского и её танковым корпусом. Остальным же войскам главной ударной группировки предстояло

сразу же двигаться на Прагу, не ввязываясь в борьбу за Дрезден.

Было решено также, что на главном направлении в наступление перейдут одновременно и общевойсковые, и танковые армии. Этим сразу обеспечивались максимальная мощь удара, стремительное сокрушение обороны противника и дальнейшее движение вперед без обычных затрат времени, необходимых на ввод танков в прорыв.

Я считаю это важной особенностью Пражской операции; операция была продиктована и обстановкой, и опытом войны. Причем опытом последних, наиболее стремительных операций, где широко использовались танковые армии.

Но чтобы правильно использовать этот опыт, нельзя было забывать и другие слагаемые победы. Требовалось создать не только мощную танковую, но и мощную артиллерийскую группировку, обеспечить массированную поддержку авиации и при прорыве, и при дальнейшем движении наземных войск.

Все это было подготовлено, и мы были вправе рассчитывать на успех.

Особо ответственная задача была поставлена перед 13-й армией Пухова. Прорвав вражескую оборону, она должна была в дальнейшем развивать наступление, обходя Прагу с запада, а Пльзень с востока, обеспечивая этим маневром всю остальную ударную группировку фронта на её правом фланге. Нетрудно было предположить, что, когда развернется операция, гитлеровцы приложат все усилия, чтобы прорваться на запад, к нашей демаркационной линии с союзниками. Именно здесь они и напоролись бы на армию Пухова.

Еще глубже, перехватывая пути возможного отхода немцев, должен был продвинуться приданный Пухову

25-й танковый корпус генерала Фоминых. Кстати сказать, с блеском выполнив поставленную перед ним задачу, он в последний момент успел перехватить уже почти добравшуюся до американцев власовскую дивизию и самого Власова. Но об этом дальше.

Выполнили танкисты и вторую стоявшую перед ними задачу: взяли целым и невредимым в городе Мосты построенный немцами крупнейший завод синтетического горючего, на продукции которого в последнее время держалась авиация врага.

3-я гвардейская армия Гордова наносила удар на Прагу прямо с севера и, взаимодействуя с 3-й гвардейской танковой армией Рыбалко, должна была овладеть городом с северо-востока и востока. 4-й гвардейской танковой армии Лелюшенко предстояло ворваться в Прагу с запада и юго-запада.

Овладение Прагой планировалось в самые сжатые сроки. Высокие темпы наступления требовались от всех армий. Но изюминка плана заключалась в другом: сначала общевойсковые и танковые армии совместными усилиями осуществляют прорыв обороны противника, в дальнейшем же все наши подвижные танковые и механизированные соединения смело вырываются (вперед на максимально высоких скоростях, какие только допускают обстановка и состояние дорог, движутся к Праге, не оглядываясь и не заботясь о том, что происходит у них за спиной. Их задача сводится к одному: с ходу овладеть Прагой. А уже потом, когда они завяжут бои и отрежут врагу пути отхода для соединения с основными силами группировки Шернера, на помощь им подоспеют и общевойсковые армии.

И хотя, надо отдать должное, все армии наступали на Прагу высокими темпами, но то, что туда ринулось десять

танковых корпусов — тысяча шестьсот танков — 1-го Украинского фронта, было решающим фактором.

Тысяча сто танков и самоходок, введенные в бой на главном направлении, а также весь автотранспорт танковых войск имели более чем полутонную заправку дизельным топливом и бензином. Они были обеспечены горючим на всю операцию до конца, вплоть до Праги. И ни одна боевая машина из-за нехватки горючего не встала в пути.

Исключительную мобильность проявили в этой операции артиллеристы. Чтобы обеспечить задуманный план, нам пришлось за небывало короткий срок (с 4 по 6 мая) перебросить, в основном с Берлинского направления, и сосредоточить на участке прорыва главной ударной группировки не только упоминавшиеся выше пять артиллерийских дивизий, но и ещё около двадцати артиллерийских бригад, примерно столько же отдельных артиллерийских и минометных полков, большое количество зенитной артиллерии. Всего за эти дни мы сосредоточили на главном направлении удара пять тысяч шестьсот восемьдесят орудий и минометов. Плотность огня на участке прорыва 5-й гвардейской армии Жадова достигала двухсот и более стволов на километр.

2-я воздушная армия под командованием генерала С.А. Красовского выделила для действий на основном направлении тысячу девятьсот и на вспомогательном — триста пятьдесят пять самолётов. Кроме прикрытия войск, обеспечения переправы через Эльбу и массированных ударов по живой силе и технике врага перед авиацией была поставлена задача: не дать возможности противнику маневрировать по железным дорогам, практически выключить все крупнейшие железнодорожные узлы вокруг Праги.

Я говорю сейчас о главном направлении удара. Но и на вспомогательном, у Лучинского и Коротеева, были сосре-

доточены немалые силы, в том числе около трех тысяч семисот орудий и минометов, около трехсот танков и две артиллерийские дивизии прорыва. Вместе с ними наступал танковый корпус 2-й армии Войска Польского.

Недостаток времени не позволял нам готовиться к наступлению с обычной методичностью. Приходилось одновременно перебрасывать войска, сосредоточивать их, тут же создавать группировку, полагая, что, если какие-то части и не успеют подойти в назначенное место к назначенному сроку, наступление все равно начнется и им придется наверстывать упущенное время на ходу. По существу, и переброска войск, и их сосредоточение, и переход в наступление — все слилось в Пражской операции в единый неразрывный процесс. И в этом была одна из основных особенностей этой операции.

4 мая в штаб фронта были вызваны на совещание командующие армиями. При обсуждении здесь всех аспектов предстоящей операции фактор времени выдвигался на первое место. Было подчеркнуто, что нам предстоит не просто преодолеть Рудные горы и Судеты, а в буквальном смысле слова чуть ли не перелететь через них.

Одной из предпосылок успеха являлось состояние войск противника. И об этом тоже говорилось на совещании.

Я никогда не был склонен недооценивать возможности сопротивления немцев. Но в данном случае, требуя от командующих армиями стремительных и безостановочных действий, считал необходимым подчеркнуть, что хотя нам и противостоит группировка, мощная по численности и серьёзная по вооружению, однако после падения Берлина моральное её состояние, как и всей немецкой армии в целом, подавленное, она надломлена и её остается только доломать. Судя по многим признакам, немецкие штабы

уже не в состоянии оценивать и охватывать взглядом все происходящее с той точностью, с которой они обычно это делали. Поэтому мы должны идти не только на смелые, но и на дерзкие решения, показывая высший класс оперативного и тактического искусства, считая и экономя каждую минуту.

От танковых войск требовалось, отрываясь от пехоты и не ввязываясь в бои за города, обходить опорные пункты и смело рваться вперед и вперед. Общеармейским — в максимальной мере использовать весь наличный автотранспорт, не делая ни одного шага пешком там, где можно воспользоваться машинами. От командиров и штабов, вплоть до штабов дивизий и полков, требовалось: осуществлять руководство боем не на длинных, а на самых коротких дистанциях, и в то же время с самым широким использованием управления по радио; командирам находиться непосредственно в боевых порядках, чтобы все было в их руках и в их зоне видимости.

Специальное указание не допускало разрушения городов, заводов, населенных пунктов. Следовало помнить, что мы вступаем на территорию дружественной союзной страны.

Требую от войск по возможности не ввязываться в бои за населенные пункты там, где только это возможно, мы не только обеспечивали стремительность продвижения войск, но и желали избежать жертв среди мирного населения.

Не хотели мы излишнего кровопролития и среди немецких солдат. Было приказано всюду, где это возможно, выходить на фланги и тылы немецко-фашистских частей и соединений, стремительно окружать их, расчленять и предъявлять ультиматумы о сдаче в плен. В этом смысле предоставлялась полная свобода инициативы и командующим армиями, и командирам соединений.

Под лозунгом: «Вперед, на Прагу! Спасти ее. Не допустить, чтобы она была разрушена фашистскими варварами!» велась вся партийно-политическая работа в частях. И надо сказать, что, несмотря на усталость войск после Берлинской операции, лозунг был всюду подхвачен.

Об этом говорилось и на том двухчасовом совещании с командующими армиями, о котором я довольно подробно рассказал. Получилось, что оно было последним в ходе войны. Последний раз перед последней операцией собрались в штабе фронта все командармы, которым предстояло её осуществить. Должно быть, потому оно и запомнилось мне...

Прежде чем перейти к описанию самой операции, начавшейся не 7 мая, как это планировалось, а на сутки раньше — 6 мая, мне хочется хотя бы в нескольких словах сказать о некоторых своих соратниках, вместе с которыми мне предстояло осуществлять эту операцию войны и о которых я по ходу предыдущего повествования все ещё не сказал.

Первым среди них я хотел бы назвать командующего 13-й армией генерал-полковника Николая Павловича Пухова. Я уже много писал о действиях его армии и в Висло-Одерской, и в Берлинской операциях, да и в Пражской операции его армия оказалась на высоте и превосходно выполнила поставленную перед ней сложнейшую задачу.

Николай Павлович Пухов, безвременно ушедший от нас, был человеком с большим боевым и служебным опытом. До войны он преподавал в Академии имени М.В. Фрунзе, командовал дивизией и корпусом и уже в первые месяцы войны был выдвинут на должность командующего 13-й армией, прошел вместе с нею весь путь от Подмосковья до Берлина и Праги. Он участвовал в сражении на Курской дуге, приняв там на себя основной удар немцев по северному фасу нашей обороны. Его армия одной из первых

форсировала Днепр и потом прошла с боями всю Украину и Польшу. Одной из первых она вышла на Вислу, форсировала её вместе с танковыми войсками и захватила Сандомирский плацдарм.

При форсировании Вислы Пухов в очень сложной обстановке проявил большое мастерство, находчивость, смелость и настойчивость. Противник делал буквально все, чтобы спихнуть нас с плацдарма. В первый период боев за плацдарм эти жесточайшие контратаки пришлось главным образом на долю армии Пухова.

В этой тяжелой борьбе с самой лучшей стороны показал себя и начальник штаба 13-й армии, талантливый штабист генерал Г.К. Маландин. Большую роль в организации партийно-политической работы сыграл и член Военного совета армии генерал М.А. Козлов.

На протяжении всего довольно длительного периода, когда я мог лично наблюдать работу Военного совета 13-й армии, она представлялась мне образцом, достойным подражания. В ней чувствовалась слаженность, четкая организация, дух истинного товарищества. Военный совет 13-й армии являл собою пример того, как в условиях полного и безоговорочного единоначалия каждый в этом руководящем коллективе находил свое место и с наибольшей пользой отдавал делу все свои силы.

Иногда в первое время работы с Пуховым мне казалось, что Николай Павлович несколько мягковат, недостаточно тверд. Узнав его ближе, я убедился, что этот внешне мягкий, спокойный человек способен проявить решимость в сложной обстановке и твердой рукой поддержать в армии порядок.

Николай Павлович умел опираться на ближайших своих помощников, доверял им, высоко и по достоинству ценил своего начальника штаба.

С несколько неожиданной стороны раскрылся передо мною Николай Павлович в дни взятия Берлина. Как раз у Пухова мне и довелось отметить 1 Мая; по существу, Берлин был уже взят. Прямо на командном пункте на скорую руку был организован праздничный обед, и тут я, может быть, впервые, хотя воевали мы вместе давно, увидел Николая Павловича просто в роли гостеприимного хозяина.

Никогда не ожидал, что Пухов такой любитель и мастер попеть. Что только он не пел в тот вечер! Был в полном смысле запевалой, всех увлек. Особенно хорошо пел он лирические песни. Вся его душевность, сердечность, открытость, скованные обстановкой войны, в этот вечер как бы прорвались наружу...

Некоторые из командармов нашего фронта по условиям обстановки в заключительных операциях войны оказались не на главных, а на второстепенных направлениях. Их армии занимали оборону, прикрывали фланги наших наступающих ударных группировок, сковывали противника, то есть выполняли совершенно необходимые в масштабах фронта, но, так сказать, неброские задачи, о которых обычно упоминается самым кратким образом, основное же внимание сосредоточивается на том участке фронта, где осуществляется прорыв, где развертываются главнейшие события.

В такой относительно незаметной роли в последних операциях войны оказался командующий 52-й армией генерал Константин Аполлонович Коротеев. И он и его армия прошли славный и нелегкий боевой путь, и если он во главе своей армии не штурмовал непосредственно Берлин и не входил в Прагу, ему тем не менее пришлось нести свою долю ответственности за осуществление этих операций войсками фронта, а значит, и у него имелась совершенно законная доля гордости за их успех. Коротеев

и его войска обеспечивали этот успех там, где им было поручено, в том числе и в жестоких боях под Гёрлицем, где его армию с такой яростью контратаковали немцы.

К сожалению, генерал Коротеев, как и многие другие военачальники Великой Отечественной войны, рано ушел от нас. Очевидно, как это принято теперь говорить, сказались «перегрузки» военного времени, то огромное напряжение, вызванное чувством постоянной ответственности за дело и за жизнь десятков тысяч людей, которое прежде всего и определяет справедливость подсчета: год войны — три года службы.

Коротеев был опытным боевым командармом, добросовестным и умелым исполнителем всех тех задач, которые ставил перед ним и его армией фронт. Он воевал честно, много, никогда не хитрил и никогда не уклонялся от осуществления самых сложных операций, выпадавших на его долю...

Иван Терентьевич Коровников — командарм-59 — тоже оказался в ходе Берлинской и Пражской операций на направлениях хотя и ответственных, но с точки зрения общих задач фронта все-таки второстепенных. Не то что в Висло-Одерской операции, когда Коровников был на одном из главных направлений и сыграл важную роль в освобождении Кракова. В последующем центр тяжести событий переместился на правое крыло нашего фронта, и Коровников оказался в менее заметном положении.

59-я армия была переброшена к нам в конце 1944 года с Ленинградского фронта. Помимо деловых соображений у меня была и чисто личная причина радоваться встрече с Иваном Терентьевичем.

Дело в том, что в тридцатые годы, когда я командовал особым корпусом в Монголии, Коровников был комиссаром этого корпуса, хотя образование имел командное.

У меня о нем сохранилось самое лучшее мнение: это был замечательный коммунист, хороший воспитатель, отличный товарищ, честнейший человек.

И теперь, когда мы встретились с ним в новых ролях — я командующий фронтом, он командующий армией, — я приезжал к нему как к своему старому боевому другу и товарищу. Но должен сказать, что скидок я ему ни в чем не делал, требовал с него полной мерой и в душе был рад, что он хорошо выполняет поставленные перед ним задачи, потому что, будь по-иному, спуска я бы ему не дал, несмотря на старую дружбу.

Генерал Коровников со своей армией особенно активно и успешно действовал при освобождении Кракова и в Верхне-Силезской операции. Иногда, правда, он жаловался, что я мало даю ему танков, а он хорошо знал танковые войска и имел вкус к их использованию. Но ничего не поделаешь, обстановка складывалась так, что основные танковые массы приходилось бросать на другие направления, хотя и в Берлинской и в Пражской операциях армия Коровникова несла нелегкую службу, обеспечивая наш левый фланг на довольно растянутом фронте.

Вспоминая сейчас о военной деятельности этого человека, я должен сказать, что он достоин самого глубокого уважения...

Мне хочется сказать несколько слов об авиаторах, действовавших на нашем фронте в составе 2-й воздушной армии под командованием генерал-полковника Степана Акимовича Красовского.

Сам генерал Красовский — старый солдат, испытанный боевой командир, отлично знающий не только авиационное дело, но и наземные войска, их службу и их потребности.

Положение командующего воздушной армией в известной мере двойственно: с одной стороны, он целиком под-

чинен командующему войсками фронта, а с другой — главнокомандующему Военно-Воздушными Силами в Москве. Все материальные ресурсы, все техническое руководство идет оттуда. Но С.А. Красовский всегда умело выходил из трудных положений, возникавших в связи с двойным подчинением. И я неизменно в таких случаях удивлялся его недюжинным способностям.

В его распоряжении была одна из самых крупных авиационных армий — до трех тысяч самолётов. Поддерживая наступление наземных войск, ему приходилось проводить операции большого размаха. Любя авиацию и защищая её от справедливых, а порой, быть может, и несправедливых упреков, Степан Акимович иногда был склонен преувеличивать трудности боевого использования авиации. Но зато, когда операция была уже спланирована и утверждена, он со своим штабом настойчиво проводил в жизнь и решения командующего войсками фронта, и свои собственные.

У меня о генерале Красовском сложилось мнение как об очень способном авиационном начальнике. Его подчиненные — командиры корпусов 2-й воздушной армии — представляли собой замечательную плеяду советских летчиков с большим опытом и славными традициями, сложившимися ещё в мирное время. Эти люди вынесли на своих плечах самые тяжкие испытания первого периода войны, когда немцы решительно превосходили нас в воздухе и по численности, и по летно-техническим данным. Затем уже в разгар войны они и им подобные, по существу, заново создавали нашу авиацию, формировали новые авиационные части, обучали и воспитывали летчиков, отработывали новые принципы боевого применения авиации.

Я неизменно с большим уважением вспоминаю о таких командирах корпусов, как В.Г. Рязанов, Н.П. Каманин, Д.Т. Никишин, А.В. Утин, В.Г. Благовещенский, В.М. За-

балусв, М.Г. Мачин, И.С. Полбин. Помню, как всех нас глубоко потрясла внезапная гибель последнего — это случилось уже в самом конце войны, во время победоносной Берлинской операции...

Дважды Герой Советского Союза генерал Полбин, командир гвардейского бомбардировочного корпуса, был очень храбрым, я бы даже сказал, безумно храбрым человеком. Причем эта личная храбрость сочеталась у него с высокими командирскими и организаторскими качествами. Всю войну он летал на выполнение боевых заданий, особенно когда это были задания ответственные или особо опасные.

Я знал, что Полбин и под конец войны продолжает сам летать, и во время Берлинской операции через генерала Красовского и его штаб приказал без моего ведома не выпускать его с аэродрома. Было вполне достаточно, чтобы он с КП руководил боевыми действиями подчиненных — обстановка теперь не требовала его личного участия в боях.

Корпус Полбина базировался недалеко от Бреслау. Генерал знал, что происходило в этой осажденной крепости, и, видимо, глубоко переживал, что нам так долго не удастся покончить с окруженной там группировкой. И вот однажды, когда командуя 6-й армией Глуздовский попросил Полбина подавить какие-то особенно мешавшие продвижению немецкие батареи, генерал, прирожденный летчик, соскучившийся без боевых вылетов, несмотря на мое запрещение, поднял девятку бомбардировщиков и сам повел её на Бреслау. И надо же было так случиться, чтобы именно в этот вылет он напоролся на незафиксированную ранее зенитную батарею. Единственный из девятки самолёт Полбина был сбит прямым попаданием снаряда, а сам он убит в воздухе. Так погиб этот замечательный командир

корпуса, человек безукоризненно дисциплинированный. Погиб в самом конце войны...

Говоря об авиаторах, не могу не упомянуть о другом талантливом командире — А.И. Покрышкине, ныне трижды Герое Советского Союза, командовавшем у нас авиационной истребительной дивизией.

Он показал себя на фронте не только человеком большой личной храбрости, но и искуснейшим организатором боевых действий. Александр Иванович владел не только высочайшим личным искусством воздушного боя, не только превосходно руководил этими боями в воздухе, выбирая каждый раз наиболее выгодные боевые порядки и уничтожая максимальное количество вражеских самолётов, но умел ещё на земле наилучшим образом подготовить личный состав к действиям в воздухе, быстрее и точнее всех перебазироваться, лучше всех организовать аэродромную службу. Кстати сказать, именно он первым начал летать с германских автострад, используя их как аэродромы. Покрышкин — гордость нашей авиации...

И наконец, вспоминая своих боевых соратников, я хочу сказать о генерале Кароле Сверчевском — командующем 2-й армией Войска Польского. Читатель уже знает, что Сверчевский был одним из тех, кто давал отпор вооруженному натиску фашизма ещё до начала Второй мировой войны. Он сражался в Испании, командовал там интернациональной бригадой; имя, которое он там носил, — Вальтер — было одним из самых популярных в республиканской Испании.

На нашем фронте генерал Сверчевский представлял новую, возродившуюся армию Польши — Войско Польское. 2-я армия Войска Польского, которой он командовал, в период Берлинской операции приняла боевое крещение. Скажу, как военный человек, не так-то легко вести

в первый бой такое крупное объединение, как армия. Но Кароль Сверчевский и его штаб основательно подготовились к этому.

Наступление армии началось хорошо. Позже в полосе её действий создалась трудная, и даже очень трудная обстановка — немцы превосходящими силами вышли на тылы армии. Но и при таком стечении обстоятельств войны 2-й армии Войска Польского сражались мужественно и умело. Даже когда положение стало критическим, Сверчевский сохранял уверенность в выходе из создавшейся ситуации. И действительно, помощь ему пришла вовремя, и опасность была ликвидирована.

Товарищ Сверчевский участвовал и в Пражской операции. Имя его было упомянуто в приказе Верховного Главнокомандующего о взятии Дрездена. И думал ли я тогда, что нашему боевому товарищу так недолго осталось жить. Несколько лет спустя меня глубоко потрясла весть о том, что в Польше товарищ Кароль Сверчевский погиб от руки украинского националиста-террориста. Тяжело и горько было слышать о трагической гибели этого замечательного представителя польского народа, боевого командарма, нашего старого друга...

Самые добрые воспоминания у меня остались о заместителе командующего 2-й армией Войска Польского Эдмунде Юзефовиче Пщулковском.

Свой боевой путь на нашей земле он начал под Ленино в октябре 1943 года. Там польские части впервые ударили по врагу, а враг испытал силу их оружия. С тех дней Пщулковский делил со своими товарищами по оружию все радости и невзгоды. Неутомимый организатор, опытный политработник, хорошо знавший настроения солдат и офицеров, он умел поднимать боевой дух и пользовался среди них большим авторитетом.

А когда польская армия, приняв участие в освобождении Польши, двинулась дальше на окончательный разгром врага, полковник Пщулковский, так же как и все его товарищи, воевал с особым вдохновением. Он активно участвовал в организации отпора под Бауценом и Дрезденом, сыграл видную роль как организатор и руководитель политработы 2-й армии Войска Польского.

Но вернемся к Пражской операции. Как я уже сказал, несмотря на то, что сроки подготовки к ней были и без того предельно сжаты, начало операции пришлось перенести с 7 на 6 мая. Главной причиной этого явилось Пражское восстание, вспыхнувшее 5 мая, и тот призыв по радио о помощи, с которым обратились к нам наши чехословацкие братья. Одновременно мы получили разведывательные данные о том, что генерал-фельдмаршал Шернер поспешно стягивает к Праге войска. 5 мая я отдал приказ войскам ударной группировки начать наступление утром 6 мая.

Вот как протекала эта операция по дням.

6 мая

Как только утром передовые отряды армий перешли в наступление, сразу же обнаружили два очень существенных обстоятельства.

Во-первых, выяснилось, что противник занимает не сплошную оборону, а из отдельных узлов и очагов сопротивления и опорных пунктов. Предположения на этот счет у нас имелись и раньше, но наступление началось буквально с ходу, без достаточного времени на всестороннюю разведку, и проверить эти предположения заблаговременно не удалось.

Во-вторых (и это было особенно важно), передовые отряды сразу установили, что немецко-фашистское коман-

дование не обнаружило сосредоточения нашей ударной группировки на левом берегу Эльбы, к западу и к северо-западу от Дрездена.

Именно поэтому её внезапный удар обещал дать особенно хорошие результаты. Надо было только действовать смело, без промедления. И я решил развить успех передовых отрядов немедленным вводом главных сил.

В четырнадцать часов после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление армии Пухова и Гордова. Сразу же вместе с ними, в их оперативных порядках, двинулись танковые армии Рыбалко и Лелюшенко.

Армия Жадова, ближайшей задачей которой являлось взятие Дрездена, к этому часу ещё не была готова к наступлению. Я отсрочил начало её действий до двадцати часов сорока пяти минут (по берлинскому времени восемнадцать часов сорок пять минут). У Жадова в этот день оставалось мало светлого времени, но это меня не смущало. Я считал, что армия должна пойти в наступление ночью, этого требовала обстановка. К тому же 5-й армии любая задача была по плечу.

Нанести без промедления удар в направлении Дрездена я считал особенно важным: как раз перед Дрезденом оборонялись танковые дивизии противника, и мы этим ударом лишали немецкое командование возможности снять их оттуда и бросить против наших танковых армий. Жадов должен был сковать танковые дивизии врага. Так оно и вышло.

К ночи, как назло, пошел проливной дождь. Темнота хоть глаз выколи. Слякоть, грязь. Наступать нелегко, а ориентироваться ещё труднее. Гитлеровцы повсюду оказывали жестокое сопротивление, особенно сильным оно было на левом фланге у Гордова и на всем фронте у Жадова. Здесь вели упорные оборонительные бои части танковой дивизии

«Герман Геринг», 20-й танковой дивизии и 2-й мотодивизии противника.

Весь день на этом самом трудном участке немецко-фашистские войска предпринимали отчаянные усилия, задерживая нас. Мы продвинулись за ночь только на десять — двенадцать километров. Но зато в полосе 13-й армии Пухова и на правом фланге у Гордова наши войска прорвались вперед на двадцать три километра, целиком выполнив задачу дня. Танкисты пока что действовали в боевых порядках общевойсковых армий.

В обычных условиях можно было вполне удовлетвориться достигнутым. Но, принимая во внимание обстановку, сложившуюся в Праге, когда был дорог каждый час, я потребовал от всех четырех командармов — Гордова, Пухова, Рыбалко и Лелюшенко — более высоких темпов наступления. Перед пехотой стояла задача пройти за следующие сутки тридцать — сорок пять километров, а от танкистов — пятьдесят — шестьдесят. Им было приказано наступать днем и ночью, не считаясь ни с усталостью, ни с какими-либо помехами. А главная помеха состояла в том, что дождь сильно испортил дороги. Выехав в части Гордова, я даже на «виллисе» с трудом пробрался туда по полям. Дрезден ещё не был взят. Поэтому некоторые шоссе мы не могли использовать. Войскам приходилось двигаться по проселочным дорогам и кружными путями. После дождя все было буквально перепахано и колесами и гусеницами, и это очень затрудняло продвижение.

Так обстояло дело на главном направлении. На других направлениях в этот день тоже произошли существенные события.

В восемнадцать часов командующий обороной Бреслау генерал Никгоф, убедившись в безнадежности дальнейшего сопротивления, капитулировал с сорокатысячным

гарнизонам. Город был сдан уже много недель осаждавшей его 6-й армии генерала Глуздовского. Генерал Никгоф дал интересные показания, о которых немедленно доложили мне.

Оказывается, на 7 мая планировалась попытка прорыва Бреславского гарнизона на соединение с Шернером. Войска 17-й армии, входившие в группу армий «Центр», должны были одновременно начать наступление навстречу прорывающимся. Этот замысел, хотя и не осуществившийся, свидетельствовал о той мере активности, которую даже в эти последние дни своего существования проявляла группировка Шернера.

Начало нашего наступления, видимо, перечеркнуло немецкие планы, и Никгоф решил капитулировать. Кстати говоря, Никгоф передал через генерала Глуздовского письмо на мое имя, в котором просил встречи со мной, ссылаясь на то, что он не взят в плен, а капитулировал сам. Я приказал передать ему, что оперативные дела фронта не дают мне возможности принять его, а с ним и с его подчиненными поступят так же, как со всеми остальными капитулировавшими частями германской армии.

У меня действительно не было времени для разговора с Никгофом. Кроме того, я считал, что и принципиально он не заслуживает какого-то особого отношения. Никгоф и его гарнизон проявили упорство в бою, но в последнее время, особенно после падения Берлина, оказались в явно безнадежном и бесперспективном положении, это упорство было бессмысленно и преступно, прежде всего по отношению к многочисленному гражданскому населению, скопившемуся в Бреслау.

Вторым существенным событием дня на наших второстепенных направлениях был неожиданно обнаружившийся

ся отход противника перед фронтом 59-й армии Коровникова на нашем левом крыле.

Заметив первые признаки отхода, Коровников организовал преследование противника, и к вечеру его войска продвинулись на семь километров. Все говорило о том, что гитлеровцы почувствовали наш удар на Дрезденском направлении, правильно восприняли его как угрозу окружения и начали поспешно вытягивать свои войска из самых отдаленных районов того периметра, по которому была размещена миллионная группировка Шернера.

Шернер явно торопился, и это требовало от нас удвоенной стремительности действий. Учитывая все обстоятельства, я отдал приказ о переходе в наступление армиям центра и левого крыла фронта (2-й армии Войска Польского, 28, 52, 31, 21, 59-й армиям) на два дня раньше запланированного срока.

Именно этими мыслями закончился для меня первый день Пражской операции.

7 мая

Сражение шло всю ночь и продолжалось утром. Войска главной ударной группировки продвигались все дальше к югу по западному берегу Эльбы и к концу дня оказались перед северными склонами главного хребта Рудных гор.

Темп продвижения достиг в этот день сорока пяти километров. Особенно успешно наступала армия Пухова, настолько успешно, что взаимодействовавшие с нею танкисты Лелюшенко, продвигаясь через горы и леса, так и не смогли в этот день оторваться от пехоты Пухова и лишь кое-где незначительно опередили ее. Правда, армия Лелюшенко наступала компактно, и я по многим признакам

чувствовал, что у нее уже все подтянуто для предстоящего рывка вперед.

В этот день, признаюсь, я был особенно удовлетворен действиями Пухова и Лелюшенко, четкой работой штабов обеих этих армий, возглавляемых генералами Маландиным и Упманом.

Обстановка была сложной, темпы наступления высокие. Для управления войсками фронта в этих условиях требовались непрерывные донесения снизу, чтобы вовремя регулировать движение войск, выдерживать и направление движения, и темпы. Я должен был все время знать, где что происходит, чтобы иметь возможность соответственно сманеврировать другими имевшимися в моем распоряжении резервами в том случае, если наступление где-то остановится, застопорится, упрется в непробиваемую с одного удара оборону. Бесперебойная информация имела для меня в этот день особенное, исключительное значение. И нужно отдать должное Маландину и Упману, они её обеспечили: донесения шли непрерывно. Связь с 13-й и 4-й гвардейской танковой армиями, хотя они и действовали на дальнем, заходящем фланге, была превосходной.

Не могу не сказать тут хотя бы несколько слов о начальнике штаба 13-й армии Германе Капитоновиче Маландине (в последнее время он возглавлял Академию Генерального штаба). Это был человек большой штабной школы, талантливый и организованный, отличавшийся безукоризненной честностью и точностью, никогда не поддававшийся соблазну что-либо приукрасить или округлить в своих докладах. Вот уж за кем не было этого греха, водившегося за некоторыми в общем-то неплохими людьми.

Отличная штабная школа сказалась и в тех докладах — лаконичных и в высшей степени точных, — которые представлял мне Маландин в ходе Пражской операции. Порой

он даже сообщал последние данные о продвижении своего соседа — 3-й гвардейской армии Гордова — раньше, чем сам сосед успевал сделать это.

Армия Гордова и танковая армия Рыбалко своим правым флангом прошли за этот день двадцать пять километров. Рыбалко так же, как и Лелюшенко, ещё не оторвался от пехоты. А его 6-й танковый корпус, помогавший Жадову овладеть Дрезденом, совершил пятнадцатикилометровый маневр и вышел на западную окраину Дрездена.

Гордов в этот день овладел городом Мейссеном с его знаменитым собором и не менее знаменитым фарфоровым заводом. Командарм-3 принял все меры, чтобы захватить этот один из стариннейших и красивейших городов Германии в целостности и сохранности. А это было не так просто: гитлеровцы сопротивлялись упорно, цепляясь за каждый рубеж и прикрывая свой отход контратаками танков.

Войска армии Жадова, начав, как я уже сказал, свое наступление накануне вечером, вели бои всю ночь, все утро и весь день и к концу суток, продвинувшись на тридцать километров, завязали бои уже непосредственно за Дрезден.

Особенно важным с точки зрения дальнейшего развития событий являлось быстрое продвижение правого, заходящего фланга нашей ударной группировки — армий Пухова и Лелюшенко. Своим стремительным наступлением они захлестывали противника, не давали ему возможности зацепиться, занять оборону, сесть на пояс долговременных укреплений по чехословацкой границе, оседлать горные перевалы.

Погода теперь более благоприятствовала нам, чем накануне. Правда, земля ещё не просохла, но небо было чистым, и авиация уже работала вовсю. А это, разумеется,

сыграло немаловажную роль для облегчения нашего продвижения.

Что касается противника, то, как выяснилось впоследствии, в тот день штаб группы армий «Центр» разработал план постепенного отхода войск в Западную Чехословакию и Северную Австрию, навстречу американцам. Оказывается, Кейтель, подписав в этот день в штабе Эйзенхауэра предварительную капитуляцию, тотчас же направил генерал-фельдмаршалу Шернеру приказ за своей подписью о прекращении боевых действий. Однако Шернер отказался выполнить это требование и начал отвод войск на запад.

В приказе, отданном 7 мая, Шернер писал: «Неприятельская пропаганда распространяет ложные слухи о капитуляции Германии перед союзниками. Предупреждаю войска, что война против Советского Союза будет продолжаться».

Ясно, намерения Шернера заключались в том, чтобы драться с нами до последней возможности, а в критический момент ускользнуть от нас и капитулировать перед теми, с кем он не воевал. Но чем дальше шло время, тем менее выполнимым становился задуманный Шернером план. Утром 7 мая в соответствии с общим планом Ставки перешли в наступление войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р.Я. Малиновского, двигавшиеся на Прагу в обход её с юго-востока. 7-я гвардейская армия М.С. Шумилова и 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника А.Г. Кравченко 2-го Украинского фронта шли навстречу нам, охватывая группировку Шернера. Одновременно войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии А.И. Еременко продвигались с востока, освобождая на пути к Праге все новые и новые районы Чехословакии.

Не сказав обо всем этом, нельзя дать общего представления о происходившем. И тех читателей, которые хотели бы познакомиться со всем кругом событий, происходивших в эти дни, я отсылаю к вышедшему под моей редакцией коллективному историческому труду «За освобождение Чехословакии». В нем полно освещен ход и характер действий всех трех фронтов, планирование и решение всех стоявших перед ними в те дни задач. Я же, как и в предыдущих главах, естественно, буду описывать прежде всего и главным образом то, что находилось непосредственно в поле моего зрения, то есть дела 1-го Украинского фронта.

Если говорить о моих размышлениях на исходе дня 7 мая, то они сводились к тому, что от войск 1-го Украинского фронта по-прежнему требовалось максимальное напряжение сил для быстреего выхода в район Праги. Пути отхода войск Шернера на запад надо было скорее отрезать.

8 мая

На рассвете в полосе действий армии Лелюшенко произошло событие, в тот момент не обратившее на себя особого внимания, но, несомненно, сыгравшее свою роль в последовавшем затем разгроме и пленении группировки Шернера.

Стремительно продвигаясь вперед днем и ночью и громя все, что попадалось на пути, 5-й гвардейский мехкорпус под командованием генерал-майора И.П. Ермакова между Яромержем и Жатецем (северо-западнее Праги) с ходу разгромил и уничтожил большую штабную колонну немцев. Разгромил и пошел дальше. Было некогда останавливаться, задерживаться, разбирать документы.

Что это была за колонна, мы узнали уже потом, только после салюта Победы. Тогда выяснилось, что танкисты Ермакова полностью уничтожили пытавшийся уйти к американцам штаб группы армий «Центр» генерал-фельдмаршала Шернера.

О значении этого факта лучше всего, пожалуй, сказал потом в своих показаниях сам Шернер: «С этого времени я потерял управление отходящими войсками. Танковый прорыв был совершенно неожиданным, так как вечером 7 мая фронт ещё существовал». К этому следует добавить, что после уничтожения штаба нашими танкистами Шернер не только потерял управление войсками, но и вообще, если можно так выразиться, «перешел на нелегальное положение», бежал в горы и прятался там, переодетый в штатское платье.

А наше стремительное наступление продолжалось. Войска ударной группировки смяли противника на рубеже Рудных гор, где он ещё пытался зацепиться и оказать сопротивление, и перевалили через них. Одна за другой наши части вступали на территорию Чехословакии. С огромной радостью, хлебом-солью и цветами, встречало их чешское население. Советских воинов угощали молоком, а кое-где и вином. Отовсюду неслись взволнованные возгласы: «Да здравствует вечная дружба народов Советского Союза и Чехословакии!», «Да здравствует Россия!», «Наздар!». День 8 мая стал не только решающим днем наступления, но и решающим днем всей операции.

В этот же день 5 я гвардейская армия Жадова во взаимодействии с частями армии Гордова, Рыбалко и 2-й армии Войска Польского полностью овладела Дрезденом и с ходу продвинулась ещё на двадцать пять километров. Вечером в Москве прозвучал один из предпоследних салютов войны в честь взятия Дрездена.

Как командующий фронтом, я знал, что в то самое время, когда наши войска продвигаются вперед, освобождая Чехословакию, в Берлине идет подготовка к подписанию акта о всеобщей капитуляции гитлеровской армии. Я аккуратнейшим образом получал информацию от Генерального штаба обо всем происходившем там и, читая ее, испытывал, пожалуй, довольно странное чувство: фельдмаршал Кейтель готовился к подписанию капитуляции, а перед нами все ещё восвал генерал-фельдмаршал Шернер, вернее, остатки его войск.

В двадцать часов я, выполняя указания Ставки, приказал передать по радио обращение ко всем немецко-фашистским войскам, находившимся на территории Западной Чехословакии, об их безоговорочной капитуляции. Одновременно с этим всем командармам 1-го Украинского фронта было дано указание: если через три часа, то есть к двадцати трем часам 8 мая, гитлеровские войска не капитулируют, продолжать военные действия и, нанеся решительный удар по противнику, разгромить его до конца.

Чтобы воспрепятствовать бегству фашистских генералов и других нацистских преступников воздушным путем, я потребовал от наших войск во время наступления в первую очередь захватывать аэродромы и взлетные площадки, выделив для этого специальные подвижные отряды с танками, броневиками и посаженной на машины пехотой.

Наступила трехчасовая пауза. Я находился на своем КП, на северо-западной окраине Дрездена, куда перебрался, как только наши войска взяли город. Все, кто прибыл со мной, оставались на своих местах. Слушали, как говорится, во все фронтовые уши — всеми радиостанциями. Ждали ответа. Но ответа от немецко-фашистского командования так и не последовало.

Ровно в двадцать три часа войска фронта в соответствии с приказом обрушили на немцев мощный огневой шквал и возобновили наступление. Вперед двинулись уже не только армии, входившие в главную и вспомогательные ударные группировки, но и вообще все двенадцать армий фронта вплоть до крайней левофланговой. Они начали наступление в разное время, но к исходу дня продвижение семи армий центра и левого крыла фронта составило от двадцати до тридцати километров.

2-я армия Войска Польского генерала Сверчевского и войска генералов Коротеева, Шафранова, Гусева, Коровникова к утру 8 мая продвинулись на пятнадцать — двадцать километров, очистили от противника ряд городов на границе Чехословакии и в её пределах.

С начала наступления наша авиация уже сделала четыре тысячи самолёто-вылетов. Две трети из них пришлось на 8 мая. Удары с воздуха наносились преимущественно по вражеским войскам, пытавшимся отходить от Праги на запад. Авиация препятствовала движению немцев по дорогам, которые ещё не успели перерезать наши танкисты.

Так выглядели события этого напряженного дня. Поскольку именно тогда мы взяли Дрезден, а название этого города неразрывно связано с всемирно известной Дрезденской картинной галереей, то я, пожалуй, именно здесь расскажу о поисках и спасении этой сокровищницы.

Дрезден предстал перед нами в страшных развалинах. Под самый конец войны без всякой на то стратегической необходимости его бомбардировала англо-американская авиация. Когда мы увидели разрушенный с особенной беспощадностью исторический центр города, нас сразу же заинтересовало, где и в каком состоянии находится знаменитая Дрезденская галерея. До меня уже дошли слухи, что сокровища её куда-то спрятаны, а здание, где находилась

галерея, разворочено так, что даже узнать его невозможно. Что последнее соответствует истине, я убедился, проезжая по городу.

Не буду приписывать себе какую-то особую инициативу в розысках Дрезденской галереи, но внимание, которое я смог уделить этому делу в то горячее время, я уделил. Поинтересовался, занимаются ли розысками, кто занимается, и выяснил, что в трофейной бригаде 5-й гвардейской армии есть художник Рабинович, проявляющий большой энтузиазм в розысках картин; он натолкнулся на множество трудностей; необходимо было оказать ему помощь: дать для розысков специальную команду, а также выделить из органов разведки опытных людей, которые могли быть ему полезны.

Надо сказать, что Л.Н. Рабинович — офицер трофейной бригады по должности и художник по образованию — действительно приложил много энергии и сообразительности, разматывая запутанный клубок и все время расширяя сферу своих поисков. Я разрешил ему докладывать о ходе дел непосредственно мне. И он докладывал регулярно каждый день. К этому времени в поисках принимало участие уже немало людей, в том числе группа специалистов во главе с московским искусствоведом Натальей Соколовой, очень энергичной женщиной.

И вот однажды ко мне на командный пункт явился сияющий и до крайности взволнованный Рабинович и доложил, что сокровища Дрезденской галереи найдены. Найдены за Эльбой, в штольнях каменоломен, и добавил, что ещё не может сейчас сказать о степени сохранности полотен, но картины там, он видел их собственными глазами.

Я тотчас же сел в машину и поехал к каменоломням.

Как сейчас, помню открывшееся тогда перед нами зрелище. Уходившая вглубь каменоломни железнодорожная

ветка, по которой вывозили камень, сохранилась, но выглядела так, будто здесь все давно уже заброшено. У входа в штольню, наполовину прикрывая его, стояли два сложенных вагона. Кругом — запустение, словно стоишь на худом, давно покинутом деревенском дворе. Все заросло травой, крапивой.

Никому и в голову не могло прийти, что здесь спрятано что-то ценное, а тем более знаменитые полотна. Скажу, как военный человек, маскировка была на высоте. Буквально никаких признаков, которые вызывали бы хоть малейшее подозрение. А там, внутри, за всем этим камуфляжем, за всем этим видимым запустением, оказалась одна дверь, потом вторая, потом обнаружился электрический свет и даже специальные установки, предназначенные для поддержания внутри штольни определенной температуры.

Штольня представляла собой нечто вроде большой пещеры. Наверно, те, кто прятали здесь картины, предполагали, что в этой каменной выемке будет сухо. Но увы, местами здесь сочились по трещинам грунтовые воды, температура воздуха, видимо, претерпевала большие колебания, и регулирующие установки к тому времени, когда были разысканы картины, уже не работали.

Картины (а их в этой пещере оказалось около семисот) были размещены довольно беспорядочно. Некоторые обернуты пергаментной бумагой, другие упакованы в ящики, иные же просто-напросто прислонены к стенам. Я прошел всю эту пещеру и впервые увидел многие из тех шедевров живописи, которые теперь можно видеть в залах восстановленной Дрезденской галереи. Там была и «Сикстинская Мадонна». Несколько минут стоял я перед ней, все ещё не до конца веря собственным глазам, что мы действительно нашли ее.

Беспокоили сырость, грунтовые воды. Еще больше встревожился я, когда узнал, что наши сапёры обнаружили в штольне мины. Правда, они были уже обезврежены, но кроме этих могли ведь оказаться и другие.

Я приказал немедленно произвести дополнительную проверку и вызвать батальон для охраны сокровищ искусства. Через несколько часов в штольню прибыли московские специалисты во главе с Натальей Соколовой, и под их руководством все найденное было переправлено в одну из летних резиденций саксонских королей на окраине Дрездена. В этом огромном дворце специалисты просушивали картины, делали все, что было необходимо для их спасения.

Но вскоре выяснилось, что и здесь им не место. В разрушенном городе невозможно было организовать абсолютно надежное и правильное хранение этой огромной драгоценной коллекции, и она была отправлена в Москву специальным поездом под усиленной охраной и в сопровождении специалистов.

Но пока картины находились в летнем дрезденском дворце, я и Иван Ефимович Петров, кстати говоря, большой любитель и ценитель живописи, приходили смотреть их. Может быть, именно после всего пережитого за четыре года войны я с каким-то особенным удовлетворением и радостью смотрел на эти, к счастью, сохранившиеся великие произведения искусства...

В те дни мы оказали большую помощь жителям Дрездена. Центральная часть города была превращена в результате массированных налетов англо-американской авиации в сплошные руины. Известный немецкий писатель Герхарт Гауптман свидетельствовал потом: «Я лично пережил гибель Дрездена под грохот Содомы и Гоморры английских и американских самолётов».

Мы понимали положение дрезденцев: разрушены их жилые дома и трамвайные пути, электростанции и газовое хозяйство, водопровод и канализация.

Руины нам приходилось видеть не впервые. В нашей памяти были свежи истерзанные фашистскими оккупантами города и села России, Украины, Белоруссии, растоптанная гитлеровским сапогом польская земля. Мы отлично понимали, что это ждало и Москву, и город Ленина. У советского солдата не могло не возникнуть чувства мщения, святой ненависти. Но мы никогда не отождествляли немецкий народ с кликой фашистских преступников. На занятой нами территории Германии советские воины проявили подлинный гуманизм и благородство. Поведение наших солдат и офицеров в Дрездене — характерный тому пример.

Буквально сразу же после освобождения города началось его восстановление силами Красной Армии с привлечением населения. Нами были выделены необходимые материальные ресурсы, автотранспорт, горючее. Самое главное — приняты меры по организации снабжения дрезденцев продовольствием. Военный совет фронта установил нормы, которые были выше, чем при фашистском режиме. Рабочий тяжелого труда получал в день 450 г хлеба и 50 г мяса. Продовольственные нормы работников науки, техники, культуры и искусства установлены такие же, как для рабочих тяжелого труда, то есть самые высшие. Инженеры, техники, учителя, а также граждане, находящиеся на излечении в больницах, снабжались по нормам рабочих. Дифференциацию норм по категориям производили местные власти.

Дрезденцы с благодарностью отзывались о заботе, проявленной нашей армией. Немцы, по-моему, очень быстро поняли, насколько лжива была геббельсовская пропаганда, вдалбливавшая изо дня в день до прихода наших войск, что

советские солдаты будут мстить и расправляться с мирным населением. Лучшее свидетельство тому — приток жителей, возвращавшихся в Дрезден с запада. Ежедневно в город прибывали по две-три тысячи человек, бежавших из зоны американской оккупации. Они заявляли, что американцы создали невыносимые условия прежде всего тем, что совершенно не снабжают их продуктами.

Мы же, чтобы скорее создать нормальные условия для жизни населения города, мобилизовали буквально всех автомобилистов, продовольственников, инженерный состав и аппарат тыла.

Кстати, поскольку я коснулся здесь разнообразной работы наших тыловиков, то мне особенно хотелось бы выделить медиков, и не потому, что другие службы тыла значили меньше или больше; от каждой службы, от того, как она поставлена и организована, зависело многое при подготовке и осуществлении боевых операций. Но труд медиков, призванных спасать самое дорогое — человеческие жизни, — я бы сказал, наглядно, поистине без всяких оговорок, благороден. А на войне, где смерть косит людей без разбора, в особенности благороден.

Наши фронтовые медики совершили множество подвигов и на поле боя, и в госпитальных условиях, возвращая в строй тысячи и тысячи раненых бойцов и командиров. Здесь уместно сказать, например, что из числа раненых 80 процентов возвращались из госпиталей в свои части и подразделения. Примечательно!

В Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях при их огромном пространственном размахе, напряженности боев и высоких темпах наступления войск медперсоналу приходилось выдерживать, мягко говоря, большие нагрузки. Врачи, сестры, санитары работали самоотверженно, на пределе всех своих возможностей, а высшие и старшие

медицинские начальники проявили оперативность, разворотливость, организовав эвакуацию раненых и маневр госпиталей и транспортными средствами. На всех этапах сражения были обеспечены быстрота и надежность эвакуации, раненые получали скорую медицинскую помощь. Я выражаю самую горячую благодарность всем медикам фронта, в первую очередь хирургам — им, пожалуй, доставалось больше всех.

Если же учесть, что врачами были преимущественно женщины, не говоря уже о медицинских сестрах и санитарках, то слова моей благодарности приобретают особый смысл. Не только в тылу, но и на фронте наши женщины внесли большой вклад в дело победы.

В знак признания огромных заслуг медиков перед фронтом по окончании Берлинской операции многие генералы и офицеры медслужбы, сестры, санитарки и санитары были награждены орденами и медалями, а начальник медицинского управления фронта генерал-лейтенант медицинской службы Н.П. Устинов и главный хирург фронта генерал-майор медицинской службы М.Н. Ахутин удостоились ордена Суворова.

Вручение наград происходило на командном пункте фронта в Дрездене и было волнующим. Присутствовали далеко не все, удостоенные наград. Но эта сравнительно небольшая группа медиков олицетворяла для нас весь славный отряд бесстрашных тружеников войны, и Военный совет фронта был рад их приветствовать и поздравить с наградами.

Необходимо отметить, что успешное решение всех задач материально-технического и медицинского обеспечения наших войск органами фронтового и армейского тыла во многом объяснялось четким руководством начальника тыла Красной Армии генерала армии Андрея Васильеви-

ча Хрулева и начальника Главного военно-медицинского управления генерал-полковника медицинской службы Ефима Ивановича Смирнова.

Возвращаясь к событиям мая 1945 года, я с удовольствием вспоминаю встречи с товарищем Г. Матерном и другими немецкими коммунистами и демократами — участниками движения Сопротивления. Они активно помогали нам в работе по снабжению дрезденцев продовольствием и восстановлению городского хозяйства, в организации местного управления. В годы войны нам не были известны их имена. Но мы знали, что лучшие сыны немецкого народа, нестигаемые борцы за великое дело пролетарского интернационализма, достойно отмеченные ныне советскими боевыми орденами, через все тяжелейшие испытания тех лет пронесли в своем сердце любовь к Советскому Союзу — родине социализма.

Герои легендарной антифашистской организации Шульце-Бойзен и Харнак, группы Уриха, Зефкова и Якоба, бесстрашные Альберт Хесслер и Ильзе Штёбе, ветераны КПГ Шуман, Нейбауэр, Позер и многие другие славные бойцы великой армии Маркса, Энгельса, Ленина шли на смерть, убежденные в правоте своего дела, непоколебимо веря в победу Красной Армии, в счастливое будущее своего народа.

В нашей памяти навсегда сохранится светлый образ вождя немецких коммунистов Эрнста Тельмана. Многих из его последователей и учеников мы видели в боевых порядках наших войск. Помню, как в суровом феврале 1944 года во время Корсунь-Шевченковской операции мне довелось встретиться с руководством Национального комитета «Свободная Германия», душой которого были товарищи В. Пик, В. Ульбрихт, В. Флорин, Г. Матерн, а также замечательный немецкий поэт Э. Вайнерт. Представителям

НКСГ и примкнувшего к нему «Союза немецких офицеров», в котором находились пленные немецкие генералы Зейдлиц, Даниэльс, Корфес, было разрешено обратиться к личному составу окруженной вражеской группировки. Их обращение во многом способствовало прозрению солдат и офицеров противника. В дальнейшем упорная работа КПГ среди военнопленных превратила многих из них в настоящих борцов за социализм, теперь видных деятелей ГДР.

9 мая

Прежде чем говорить о событиях этого дня, скажу несколько слов о Пражском восстании. Сейчас, через двадцать с лишним лет после войны, события, связанные с этим героическим восстанием, широко известны; они описаны в различных статьях и специальных книгах.

У восстания были свои особенности и противоречия; в нем участвовали различные социальные силы. Восстание усугубило и без того критическое положение немецких войск в Чехословакии. Ведя с восставшими кровавую борьбу, фашистские власти и немецкое командование в то же время маневрировали, искали выгодных для себя обходных путей. Чтобы выиграть время, шли на переговоры, а на последнем этапе соглашались даже на разоружение своих войск с условием, чтобы их пропустили через Прагу вооруженными и разоружили только за её пределами.

Среди руководителей Пражского восстания были люди, по-разному относившиеся к этим предложениям. И трудно сказать, чем бы все это кончилось, может быть, ещё одним жестоким кровопролитием, которое учинили якобы готовые разоружаться, но пока ещё вооруженные фашистские войска.

Сейчас гадать об этом не приходится, потому что весь этот сложный узел был разрублен нашими танкистами, ворвавшимися в три часа утра 9 мая на улицы Праги. К этому моменту в различных районах Праги ещё продолжались кровавые столкновения между участниками восстания и эсэсовцами. И в то время как на одних улицах наших танкистов встречало торжествующее пражское население, на других, особенно окраинных, танковые экипажи вынуждены были с ходу вступать в бой и выбивать из Праги сопротивлявшихся фашистов.

Когда я бываю на Ольшанском кладбище в Праге, где покоится прах наших солдат и офицеров, погибших в дни Пражской операции, я с горестным чувством читаю на надгробьях украшенных цветами могил дату «9 мая». В сущности, война уже кончилась, а эти люди погибли здесь, на пражских окраинах, когда вся наша страна уже праздновала победу, погибли в последних схватках с врагами, бесстрашно доводя до конца начатое дело.

Я не стану анализировать ход Пражского восстания во всех его сложных перипетиях. Скажу лишь о том, что было в нем самым главным, — всенародный взрыв негодования против фашистских захватчиков, стремление взять в руки оружие, любой ценой помочь скорейшей победе над фашизмом, не считаясь при этом ни с опасностью, ни с жертвами. В этом — героическая суть восстания.

И тогда, двадцать лет назад, мы, издалека прорываясь к Праге, чтобы спасти её от фашистов, чувствовали это и стремительно двигались на помощь восставшим пражанам. Ведь по собственному опыту мы достаточно хорошо знали, на какие кровавые злодеяния способны фашисты всюду, где сила оказывается на их стороне.

У нас была острая тревога за Прагу, острое желание как можно скорее прийти на помощь своим братьям, прежде

чем фашисты, используя преимущество в силах, успеют расправиться с ними. Это чувство было у нас всеобщим. Оно владело и мной, командующим фронтом, и рядовыми танкистами из армий Рыбалко и Лелюшенко, которым, чтобы утром ворваться в Прагу, пришлось совершить в ночь на 9 мая невероятный по темпам восьмидесятикилометровый бросок. К Праге стремились, и каждый из нас сделал все, что было в человеческих возможностях. Но ради исторической справедливости хочу перечислить части, первыми достигшие Праги, в той последовательности, в какой это происходило.

Первыми ворвались в город с северо-запада танки 10-го гвардейского уральского добровольческого корпуса (командир генерал-лейтенант Е.Е. Белов) армии Д.Д. Лелюшенко. Почти сразу же вслед за ними с севера в Прагу вступили танкисты 9-го мехкорпуса (командир генерал-лейтенант И.П. Сухов) армии П.С. Рыбалко. А всего через несколько часов на пражских окраинах уже появились передовые части 13-й и 3-й гвардейской общевойсковых армий. Войска 5-й гвардейской армии своими главными силами ликвидировали группировку врага северо-восточнее Праги, и её передовой отряд тоже вышел на северную окраину Праги. К десяти утра Прага была полностью запята и очищена от противника войсками 1-го Украинского фронта.

А в тринадцать часов навстречу нам вышли войска 2-го Украинского фронта. Это были головные части 6-й танковой армии генерала А.Г. Кравченко. Встретились они в тридцати пяти километрах юго-восточнее Праги с частями 4-й гвардейской танковой армии Лелюшенко.

Подвижная группа 4-го Украинского фронта, стремительно преследуя отходящего врага, к восемнадцати часам 9 мая также достигла Праги своими основными силами.

Кольцо вокруг отказавшейся сложить оружие чехословацкой группировки гитлеровцев было замкнуто. В этом очередном и теперь уже последнем гигантском котле оказалось более полумиллиона солдат и офицеров из дезорганизованных и потерявших управление войск группы армий Шернера. Теперь им не оставалось ничего другого, как сдаться, хотя отдельные стычки с фашистами, не желавшими складывать оружие, продолжались в разных местах ещё почти неделю.

Кстати сказать, в течение этой недели был схвачен нами и изменник Родины Власов. Случилось это в сотне километров юго-восточнее Пльзень. Войсками 25-го отдельного танкового корпуса генерала Фоминых была пленена власовская дивизия генерала Буйниченко. Когда танкисты стали разоружать ее, то выяснилось, что в одной из легковых машин сидит закутанный в два одеяла Власов. Обнаружить предателя помог его собственный шофер. Танкисты вместе с этим шофером вытащили представшего Власова из-под одеял, погрузили на танк и тут же отправили прямо в штаб 13-й армии. Жалкий конец, вполне закономерно венчающий всю карьеру этого отщепенца!

Из штаба 13-й армии Власова доставили ко мне на командный пункт. Я распорядился, не теряя времени, отправить его сразу в Москву. Решительными действиями, которые потребовались для бескровного и быстрого пленения власовской дивизии, непосредственно руководил командир 162-й танковой бригады полковник И.П. Мищенко. А самого Власова захватил командир мотострелкового батальона этой бригады капитан М.И. Якушев...

...Возвращаюсь к рассказу о дне 9 мая.

О том, что танкисты Лелюшенко и Рыбалко в Праге, я узнал вскоре после того, как они вступили туда. Мы полу-

чили почти одновременно коротенькие донесения на этот счет и от начальника оперативного отдела штаба Рыбалко и от Маландина из 13-й армии. Но вдруг, как назло, проводная связь со штабами армий, освобождавших Прагу, прервалась. В течение многих часов связисты, как ни бились, не могли соединиться ни с армией Лелюшенко, с которой до этого держали очень хорошую связь, ни с армией Рыбалко, ни с армией Гордова. С 13-й армией, с Маландиным, связь была, но зато сам он никак не мог связаться со своими передовыми частями.

Все это беспокоило меня, хотя я и был уверен в благоприятном развитии дальнейших событий и уже имел первые данные об освобождении Праги. Однако одних предварительных данных было недостаточно для того, чтобы докладывать в Ставку.

После того как связь прервалась, можно было, конечно, попытаться запросить штабы по радио открытым текстом, но этого не хотелось делать. Да и довольно солидное расстояние плюс горы не гарантировали успеха.

Тогда я направил самолёт из эскадрильи связи штаба фронта. Рассчитал по времени. Во всяком случае, через два часа он должен вернуться. Но прошло три часа, а самолёта нет. Пришлось звонить в 13-ю армию и брать в оборот Маландина. Тот ответил, что послал в Прагу машину с несколькими офицерами, но докладов от них ещё нет. Я приказал ему продублировать эту попытку, направить офицеров связи в Прагу на самолётах.

Время шло, а самолёты не возвращались, и новых донесений по-прежнему не было. Я послал ещё одного офицера из оперативного управления штаба фронта на самолёте связи и одновременно приказал Красовскому поднять группу боевых самолётов и поручить летчикам с малых высот выяснить обстановку в Праге. После их возвращения

мы узнали, что в городе никаких боевых действий уже не наблюдается, а на улицах толпы народу.

Что Прага освобождена, было ясно, но ни одного вражеского доклада ни от одного из командующих армиями так и не было.

Как выяснилось потом, причиной тому было ликование пражан. На улицах шли сплошные демонстрации. При появлении советского офицера его немедленно брали в дружеский полон, начинали обнимать, целовать, качать. Один за другим попали все мои офицеры связи в окружение — поцелуи, угощения, цветы...

Потом в этих же дружеских объятьях один за другим оказались и старшие начальники — и Лелюшенко, и Рыбалко, и подъехавший вслед за ними Гордов. Никому из них не удавалось выбраться из Праги на свои командные пункты, к своим узлам связи и подробно доложить обстановку.

Ко мне поступали время от времени сообщения по радио, но все они были, я бы сказал, уж чересчур краткими: «Прага взята», «Прага взята», «Прага взята»... А мне необходимо было доложить Верховному Главнокомандующему не только то, что Прага взята, но и при каких обстоятельствах взята, какое сопротивление было встречено и где. Есть или уже нет организованного противника, а если есть, то в каком направлении он отходит.

Словом, день освобождения Праги был для меня очень беспокойным. Пропадали офицеры связи, пропадали командиры бригад и корпусов — все пропадали! Вот что значит и до чего доводит народное ликование!

Впоследствии меня не раз, в особенности по случаю торжественных годовщин, спрашивали, каким был для меня последний день войны, какими были мои переживания в связи с последней операцией войны. Как видите, вопрос не такой уж простой!

Из-за торжественной встречи наших войск в Праге, которая вызвала перебои в связи, я фактически задержал на несколько часов обнародование приказа Верховного Главнокомандующего об освобождении Праги. Я нажимал на своих подчиненных, требовал подробных донесений, а в это время из Москвы непрерывные звонки: «Послушайте, ведь сегодня должен быть окончательный салют в честь полной победы! Где же ваше донесение? Где вы там? Что у вас там? Уже давно подписана всеобщая капитуляция, а от вас все ещё ничего нет».

Начальник Генерального штаба по крайней мере раз десять звонил мне, требуя окончательных донесений, а я и сам не имел их и все оттягивал и оттягивал срок доклада. И только получив наконец удовлетворяющие меня сведения, уточнив их, составил свое донесение. В нем указывалось, что в девять часов утра Прага была полностью освобождена и очищена от противника. Хотя, повторяю, первые наши танки вошли туда в три часа ночи...

Заканчивая повествование о последней операции 1-го Украинского фронта, хочу сказать о военном корреспонденте, который первым на связном самолёте добрался до Праги и первым написал о её освобождении, а до этого прошел вместе с войсками 1-го Украинского фронта весь его боевой путь. Я говорю о Борисе Николаевиче Полевом.

Впервые мы встретились с ним ещё в начале войны на Калининском фронте. Потом, начиная с 1943 года, он достойно представлял «Правду» на Степном, 2-м Украинском и 1-м Украинском фронтах.

Мне лично кажется, что он с наибольшим знанием дела, наиболее объективно освещал ход боевых событий, свидетелем и участником которых являлся сам. С одной стороны, он писал об отдельных фактах боевой жизни,

как правило, ярких, имеющих принципиальное воспитательное значение. В его корреспонденциях можно пайти десятки достоверных портретов героев войны. С другой стороны, он всегда имел представление о масштабах всего происходящего на фронте, неизменно располагал всей доступной для него информацией, присутствовал в разгар событий на решающих участках и на протяжении войны дал в «Правду» немало интересных, обобщающих материалов о наиболее крупных операциях фронта.

Его корреспонденции по-военному были грамотны, написаны спокойным, некрикливым тоном; они помогали нам в нашей нелегкой работе.

К сожалению, иным журналистам и литераторам не хватало этого умения показывать людей на войне. Читая их корреспонденции, я порой испытывал такое чувство, словно вижу на первом плане колесо какой-то большой машины и где-то там, около этого колеса, человека не больше муравья. Колесо, конечно, важная деталь, особенно в такой машине, как война, но все-таки главное на войне человек, который это колесо придумал и который его крутит.

И на мой взгляд, литератор, не стремящийся выразить красоту человеческой души, в том числе и на войне, не в состоянии принести большой пользы советской печати и её читателям, в том числе и военным.

А корреспонденции Полевого мне как раз тем и нравились, что он вкладывал в них всю свою душу и уважение к человеку; я полюбил потом за это же и его книгу «Повесть о настоящем человеке», как бы продолжившую собой все то, что он делал во время войны на фронте.

Последние три года войны я встречался с Полевым не часто и, как правило, накоротке, в силу своей постоянной занятости.

На большом фронте паузы в работе командующего очень редки, потому что обычно то на правом, то на левом фланге, то в центре — где-нибудь обязательно предпринимаются активные боевые действия. То ли частная операция, то ли перегруппировка, то ли улучшение положения. Не говорю уже о работе в разгар большой операции.

Однако Полевой, хорошо знавший фронтовую обстановку и, я бы добавил, чувствовавший ее, все-таки находил такие моменты, когда ко мне можно было обратиться за информацией для печати. В таких случаях я всегда был рад разговору с ним, так как знал, что он использует встречу со мной в интересах дела и расскажет в печати о том, что происходит на фронте, достоверно, без искажений и отсебятины.

Борис Николаевич часто бывал в войсках, без колебаний ездил и летал на самые боевые и опасные участки, вовремя улавливал все происходящее на фронте события и, на мой взгляд, среди многих достойных представителей советской печати, с которыми я встречался за время войны, был, пожалуй, наиболее оперативным. Слово это сродни нашей военной терминологии, и я употребляю его как вполне заслуженную Полевым похвалу. Оперативность он проявил и в самый последний день войны — первым из всех корреспондентов оказавшись в освобожденной Праге.

Завершив последнее крупное событие войны, освободив Прагу и полностью окружив группировку Шернера, войска 1, 2 и 4-го Украинских фронтов в кратчайший срок решили задачу большой политической и стратегической важности.

Ход и результаты Берлинской и Пражской операций явились новым свидетельством зрелости советского военного искусства, высоких организаторских способностей

наших командных кадров и боевого мастерства советских войск.

Салют в честь освобождения Праги был предпоследним салютом войны. Последний салют — салют Победы, данный из тысячи орудий, прозвучал в Москве через несколько часов после этого.

Я слушал его по радио на своем передовом командном пункте. Вместе со мной были в тот час многие из моих соратников по боевым действиям — члены Военного совета Крайнюков и Кальченко, командующие родами войск и начальники служб фронта, офицеры политуправления, оперативного управления. Торжественность обстановки усиливалась тем, что со всех сторон гремели, если можно так выразиться, самосалюты. Передовые части ушли далеко вперед; они там, конечно, палили из всех видов оружия, но мы их не слышали. Зато уж вторые эшелоны салютовали в эти часы вокруг нас, не жалея сил. Палили в небо и ракетами, и холостыми снарядами, и боевыми патронами из автоматов, карабинов и револьверов. Словом, каждый салютовал как и чем мог...

Не помню сейчас уж всех подробностей этого вечера. Помню товарищеский ужин, не очень длинный, помню, много и с особым чувством пели, но больше всего запомнилось ощущение природы в тот вечер. Весна была в разгаре, все благоухало, и было такое чувство, как будто ты запово увидел природу.

Радость от победы была, конечно, большая, огромная, но все-таки всей меры её в тот первый момент мы ещё даже не почувствовали. И скажу честно, одним из первых и самых сильных желаний этого дня было желание выспаться, и мысль, что наконец это, видимо, будет возможно, если не сегодня, то хотя бы вскоре.

Мне лично выспаться в ту ночь так и не удалось. Почти сразу нахлынуло столько неотложных дел! И первым из них было неожиданное донесение, что в районе Мельника значительные силы немцев ещё оказывают сопротивление. Пришлось срочно распоряжаться и направлять танковые войска для немедленной ликвидации этой довольно сильной и организованной группировки.

Потом навалились другие дела, и должен сказать, что я так и не вкусил тогда всех радостей Дня Победы. Думаю, что не только я, но и другие командующие фронтами по-настоящему почувствовали праздник Победы только во время Парада Победы в Москве и последовавшего за этим приема в Кремле. Вот там я ощутил, что с меня действительно спала какая-то ноша, испытал облегчение и позволил себе выпить за победу.

9 мая у меня было полно забот до глубокой ночи, а утром 10-го я выехал в Прагу. Дорога, по которой я ехал, была забита до отказа. По ней двигалось как бы три не смешивающихся между собой потока. Первый, самый большой, — колонна военнопленных из группировки Шернера. Голова её уже подходила к Дрездену, а хвост был ещё около Праги. Второй составляли выдворяемые чехами из пределов Чехословакии судетские немцы.

А третий огромный поток состоял из тех, кто возвращался из фашистских концлагерей, которых в этом районе было много. Здесь размещалось немало предприятий военной промышленности, а на них немцы использовали подневольную рабочую силу из всех стран Европы. Вид возвращавшихся из лагерей вызывал двойное чувство — и радости и боли. Радости, потому что они возвращались к жизни, шли к себе домой, а боли потому, что просто мучительно было на них смотреть — так изнурены и ужасающе измождены были они в большинстве своем.

Я много раз бывал потом в Праге и очень люблю этот прекрасный город, но, конечно, то первое впечатление от него просто неизгладимо. Город продолжал праздновать свое освобождение, и это всеобщее победное радостное ликование, эти знамена, флаги, цветы делали его особенно красивым и праздничным, несмотря на то, что кое-где нам на пути попадались развалины и пожарища — следы фашистских обстрелов и бомбардировок в дни Пражского восстания.

В этот день, 10 мая, мне удалось лишь бегло познакомиться с Прагой. Главное чувство, которое я при этом испытывал, была радость, что разрушения в Праге все же редки и что нам удалось сохранить город в целости.

Вечером в Праге, в штабе 3-й гвардейской армии, я и член Военного совета К.В. Крайнюков встретились с нашими боевыми командармами — Рыбалко, Лелюшенко, Гордовым и с членами Военных советов этих армий. Всех военачальников мы от всей души поздравили с одержанной победой. Они ответили тем же.

Но долго поздравлять друг друга некогда, надо было думать о нормализации жизни, о снабжении населения и, стало быть, о назначении начальника гарнизона и коменданта города Праги. В этом эпизоде есть некоторые житейские черточки, которые и сейчас, через двадцать с лишним лет, вызывают у меня улыбку.

Сидя в штабе у Гордова и разговаривая об итогах только что закончившейся операции, я сделался свидетелем жаркого спора между Рыбалко и Лелюшенко о том, кто из них первым вошел в Прагу. Этот спор подогревался ещё и таким обстоятельством: по нашей русской военной традиции, начиная со времен Суворова, повелось так, что, кто из генералов первым вступил в город, тот обычно и назначается комендантом.

Слушая этот спор между двумя нашими славными генералами-танкистами, никак не желавшими уступить друг другу пальму первенства, я решил, что не стоит углублять их «междоусобицу», и тут же назначил начальником гарнизона командующего 3-й гвардейской армией генерал-полковника Гордова. Тем самым претензии обоих командующих танковыми армиями сразу же отпали. Вслед за этим я назначил комендантом города человека, так сказать, нейтрального: им был заместитель командующего 5-й гвардейской генерал Парамзин.

Докладывая в этот же вечер по ВЧ из Праги Сталину о назначении Гордова начальником гарнизона в Праге, я встретился с неожиданным для меня возражением. Сталину было непонятно, почему идет речь о начальнике гарнизона; ему больше нравилось слово «комендант». Пришлось объяснить по ВЧ, что, согласно уставу, начальнику гарнизона подчиняются все войска, находящиеся на соответствующей территории, а комендант является подчиненным ему лицом и ведает главным образом вопросами караульной службы, охраны внутреннего порядка.

Выслушав мое объяснение, Сталин утвердил Гордова начальником гарнизона и дал мне распоряжение оказать необходимое содействие для переезда в Прагу из Кошице президента Бенеша и чехословацкого правительства.

Эти указания я выполнил. Президент Бенеш и чехословацкое правительство выразили желание лететь из Кошице в Прагу на самолетах. Самолеты были за ними посланы.

В тот день, когда в Прагу прибыло чехословацкое правительство, на пражском аэродроме был построен почетный караул от войск 1-го Украинского фронта. Наши военные власти были представлены генерал-полковником бронетанковых войск Рыбалко, комендантом города генерал-

майором Парамзиным и другими официальными лицами — генералами и офицерами 1-го Украинского фронта.

А на следующий день я снова приехал в Прагу и встретился там с Председателем Совета Министров Зденеком Фирлингером, с Клементом Готвальдом и другими членами правительства. В дружеской обстановке были рассмотрены многие вопросы нормализации жизни Праги и всей Чехословацкой республики, в решении которых мы в силах были оказать содействие чехословацким друзьям.

С особой теплотой вспоминаю я тогдашнюю встречу с моим боевым соратником генералом Людвиком Свободой, возглавившим министерство национальной обороны. Впервые я познакомился с ним в 1944 году, во время Карпатско-Дуклинской операции, которая проводилась нами в поддержку Словацкого национального вооруженного восстания. В начале операции Свобода был командиром бригады, потом стал командовать всем Чехословацким корпусом вместо не справившегося со своими обязанностями и отстраненного от командования генерала Крадохвила.

В тяжелой, кровопролитной операции Людвик Свобода проявил себя с самой лучшей стороны. Человек он был организованный и исключительно храбрый. О нем можно сказать без преувеличения: такой на поле боя головы перед врагом не склонит. Хотя в буквальном смысле слова это иногда и следовало бы ему делать: уж слишком он рисковал собой. Мне даже пришлось несколько раз указывать товарищу Свободе, что зря он часто появляется в боевых порядках своих частей, и просить его все-таки не становиться автоматчиком даже в критические минуты: он дорог нам как командир корпуса.

Во время войны, когда правительство Чехословакии находилось в Лондоне, Свобода был, формально говоря, для меня представителем иностранного государства, вдобавок

ещё буржуазного. Официально я его называл «господин генерал», но в душе никак не мог привыкнуть к такому обращению. Он был для меня настоящим боевым товарищем и другом, и, когда не было необходимости в официальной и дипломатии, я его в боевой обстановке называл товарищем. Впрочем, как и всех других офицеров Чехословацкого корпуса. И только в тех случаях, не частых, когда был недоволен его действиями, то, чтобы подчеркнуть остроту своего недовольства, менял обращение на «господин генерал». Зато, когда дела у него шли хорошо, а по большей части так оно и было, я называл его «товарищ генерал» или «товарищ Свобода».

За время боев я присмотрелся к генералу Свободе как к организатору боя. Пройдя путь от командира отдельного батальона (весной 1943 года под Харьковом) до командира корпуса, Свобода отвечал тем требованиям, которые предъявлялись на войне к лицам, возглавлявшим крупные войсковые соединения. Он был тверд, способен настоять на выполнении своих приказов, что не мешало ему весьма учтиво относиться к подчиненным.

В своих отношениях с советским командованием Свобода оставался всегда прямодушным, дружественным, искренним, и мы платили ему тем же.

Войной проверено, что нет ничего надежнее той дружбы, которая выражается не в декларациях, а в совместных боевых делах, складывается при выполнении ответственных и сложных заданий, связанных с риском для жизни. А именно так зарождалась и складывалась наша боевая дружба с воинами Чехословацкого корпуса и с его командиром генералом Свободой. В ходе боев, особенно в Карпатах, она была, в подлинном смысле слова, скреплена кровью. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, высокого звания

Героя Советского Союза были удостоены чехословацкие военнослужащие О. Ярош, А. Сохор, С. Вайда, Р. Тесаржик, партизанский командир Я. Налепка, а впоследствии и генерал, в дальнейшем президент Чехословакии Людвик Свобода.

Добрым словом я вспоминаю боевых офицеров 1-го армейского Чехословацкого корпуса, славных сынов чехословацкого народа.

Генерала Свободу отличала глубокая уверенность в правоте своих позиций, вера в то, что новая, зарождающаяся чехословацкая армия, у колыбели которой он стоял, может и будет крепнуть. Он не был в годы войны коммунистом, но был настоящим патриотом, человеком прогрессивных идей, связанных с лучшими стремлениями и чаяниями своего народа; он верил чехословацким коммунистам, верил, что это люди, для которых интересы народа превыше всего; и твердо, не отступая, шел вместе с ними через все испытания — и войны и политики.

Свобода был настоящим народным героем, одним из самых храбрых людей, каких я знал, солдатом в самом высоком смысле этого слова.

Понятно поэтому, как я рад был обнять его, встретившись с ним в его родной Праге, наконец-то освобожденной от фашистов.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

О крупнейших операциях 1945 года — года окончательной победы над фашизмом — рассказал я в этой книге. Но, как известно, история войны началась для нас не с побед, а с горьких неудач и тяжелых испытаний. Наш путь к окончательной победе был долгим и тернистым; он занял почти четыре года, и, на мой взгляд, любой участник войны, пишущий воспоминания о ней, имеет право на обобщения и выводы лишь после того, как осветит весь ход войны, потому что лишь такой, всесторонний анализ может привести к правильным общим выводам.

Поэтому я не хочу спешить с общими выводами. Чтобы с полным чувством ответственности подойти к ним, мне необходимо восстановить в своей памяти все пережитое на войне, все её этапы, а не только последний этап. А пока рискну высказать здесь лишь несколько мыслей, касающихся главным образом наших командных кадров, тех суровых требований, которые предъявила к ним война, и того процесса роста и совершенствования, которые они претерпели, оказавшись перед лицом этих требований. Я уже называл имена некоторых людей. Главным образом, это командующие армиями и родами войск, политработники армейского и фронтового масштаба, начальники штабов фронта и армий, командиры корпусов и реже командиры дивизий.

Однако мои воспоминания предстанут на суд всех участников тех событий, о которых я пишу, в том числе на суд моих боевых товарищей — воинов 1-го Украинского фронта всех званий, от солдатского до генеральского. Мой боевой опыт позволяет мне вспомнить множество эпизодов, связанных с непосредственным пребыванием на передовой. Я мог бы рассказать многое о боевых действиях подразделений, частей, соединений и объединений, о действиях не только командиров дивизий и полков, но и командиров батальонов, рот, батарей, о многочисленных беседах в боевой обстановке в кругу младших командиров и солдат.

Почему же я уклонился от описания этих оставшихся в моей памяти и дорогих моему сердцу эпизодов? Да потому, что мне казалось важным восстановить картину событий в тех масштабах, в которых я имел возможность это сделать по своему тогдашнему положению, то есть в масштабах всего фронта, всего хода операций.

Я останавливаюсь на этом, потому что такое отношение к событиям мне кажется принципиально важным. Думается, что человек, пишущий воспоминания о войне, может принести наибольшую пользу для воссоздания её общей картины в том случае, если он пишет прежде всего о тех событиях и делах, с которыми сам непосредственно сталкивался, за которые отвечал. Правильнее всего смотреть на события войны, если можно так выразиться, с того командного пункта, на который ты был поставлен.

Общая широкая картина войны может сложиться только из многих воспоминаний. её составят воспоминания командующих фронтами и армиями, командиров дивизий и полков, комбатов, командиров рот, младших командиров и солдат. Только все это, вместе взятое, может дать полное

представление о войне, увиденной с разных точек. И едва ли стоит пытаться сводить в чьих бы то ни было воспоминаниях все эти точки в одну.

Сказанное, на мой взгляд, относится не только к воспоминаниям, но в известной мере и к трудам по истории войны.

Нам необходимо иметь историю боевых действий армий, дивизий, полков. В исторических трудах должны быть зафиксированы события и героические подвиги, которыми была так полна война.

Но при создании сводной истории всей Великой Отечественной войны, призванной полномасштабно осветить события и подытожить опыт войны в целом, нет никакой нужды загромождать её частными эпизодами, которые, кстати сказать, в подобном труде могут быть по условиям места изложены лишь крайне бегло и поэтому не дадут представления ни о характере подвига, ни о людях, совершивших его.

История войны не должна в общих трудах рассыпаться на отдельные эпизоды. Они найдут свое законное место в историях частей и соединений, которые надо создавать, не откладывая дела в долгий ящик, пока живы участники войны.

Свои соображения о наших командных кадрах на войне я хотел бы начать с командира полка.

Я не показывал в этой книге действий полков, но и при подготовке и в ходе операций всегда отдавал себе отчет в том, что командир полка — основная фигура в армии и в мирное и в военное время, основной организатор боя. Нет таких всеобъемлющих начальников, как командир полка. Он командир-единоначальник, в его руках собрано буквально все, что относится непосредственно к бою и военному быту, к обучению и воспитанию людей, к поддержа-

нию дисциплины. Если командир полка не на высоте, то, сколько бы ты ни давал туда, вниз, мощных средств борьбы, боевой техники, все равно проку не будет — по-настоящему они не используются.

Взять, к примеру, полковые артиллерийские группы поддержки. Чем дальше шла война, тем мы все чаще имели возможность делать их крупными и мощными. Но они действительно становились такими, если попадали в руки толкового командира полка. Когда же такой командир не понимал характера и роли артиллерии в войне, то и не мог эффективно использовать артиллерийскую мощь.

То же самое и с танками. Мы давали танки поддержки в полки и батальоны. Бесспорно, их место в боевых порядках батальонов. Но и тут роль командира полка была велика. Если в бою он правильно использовал танки, то они воевали хорошо, вводились в бой не вслепую, а с учетом местности и характера обороны противника. Имея в своих руках артиллерию поддержки, командир полка прокладывал танкам путь, давил немецкую противотанковую систему, организовывал взаимодействие пехоты и танков с артиллерией, заботился об эвакуации поврежденных машин с поля боя.

Словом, командир полка был на войне тем мастером, без которого не обойтись в любом деле, в любом цехе, тем более в цехе войны. Без мастера — знатока всех элементов данного производства — дело так же не пойдет, как на войне без командира полка — знатока всех элементов организации общевойскового боя. Командиров таких надо беречь и следить за их судьбой. В меру сил мы старались это делать. Именно из командиров полков в ходе войны вырастали командиры дивизий, корпусов и другие крупные военачальники.

Роль командира полка я хорошо понял в мирное время, когда сам пять лет командовал полком. Командовал по-настоящему, не стремясь поскорее уйти ни вверх, ни в сторону, наоборот, стараясь именно там, в полку, постигнуть все премудрости войсковой службы и жизни. С чувством удовлетворения вспоминаю, как много дала мне эта работа.

Потом я прошел через все должности, начиная с командира дивизии, на которой тоже пробыл шесть лет. И каждая должность меня чему-то учила. Учила меня и Академия имени Фрунзе. Но все-таки самой главной для меня академией был полк. Полк сделал меня человеком поля. Именно в полку я страстно полюбил поле, учения, проводимые с максимальным приближением к боевой обстановке. Я относился к учениям со страстью и считал тогда, так же, как считаю сейчас, что без вдохновения нет учений. И это пригодилось мне на войне.

Не знаю, сумел ли я передать это, но мне хотелось показать, что руководство боевыми действиями — это прежде всего вдохновение, и именно оно, кроме всего прочего, требуется командиру перед принятием самых сложных решений.

А что касается слов Суворова «Тяжело в учении — легко в бою», то для меня они всегда были основой жизни и деятельности. Особенно запомнились мне те счастливые минуты, когда на учениях в Московском военном округе я со своим полком, смешав во встречном бою все карты «противника», вышел прямо на командный пункт командира «Синей дивизии» и Борис Михайлович Шапошников, командовавший тогда Московским округом, похвалил меня за удачный бой. Казалось бы, столько огромных событий произошло после того, позади осталась такая война, а я все ещё по сей день с волнением вспоминаю похвалу Б.М. Ша-

пошникова, высказанную мне, командиру полка, почти сорок лет назад.

Не могу не привести одно принципиально важное соображение маршала Шапошникова относительно роли командира полка. Он считал, что уважающий себя и своих подчиненных начальник, заботясь об авторитете командира полка, никогда не станет проверять полк в отсутствии его командира. Этого он сам неукоснительно придерживался и постоянно внушал другим.

Однажды Б.М. Шапошников прибыл в мой полк. Я находился на стрельбище. Борис Михайлович явился на наш правый фланг. Когда дежурный отрапортовал ему о состоянии полка и о том, где командир, Шапошников остался ждать меня и ждал, пока я не прибыл по его вызову. Он не считал возможным смотреть полк без его командира.

Мне долгое время пришлось командовать полком и дивизией, находясь под начальством Иеронима Петровича Уборевича. Из всех своих учителей я с наибольшей благодарностью вспоминаю именно его. Он сыграл в моем росте, как и в росте других моих сослуживцев, большую роль.

Уборевич был не только выдающимся военачальником Гражданской войны. Находясь в последующие годы на посту командующего округом, он пристально, умело, я бы сказал, умно занимался боевой и оперативной подготовкой и воспитанием кадров. Иероним Петрович умел смотреть далеко вперед. В наибольшей степени именно у него многие командиры учились и перенимали богатый современный опыт, которым обладал этот незаурядный военачальник. Особенно сведущим он был в вопросах организации и обучения войск, командования и штабов, оперативно-тактической подготовки.

Несколько слов мне хочется сказать и о роли командира дивизии. Так же как и командир полка, он — основная организующая фигура общевойскового боя. Командир дивизии не отвечает своему назначению, если не способен в бою правильно использовать все рода войск, входящие в состав соединения и приданные ему. Важно, чтобы он умел правильно понимать и оценивать общую оперативную обстановку, в которой происходят действия его частей. Командир дивизии располагает в своем штабе группой специалистов, и если не опирается на них, не использует их знания, то и сам не сможет быть на высоте предъявляемых к нему требований. Не отвечает он своему назначению и в том случае, когда не опирается, как единоначальник, на своего заместителя, начальника политотдела дивизии и не умеет правильно использовать в бою такую огромную силу, как политработники.

И уж, конечно, на войне обязанности командира дивизии вовсе не сводились к тому, чтобы, как это делали некоторые, уйти на так называемые «глаза» — на передовой наблюдательный пункт — и забыть об управлении дивизией, возложив все заботы целиком на штаб. Эта грубая ошибка порой дорого обходилась нам. Командир дивизии должен быть на наблюдательном пункте лишь в те моменты, когда решаются главные или, во всяком случае, важные задачи. Например, в период начала боя, во время прорыва или при каких-то существенных изменениях в обстановке.

Надо признать, что некоторые командиры дивизий даже в конце войны не полностью это понимали. Бывало, заедешь в дивизию: «Где командир дивизии? Пусть лично доложит обстановку». Отвечают: «Командир дивизии ушел «на глаза». А «глаза» у него в этот момент ничего не видят: уже темно. Под вечер и ночью место командира дивизии, разумеется, не «на глазах», а в штабе, где он должен гото-

вить дивизию к следующему дню. Как правило, на войне дивизия управлялась боевыми приказами на одни сутки, и, ставя с вечера задачу, организуя будущий бой, командир дивизии никому не вправе передоверять эту работу. Он вместе со штабом — штаб под его руководством, а не наоборот — должен готовить будущий бой.

Я всегда считал слабостью, недостатком командира дивизии, если он устранился от организации разведки, целиком полагаясь при этом на начальника разведки дивизии и штаб. Горький опыт войны учил на многих примерах, что если командир дивизии не вникает по-настоящему в дела разведки, не ставит ей ясные задачи, то потом сам оказывается в трудном положении — не в состоянии оценить, что, собственно, происходит перед его участком.

И когда требуешь доклада от такого командира дивизии, то слышишь в ответ стереотипную фразу: «Разрешите доложить, товарищ командующий? Противник оказывает сильное сопротивление». На такой ответ большого ума не требуется. Мало доложить об этом факте, надо ещё разобраться в нем, проанализировать и использовать все свои средства для борьбы с тем, что тебе противостоит, что тебя держит. Уровень докладов о противнике, анализа его сил и возможного противодействия для меня всегда был одним из самых важных критериев в оценке того или иного командира дивизии и степени его соответствия своей должности.

Вспоминаю такой случай в 5-й гвардейской армии. Одна её дивизия никак не могла продвинуться на главном направлении. Командир дивизии находился где-то на НП и несколько раз подряд доносил оттуда, что дивизия не может поднять головы из-за немецкого огня. Мне надоели эти однообразные доклады. И, находясь в расположении армии, как раз неподалеку, я сам заехал на эти «глаза».

Донесения командира дивизии оказались одновременно и правдой и неправдой. Он действительно с утра сидел на НП, на чердаке крайнего дома поселка, и по нему лупили немецкие самоходки. Находясь там, он не мог поднять головы. Но если бы он, не поддаваясь личным впечатлениям, разобрался и оценил обстановку в целом, то понял, что его дивизия уже давно могла бы опрокинуть слабые силы немцев, которые ей противостояли. Это и было сделано через два часа, после того как я вытащил командира дивизии в поле, на высоту, и заставил посмотреть на обстановку по-настоящему, своими глазами, заставил организовать бой в масштабах всей дивизии.

Я привел этот случай ещё и потому, что вопрос о личной храбрости командира на войне не столь прост, как его иногда пытаются представить. Что произошло в данном случае? Командиру дивизии как будто и нельзя было отказать в личной храбрости, а дивизия по его вине действовала в этот день робко, нерешительно. Сам он, находясь весь день под отчаянным огнем, считал, очевидно, что ведет себя героически. А на самом деле, расширяя свое личное ощущение боя, сложившееся на том участке, где он находился, на весь фронт дивизии и соответственно докладывая в высшие инстанции, он робко управлял своей дивизией, обманывал нас, не зная истинного положения дел. Спрашивается, кому нужна такая храбрость?

В другой период войны мне пришлось иметь дело с одним из командующих армией, у которого тоже была страсть садиться как можно ближе к переднему краю, в крайнюю хату деревни. Он всегда находился под огнем противника. Да ещё и штаб с собой брал. Располагал его по соседству, тоже в крайних хатах, и нес потерю за потерей, не говоря уже о том, что всем этим нарушалось нормальное управ-

ление войсками и исключалась возможность трезвых, правильных оценок общей обстановки.

Добавлю, что вопрос о храбрости человека — вещь тонкая, требующая внимания. В данном случае командарм, о котором я упоминал, был человеком исключительной храбрости. Он выбрасывал свои командные и наблюдательные пункты бог знает куда, и мне пришлось с ним довольно долго бороться. Но смелость была сильной стороной этого человека, и я не считал для себя возможным посмеяться над ним или резко одернуть его. Это бы его подкосило, обескрылило. Обладая на войне немалой властью, командующему фронтом очень легко подорвать авторитет подчиненного, а потом поди восстанови его!

Подлинная храбрость очень ценна на войне. Ценна и в высших начальниках, если, конечно, она не единственное их достоинство.

Однако, когда мы говорим о тех качествах, которые требовались от военачальников на войне, то как бы храбрость ни была важна, не она в первую очередь определяла боевые качества людей, руководивших войсками. Смелость, храбрость, личное мужество были характерны для наших командных кадров, в том числе и высших, с самого начала войны. Главные боевые качества военачальника — это умение управлять войсками, постоянная готовность принять на себя ответственность и за то, что ты уже сделал, и за то, что собираешься сделать. Решимость нести ответственность за все действия войск, за все последствия отданных тобою приказов — чем бы это ни грозило и чем бы ни кончилось — вот первый и главный признак волевого начала в командире. Командующим армиями, фронтами в ходе войны приходилось брать на себя ответственность такого рода, причем в начале войны брать в самых тяжких

условиях. И это было одним из самых важных факторов их роста как военачальников.

Война постепенно отодвигала от командных постов тех, кто односторонне, механически понимал ответственность за порученное дело, порой примитивно выполнял приказы и потому терпел неудачи.

Постепенно в ходе войны изживали себя начальники, считавшие, что, чем больше пошлешь в бой пехоты, тем больше она сможет взять. Война обнаружила их несостоятельность. Они не понимали, что в бою решает огонь, что надо прежде всего продвигать вперед огонь, а уже за ним пехоту. Конечно, число — важная вещь, но за числом всегда, как говорит старая истина, должно стоять и умение, искусство вождения войск, танков, пехоты, артиллерии. И этому мы тоже учились в ходе войны. Учились на тяжелых ошибках, просчетах, неудачах. Учились на первых дорогом давшихся успехах. Учились на первых победах, которые поначалу не всегда умели реализовать до конца.

Я пытался обрисовать боевые качества и нравственный облик ряда военачальников, которые оказались на высших командных должностях к исходу войны. Если в какой-то мере обобщить те весьма крупные качественные перемены к лучшему, которые произошли в ходе войны у наших военных кадров в уровне их военного искусства, то коротко это можно выразить так: война сама выявляет и отбирает кадры. Обстановка войны лучше всяких кадровых органов исправляет те ошибки, которые до нее были допущены и кадровыми органами, и высшим командованием в выдвижении на те или иные посты тех или иных людей.

И если перед войной при расстановке кадров в армии было допущено немало ошибок и эти ошибки сказались буквально в первые же месяцы войны, то постепенно война

отодвинула в сторону эти кадры, не справившиеся со всей сложностью обстановки. И прежде всего таких людей, которые оказались неспособными совершить перелом в своей собственной психике и начать выполнять свои обязанности командующих фронтами и армиями так, как этого требовало ведение современной войны.

Достаточен в этом смысле хотя бы пример командующих фронтами. Фронтами командовали не те, кто был предназначен к этому в мирное время и кто оказался на этих постах в первые дни войны. Все командующие фронтами выявились в ходе войны; и может быть, эта формулировка покажется не совсем удачной, но я скажу, что они были порождены войной. Большинство людей, завершавших войну в качестве командующих фронтами и армиями, пришли к этому не в результате стечения случайностей, а в результате своих действий, благодаря своим способностям, знаниям, воле, в результате проявления всего того, что наиболее отчетливо обнаруживается именно на войне.

Так сложилась группа высших командиров, которая несла на себе тяжесть войны. Зная многих из них близко по войне и сталкиваясь с ними в мирное время, анализируя их дела, я прихожу к выводу, что в основе тех качеств, которые сделали их способными к вождению войск на поле боя в условиях современной войны, лежали большие и всесторонние знания, опыт долгой службы в армии — последовательно, ступенька за ступенькой, без перепрыгивания через несколько ступенек. Эти люди знали войска, знали природу солдата. Они ещё в мирное время упорно учили войска тому, что потребуется на войне. Сами учились вместе с войсками и, добавлю, учились у войск. Все лучшее, передовое, что давал тогдашний опыт, они брали от войск и аккумулировали в себе. И среди людей, выдвинувшихся

во время войны в военачальники, я, как правило, в котором почти нет исключений, вижу тех, кто с большой любовью, самозабвенно работал в войсках ещё в мирное время, кто, не почивая на лаврах былых заслуг, постоянно готовил себя к войне, не жил старым, не смотрел назад, а смотрел вперед, в будущее.

Ход и результаты Берлинской и Пражской операций — яркое свидетельство высоких организаторских способностей наших командиров и боевого мастерства советских войск, накопивших большой практический опыт организации и ведения боевых действий в самых различных условиях.

Когда сейчас, спустя двадцать с лишним лет после окончания войны, думаешь о минувших событиях, в памяти ярко встает прошлое, пережитое — и горечь неудач, и радость побед.

...Вспоминается и 1941 год, когда враг, в зените своей боевой мощи, используя все ресурсы покоренной Европы, стоял у ворот Москвы, рассчитывая на легкую победу. Но он понес под Москвой, а затем на Волге и в других битвах тяжелые поражения и не смог спасти свою имперскую столицу от падения. Под обломками поверженного Берлина было погребено и само фашистское государство вместе с преступником Гитлером.

Какой это назидательный урок!

От первых неудач начального периода войны к полной капитуляции побежденного врага, гитлеровской Германии — таков великий путь нашей армии в минувшей войне. Это ли не выдающийся исторический пример! Вот что значат великие идеи ленинизма, воплотившиеся в могучем социалистическом строе Советского государства.

Пройдут века, но никогда не изгладится в памяти грядущих поколений героический подвиг советского народа

и его Вооруженных Сил, разгромивших гитлеровскую Германию в Великой Отечественной войне.

Через все битвы и сражения, через трудности и невзгоды прошли героические воины Советской Армии. Многие из них пали смертью храбрых на полях войны, их ратный подвиг будут чтить благодарные потомки.

Я принимал участие во многих крупнейших событиях войны, многое видел и знал, но даже если бы я рассказал обо всех четырех годах войны, пережитых мною, всё равно это были бы только некоторые страницы той огромной летописи Великой Отечественной войны, которую всем нам коллективно необходимо создать в интересах нашей страны и в интересах истории.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Командующему войсками
1-го Украинского фронта
Маршалу Советского Союза КОНЕВУ
Начальнику штаба фронта
генералу армии ПЕТРОВУ

Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта в результате стремительного ночного маневра танковых соединений и пехоты сломили сопротивление противника и сегодня, 9 мая, в 4 часа утра освободили от немецких захватчиков столицу союзной нам Чехословакии — город ПРАГУ.

В боях за освобождение ПРАГИ отличились войска генерал-полковника ГОРДОВА, генерал-полковника ПУХОВА, генерал-полковника ЖАДОВА, генерал-лейтенанта МАЛАНДИНА, генерал-майора ЛЯМИНА, полковника ЗЕЛИНСКОГО, генерал-лейтенанта ЧЕРОКМАНОВА, генерал-лейтенанта ПУЗИКОВА, генерал-майора БАКЛАНОВА, полковника ИВАНОВА, генерал-майора ОРЛОВА, генерал-майора ДАНИЛОВСКОГО, генерал-майора ВОЛКОВИЧА, генерал-майора КРАСНОВА; танкисты генерал-полковника ЛЕЛЮШЕНКО, генерал-

полковника РЫБАЛКО, генерал-полковника танковых войск НОВИКОВА, генерал-майора танковых войск УПМАНА, генерал-майора танковых войск БАХМЕТЬЕВА, генерал-лейтенанта танковых войск БЕЛОВА, генерал-майора танковых войск ЕРМАКОВА, полковника ПУШКАРЕВА, полковника ХМЫЛОВА, генерал-майора танковых войск МИТРОФАНОВА, генерал-майора танковых войск НОВИКОВА, генерал-лейтенанта танковых войск СУХОВА, подполковника КАРНЮШКИНА, подполковника ЩЕРБАК, полковника СЕЛИВАНЧИКА, полковника ТУРКИНА; артиллеристы генерал-полковника артиллерии ВАРЕНЦОВА, генерал-лейтенанта артиллерии КОЖУХОВА, генерал-майора артиллерии ДОБРИНСКОГО, генерал-майора артиллерии КРАСНОКУТСКОГО, генерал-майора артиллерии МЕНТЮКОВА, генерал-майора артиллерии НИКОЛЬСКОГО, генерал-лейтенанта артиллерии КУБЕЕВА, генерал-майора артиллерии ПОЛУЭКТОВА, генерал-майора артиллерии ДЗЕВУЛЬСКОГО; летчики генерал-полковника авиации КРАСОВСКОГО, генерал-лейтенанта авиации РЯЗАНОВА, полковника НИКИШИНА, генерал-майора авиации АРХАНГЕЛЬСКОГО, генерал-майора авиации ЗАБАЛУЕВА, генерал-майора авиации СЛЮСАРЕВА, генерал-лейтенанта авиации УТИНА; сапёры генерал-полковника инженерных войск ГАЛИЦКОГО, полковника ПОЛУЭКТОВА, полковника КАМЕНЧУКА, полковника КОРДЮКОВА, подполковника СКОРОХОДА, подполковника СОБОЛЕВА; связисты генерал-лейтенанта войск связи БУЛЫЧЕВА, генерал-майора войск связи АХРЕМЕНКО, полковника ОСТРЕНКО, полковника БОРИСОВА, полковника СИМХОВИЧА, полковника БОГОМОЛОВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение

ПРАГИ, представить к присвоению наименования «ПРАЖСКИХ» и к награждению орденами.

Сегодня, 9 мая, в 20 часов столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, освободившим столицу союзной нам Чехословакии — ПРАГУ, — двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение ПРАГИ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины и Чехословацкой республики!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН

9 мая 1945 года № 368.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА.....	3
ОТ ОДЕРА ДО НЕЙСЕ.....	65
ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ПАУЗА	88
БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	104
ПРАЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.....	265
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	333
ПРИЛОЖЕНИЕ	347

Научно-популярное издание

Военные мемуары

Конев Иван Степанович

СОРОК ПЯТЫЙ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Р.В. Зайнуллина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 25.03.2015. Формат 84×108 1/2.

Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 11. Тираж 1500 экз. Заказ № 10395.

ООО «Имидж Принт»

300041, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, д. 70, оф. 129.

Отпечатано в ООО «Тульская типография».

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

УЖАСНЫЙ ВЕК, ОТВАЖНЫЕ СЕРДЦА

СЕРИЯ КНИГ

XX военные
тайны
века

- Военные конфликты XX века
- Известные и неизвестные стороны войны
- Исследования на основе архивных документов
- Уникальные фотографии

Воспоминания Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева рассказывают о заключительном этапе Великой Отечественной войны. В 1945 г. войска 1-го Украинского фронта Конева неудержимо стремились на запад, освобождая страны Европы. На страницах книги читатель найдет подробную информацию о всех наступательных операциях, осуществленных войсками знаменитого полководца. Наряду с описанием боевых действий автор размышляет о военном искусстве, анализирует действия того или иного военачальника, увековечивает вклад Советского Союза в Великую Победу.

ISBN 978-5-4444-3321-8

9 785444 433218

